
Невеста
Морозного
Князя
Аметисса Грэсс

Аметисса Грэсс

Невеста Морозного князя

«Автор»
2026

Грэсс А.

Невеста Морозного князя / А. Грэсс — «Автор», 2026

Когда в деревню приходит беда, Морозный Князь забирает себе невесту. Так было испокон веков, и никто уже не помнит, кто первым заключил эту страшную сделку. Снежелика с рождения отмечена холодом. Она проклятье и наказание, в родном селении её сторонятся, шепчутся за спиной и ждут беды.Когда за ней приходит очередь надеть свадебный венец, Снежелика понимает: пощады не будет. Впереди — заснеженный лес, древние духи и таинственный Князь, от которого ещё ни одна невеста не вернулась.Но старые сказки умеют лгать. И порой самое страшное чудовище скрывается вовсе не в зимнем лесу.

© Грэсс А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. 9
Глава 2. 15
Глава 3. 21
Глава 4. 25
Глава 5. 31
Глава 6. 40
Глава 7. 45
Глава 8. 48
Глава 9. 55
Глава 10. 61
Глава 11. 68
Глава 12. 72
Глава 13. 78
Глава 14. 84
Глава 15. 90
Глава 16. 95
Глава 17. 101
Глава 18. 106
Глава 19. 112
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Невеста Морозного князя

Пролог

Зима в тот год пришла раньше Покрова. Сначала лёгкий снег припорошил крыши, притихшие огороды и пустые тележные колеи, потом за одну ночь прихватило колодцы, а ещё через неделю мороз так вцепился в землю, что мужики, вышедшие рубить мерзлую глину для новой ямы, сломали две лопаты и вернулись ни с чем. Лес стоял рядом, через речку, но и оттуда помощи не было: зверь ушёл глубже, птица пропала, а хворост под снегом приходилось выдирать руками, пока пальцы не переставали слушаться.

Первой пала старостина корова. Её нашли утром в хлеву, с подогнутыми ногами и черной пеной на губах. Староста ещё велел не трогать тушу до полудня, думал, может, отойдёт, но к обеду из соседнего двора прибежала девчонка и закричала, что у них телка бьётся о стену, будто в неё бес вселился. Через три дня скотину уже не считали по головам, считали по дворам, где хоть кто-то ещё мычал за перегородкой. Кожу с павших животных сдирали сразу, мясо сперва боялись брать, а потом всё равно начали варить, потому что в амбарах осталось зерна на две недели, да и то если сыпать в котёл не пригоршнями, а щепотью.

К зимнему солнцевороту Звенец похудел. Женщины сушили на печах крапивные стебли, оставшиеся с лета, мужики молча латали изгороди, хотя огораживать было почти нечего. По ночам над посадом долго тянулся кашель: один начинал у мельницы, второй отзывался у кузни, третий — возле торга, и так до самого рассвета. На третий день после того, как у звонаря умерли сразу две дочери, старейшины пошли к волхвам.

Старые боги в Звенце давно уже были выселены за околицу посада. Их помнили на праздниках, просили у них урожая, оставляли на пнях хлеб и соль, но за настоящей помощью шли редко, когда уже не оставалось ни лекарских трав, ни муки, ни вразумительного ответа. Волхвы держали святилище на старом кургане, у границы бора, и сами туда ходили нечасто: дорога заметалась быстро, а курган стоял на ветру так, что огонь в чашах приходилось закрывать щитками из сыромятной кожи.

В тот вечер к кургану вышел весь посад. Кто мог идти — шёл сам, кто не мог — того везли на санях, чтобы старики тоже видели обряд и не говорили потом, будто их обманули. Впереди несли факелы и медные чаши с углями, за ними шли волхвы в вывернутых мехом наружу кожухах, а дальше тянулись семьи, прижимая к груди узелки с дарами. Кто нёс зерно, кто пряжу, кто нож с костяной рукоятью, кто последнюю белую курицу, тощую до жалости и злую, как голодная хозяйка.

Белую невесту вели посередине.

Звали её Белославой, и в обычный день никто бы не обернулся на неё: девушка как девушка, тонкая, светловолосая, с круглым лицом и чуть раскосыми глазами, привыкшими щуриться от печного дыма. До этой зимы она помогала матери красить холсты, носила воду, умела чинить рукава так мелко, что шва не видно было даже при свече, и собиралась после Масленицы выйти за племянника бондаря. Теперь на ней было длинное белое платье, перехваченное шерстяным поясом, поверх плеч лежал вышитый рушник, а волосы, распущенные по обычаю, всё время лезли в лицо из-за порывов холодного ветра.

Белослава не вырывалась. Два раза она споткнулась на насте, один раз едва не упала, но мать успела подхватить её под локоть и тут же отдёрнула руку, будто вспомнила, что к невесте нельзя прикасаться. Отец шёл с другой стороны, нёс за пазухой маленькую икряную лепёшку, испечённую для последнего благословения, и всё время проверял её ладонью, словно боялся, что лепёшка могла куда-то деться. Его борода обмерзла от дыхания, на шапке налип снег, но он держал спину ровно, потому что на него смотрели соседи.

— Не плачь, матушка, — сказала Белослава, когда они миновали последний двор и вышли на открытое место перед бором.

Мать только мотнула головой. Плакала она тихо, без причитаний.

— Я же не в яму иду.

— Не в яму, — отозвался отец, не глядя на неё. — К хозяину.

Сказал он это твёрдо, как положено, но Белослава услышала, как в конце дрогнул голос, и улыбнулась, чтобы ему было легче.

У подножия кургана уже горели четыре больших костра. Между ними был выложен широкий круг: наружный край — из золы, привезённой со всех печей Звенца, внутренний — из свежего снега. За кругом стояли старшие волхвы. Седые, закутанные так, что видны были только носы да бороды, они казались не людьми, а частью самого кургана, который пережил и прежние зимы, и прежний голод, и тех, кто давно лежал в земле.

Молодой Хранитель Огня стоял у третьего костра и следил, чтобы пламя не перебросилось на меховую опушку старшего волхва. Звали его Молодой волхвом. Он третий год носил медный солнечный знак на груди, чистил чаши, сушил лучину, подновлял глиняные заслонки от ветра и знал, сколько бересты нужно положить под сырые поленья, чтобы не опозориться перед всем посадом.

Сегодня он опозориться боялся меньше всего.

Слова Белой свадьбы он переписывал несколько дней подряд и случайно обнаружил странность.

Старший велел ему приготовить дощечки, потому что память у волхвов хоть и крепкая, но годы всё равно берут своё, а обряд проводили в последний раз так давно, что даже старухи на торгу спорили, при чьей бабке это было. Молодой волхв сначала радовался поручению, пока не добрался до последнего заговора. В новой записи невесту отдавали зимнему хозяину «с плотью, дыханием и именем». В старой, почерневшей от времени дощечке, которую держали под замком, стояло иначе: «с хлебом, дыханием и словом».

Он сказал об этом утром. Старший волхв выслушал, велел принести обе дощечки, долго щурился над царапинами, а потом спросил, кто ещё видел старую запись. Молодой волхв ответил честно, что никто. После этого старую дощечку убрали обратно, а ему велели меньше умничать, потому что в голодный год люди держатся не за буквы, а за то, что может спасти их детей.

Теперь Белослава стояла перед кругом, а Молодой волхв всё ещё пытался придумать, как остановить обряд и не получить посохом по зубам.

— Учитель, — он подошёл к старшему, когда тот принимал у старосты чашу с зерном. — Надо ещё раз сверить слова.

Старик даже не повернул голову.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Ты совсем дурной от дыма стал?

— В последнем заговоре ошибка! Не может быть «плоть» вместо «хлеба». Хлеб дают в дорогу, плоть забирают у мёртвых!

Старший поставил чашу на снег. Несколько зёрен высыпалось через край, и Молодой волхв машинально потянулся их собрать, но старик наступил ему на пальцы мягким сапогом.

— Люди пришли сюда за спасением, — начал он тихо. — Они голодают. У них скотина сгнила в хлевах. Ты хочешь выйти перед ними и сказать, что мы передумали из-за твоей царапаной дощечки?

— Я хочу сказать, что мы не знаем, что делаем.

— Мы знаем достаточно!

— Нет!

Волхв наконец посмотрел на него, и Молодой волхв понял, что старики боятся не меньше остальных.

— Ещё слово, — сказал волхв, — и будешь держать огонь в яме для углей, пока пальцы не почернеют.

Молодой волхв отступил. Спорить дальше было не с кем: остальные волхвы делали вид, что поправляют меха, принимают дары и не слышат младшего служителя, которому вздумалось шатать обряд в самую неподходящую минуту.

Девушку подвели к родителям для последнего прощания. Отец вынул из-за пазухи лепёшку, разломил её на три части, одну отдал дочери, вторую жене, третью оставил себе. Есть на людях было тяжело: крошки прилипали к губам, горло не слушалось, а вокруг смотрели так жадно, что девушке стало стыдно за каждый проглоченный кусочек. Она всё же съела свою часть до конца. Если уж идти к хозяину зимы, то не с пустым животом.

— Ты не бойся там, — мать прикусила губу.

— Буду бояться, — честно ответила Белослава. — Только не сбегу.

Мать закрыла лицо ладонями. Отец вдруг наклонился и поправил ей пояс, хотя тот и так сидел ровно. Руки у него тряслись.

Запели. Сперва нестройно, потому что у многих срывались голоса, потом увереннее. Пели о дороге по белому полю, о санях без коня, о госте с инеем в бороде, который приходит за своей суженой не с ножом, а с венцом.

Белослава вошла в круг сама. На первом шаге снег хрустнул под её ступнёй, на втором зола прилипла к подолу серыми разводами. Она оглянулась один раз, нашла глазами родителей.

Волхвы подняли посохи.

Молодой волхв у костра сжал в руках берестяную растопку до треска. Он шептал правильные слова, те, что были на старой дощечке, и впервые в жизни надеялся, что боги услышат не старших, а его. Надежда была глупая, почти детская, но другой под рукой не оказалось.

— Белую ведём к белому, — начал старший волхв. — Чистую ведём к чистому. Отдаём с плотью, дыханием и именем…

Молодой волхв шагнул вперёд, но двое младших служителей преградили дорогу. Один ухватил его за локоть, второй встал плечом поперёк дороги.

— Пусти!

— Стой, огневик!

— Слова неверные!

— Стой, сказали!

Внезапно налетел ветер. Ещё миг назад дым поднимался ровно, серым столбом, а теперь его прижало к земле и потащило через круг прямо в лица людям. Кто-то закашлялся, ребёнок заплакал, факел у самого края погас с таким звуком, будто его сунули в воду.

Старший волхв повысил голос, но теперь слова разбивались о ветер. Костры заметались, пламя легло на бок, посыпались искры. Невеста стояла в середине круга и прижимала к груди рушник, который вдруг начал подниматься с плеч, будто его тянули невидимые пальцы. Она сделала шаг назад, наступила на зольный край, но сразу остановилась. Нельзя было выходить. Все знали, что нельзя, и она знала тоже.

Потом огонь начал уходить.

Молодой волхв видел такое только однажды, когда в детстве накрыл уголь мокрым корытцем: жар ещё был, дым ещё шёл, а света уже не оставалось. Теперь то же происходило с четырьмя большими кострами сразу. Старший оборвал заговор на половине слова.

— Держать огонь! — крикнул он.

Молодой волхв вырвался. Локоть больно дёрнуло, рукав треснул по шву, зато он добрался до костра, рухнул на колено и сунул под оседающие поленья бересту. Пламя лизнуло кору, вспыхнуло на вдох, но тут же просело опять. Пламя касалось пальцев, но не жгло как следует.

Повалил снег. Люди у края круга попятились, кто-то бросил чашу с дарами, и по насту покатились орехи. Курица вырвалась из узелка, хлопнула крыльями и исчезла под ногами; в другое время за ней бы кинулись, теперь никто даже не наклонился.

В круге было видно белое пятно платья, волосы, взметнувшиеся над плечами, да полосу рушника. Молодой волхв закричал ей что-то, но ветер тут же забил рот снегом. Девушка повернулась на голос. На одно короткое мгновение он увидел её лицо — испуганное, с приоткрытым ртом и ресницами, на которых висели снежные крупинки.

Потом за её спиной что-то шевельнулось. Плотная темнота внутри белой метели, как провал между деревьями, куда не доставал ни один огонь. Молодой волхв бросил лучины, вскочил и побежал к кругу, но снег уже навалил по колено, мешая ступать. Старший волхв схватил его за ворот.

— Назад!

Огневик ударил его локтем, не разбирая, куда попал. Старик охнул, пальцы разжались. В тот же миг последний костёр погас окончательно, и курган накрыла темнота, прорезанная только мутным снегом и редкими углями под ногами.

— Белослава! — заорал кто-то из родни.

Ответа не было.

Молодой волхв перескочил через зольный край. Круг, который ещё недавно был ровным, разворотило ветром: снег смешался с золой, подол его рубахи тут же стал серым, сапог поехал на утоптанной корке. Он успел сделать три шага, прежде чем белое платье исчезло совсем.

На месте, где стояла невеста, остался только рушник. Один край его примерз к снегу, другой бился на ветру и быстро темнел от золы.

Молодой волхв нагнулся, схватил ткань, дёрнул. Рушник не поддался. Тогда он рванул сильнее, порвал вышитый край и бросился дальше, туда, где между деревьями ещё кружил снег. Позади кричали люди, волхвы звали его обратно, кто-то поминал богов, кто-то мать, кто-то требовал факел, хотя факелов уже не осталось.

Он не обернулся.

Ветки ударили по лицу, снег провалился под сапогом, холод забрался под распоротый рукав. Молодой волхв зажал в кулаке обрывок рушника и побежал наугад, туда, где метель была гуще всего.

За спиной Звенец оставался у кургана, среди погасших костров, раздавленных даров и круга из снега и золы, в котором больше не было Белой невесты.

Глава 1.

Печь за ночь почти выстыла. Под золой держались последние угли, но тепла от них хватало только на то, чтобы не замёрзла бадья с водой у лавки. В углу, за ситцевой занавеской, сопела Млада, временами причмокивая во сне. На другой стороне избы кто-то тяжело повернулся на полатях, доски коротко скрипнули, и снова стало тихо.

Снежелика полежала ещё несколько мгновений, считая собственные вдохи. Если встать слишком рано, Офимья потом скажет, что девушка нарочно гремела в сенях и перебудила весь дом.

Она осторожно спустила ноги с лавки. Пол оказался холодным, и ступни тут же свело, но Снежелика нащупала под лавкой чулки и натянула их, стараясь не задеть ведро. Потом нашла рубаху, шерстяную юбку, старую душегрейку с протёртыми локтями и платок. Косы заплела на ощупь, плохо, зато крепко; до рассвета всё равно никто не станет разглядывать, ровно ли легли пряди.

С вечера мачеха оставила столько поручений, что начинать стоило с самой полночи.

Снег во дворе лежал жёсткий, сбитый вчерашними шагами, и под сапогами скрипел так громко, что Снежелика невольно оглянулась на окна. В доме никто не проснулся. Только под навесом зашевелилась старая коза Чернуха, вытянула шею из-за жердей и сердито мекнула, требуя ранний завтрак.

— Потерпишь, — шепнула Снежелика. — Я тоже терплю.

Колодец стоял у задней калитки. За ночь вода успела схватиться ледяной коркой, и ворот примерз. Снежелика поставила вёдра в снег, взяла из-под навеса колун и ударила по льду вокруг цепи. Первый удар только звякнул по краю. Второй дал тонкую трещину. На третьем кусок льда отскочил и попал ей в щёку.

Больно не было. Холодное к холодному пристало.

Снежелика наклонилась, отломила остатки руками, откинула ледяные осколки в сторону и взялась за ворот. Дерево скрипело, цепь шла туго, ведро внизу сначала не хотело проваливаться под воду, будто колодец за ночь передумал служить людям. Пришлось несколько раз дёрнуть. Наконец в глубине глухо плеснуло.

Первое полное ведро она подняла без остановки. На втором ладони начали скользить по обледеневшей рукояти. На третьем пришлось прижать ворот плечом и перехватить пальцы, потому что цепь рванула вниз. Вода расплескалась на снег, оставив тёмные пятна.

Четыре коромысла в дом, два — к пекарской пристройке. В обычный день хватило бы и половины, но сегодня Велена собиралась ставить тесто на торговые караваи, а Офимья ещё с вечера велела натопить банный чан для гостей. Гости должны были прийти к полудню: какая-то тётка с дочерью из соседней слободы ехала смотреть Зорицу, потому что та вышивала свадебные полотенца на продажу и хотела показать работу при людях.

При людях Снежелика мешала. Не то чтобы её прямо прятали. Просто Офимья умела расставить дела так, что падчерица оказывалась то в хлеву, то за дровами, то на заднем дворе, пока соседки сидели за столом, хвалили пироги и Зорицины руки. Если кто-то всё-таки спрашивал, где старшая Иварова дочь, мачеха вздыхала и отвечала, что девка у них нелюдимая, сама людей сторонится.

Когда последняя бадья в пекарне наполнилась, она вернулась во двор за лопатой. Небо над крышами оставалось чёрным, только у самой земли, за мельничным холмом, проступала серая полоска. До первых петухов ещё было время.

Снег у ворот намело косым валом. Если его не расчистить, утром телега с мукой застрянет, а виновата окажется, конечно, не метель. Снежелика сняла рукавицы, подышала на пальцы, снова надела и принялась отбрасывать снег к забору. Лопата брала плохо: снизу снег смерзся

с навозом и песком, сверху лежала рыхлая корка. Железный край то и дело цеплялся за землю и бил в плечо.

За спиной тихо щёлкнула калитка.

Снежелика не обернулась. В это время через задний двор ходил только один человек.

— Ты хотя бы иногда спишь? — спросил Мирослав.

— Сплю. Когда работы нет.

— То есть никогда.

Он подошёл ближе, отобрал у неё лопату и воткнул её в сугроб так уверенно, будто сугроб сам должен был испугаться и расползтись. Мирослав был на голову выше Снежелики, широкий в плечах, с русыми волосами, выбившимися из-под шапки, и с лицом, которое даже в предрассветной темноте казалось открытым и тёплым.

— Велена знает, что ты ушёл? — спросила она.

— Велена сама меня толкнула локтем и сказала: иди, пока эта упрямая не угробилась у колодца.

— Я не угробилась.

— Вот теперь точно не угробишься.

Он работал быстро. Там, где Снежелика сбивала наст несколькими ударами, Мирослав поддевал пласт целиком и с хрустом отбрасывал к плетню. Снег летел на старую бочку, на жерди, на недовольную Чернуху, которая высунулась посмотреть, почему завтрак опять задерживается.

— Не ворчи, — рассмеялся Мирослав. — Мы все тут не ели.

Коза чихнула.

— Видишь? — Снежелика забрала вторую лопату, стоявшую у сарая. — Даже скотина тебе не верит.

— Скотина у нас умная. В отличие от некоторых.

— Это ты о ком?

Снежелика ударила лопатой в сугроб. Железо ушло в наст, ручка неприятно ткнула в живот.

— Мирослав.

— Что Мирослав? — он откинул снег от ворот и выпрямился. — Ты не работница нанятая. Ты дочь в этом доме.

— Очень спорное утверждение.

— Для кого спорное? Для моей матушки?

Снежелика промолчала. Из дома донёсся кашель Ивара, потом скрипнула лавка. Отец вставал рано, но редко выходил во двор до рассвета.

— Отец мог бы сам сказать, что ночные работы — дурь, — продолжил Мирослав, уже тише.

— Мог бы.

— И?

— Не сказал.

— Вот именно.

— Значит, ему так спокойнее.

Мирослав посмотрел на неё с таким выражением, будто хотел встряхнуть, но вместо этого только снова взялся за лопату.

— Тебе самой-то спокойнее?

Девушка сгребла снег к забору и несколько мгновений выбирала, что ответить. Можно было сказать правду: нет, не спокойнее. Можно было соврать: да, привыкла. Оба ответа ничего бы не изменили, только испортили бы остаток утра.

— У нас гости сегодня, — она сменила тему. — Если я не успею, Офимья будет зудеть на всех до самой ночи, Младе с Веленой достанется. Оно тебе надо?

— Мне надо, чтобы ты не считала себя причиной каждой их кривой ложки.

— Не считаю.

Мирослав посмотрел на лопату в её руках.

— Тогда зачем всё время стараешься за всех?

Снежа только фыркнула, и на этом спор на время кончился. Они дочистили проход к воротам, откинули снег от крыльца, сбили наледь с каменной ступени.

Они дочистили проход к воротам, откинули снег от крыльца, сбили наледь с каменной ступени.

Хлев встретил теплом и густым запахом скотины. Снежелика поставила фонарь на выступ бревна, взяла вилы и открыла стойло Милки. Корова тут же сунула ей морду в лицо, обдав тёплым дыханием.

— И тебе доброе утро.

— Вот, — сказал Мирослав, протискиваясь мимо с ведром, — Милка умнее всей семьи. Сразу поняла, к кому ластиться.

— Она ластится к тому, кто сено несёт.

— Неправда. Ко мне она так не ластится.

— Потому что ты вчера назвал её бочкой на копытах.

— Любя.

Девушка покосилась на корову.

— Она не оценила.

Работа в хлеву всегда шла легче, чем во дворе. Здесь было тепло, и скотина требовала простых вещей: сена, воды, чистой подстилки. Пока Мирослав таскал воду, Снежелика выгребала навоз и меняла подстилку. В одном стойле пришлось повозиться: телёнок опрокинул кормушку, залез копытами в сено и теперь смотрел так невинно, будто всё устроил проказливый хлевник. Девушка вытащила из-под него перепачканную солому, щёлкнула пальцами по лбу и оттолкнула морду.

— Не делай таких глаз. Всё видела.

Телёнок лизнул ей рукав.

— Подлизывается, — заметил Мирослав.

— У него получается лучше, чем у тебя.

— Я хотя бы пироги приношу.

— Это Велена приносит.

— А кто Велену уговорил?

Снежелика не стала уточнять, что Велену обычно не нужно уговаривать. Невестка была из тех людей, у которых руки сами тянулись сунуть кому-нибудь кусок хлеба. От неё всегда пахло печью, мукой и чем-то сладким, даже если весь день она месила кислое тесто для чёрного хлеба.

Они как раз вытащили последнюю бочку за хлев, когда дверь избы открылась. В предрассветной серости мачеха выглядела почти так же, как днём: крепкая, собранная, с туго убранными тёмными волосами и лицом, на котором лишним казалось всё, кроме недовольства. Она оглядела двор, задержалась взглядом на Мирославе, потом перевела глаза на Снежелику.

— Опять брату спать не даешь?

Мирослав воткнул вилы в снег.

— Я сам пришёл.

— Конечно сам. У нас все сами идут туда, где их жалеют.

Снежелика сняла с вил налипшую солому.

— Хлев почти готов. Сейчас дрова принесу.

— Дрова уже должны были быть у печи.

— Будут.

— Гости к полудню. Чтобы духу твоего в горнице не было.

— Я помню.

Офимья поджала губы. Ей, кажется, не нравилось, когда Снежелика отвечала слишком спокойно: ругаться тогда было не за что, а раздражение оставалось без дела.

— И лицо умой как следует. Смотреть на тебя.

Мирослав шагнул вперёд, но Снежелика незаметно ткнула его черенком вил в сапог. Офимья заметила и это, прищурилась, но спорить во дворе не стала. Только запахнула платок и вернулась в избу, громко хлопнув дверью.

— Лицо у тебя нормальное, — сказал Мирослав.

— Я знаю.

— Красивое.

— Не начинай.

— Строгое, правда. Как у старой мельничной кошки, когда ей на хвост наступят.

Снежелика посмотрела на него.

— Вот теперь спасибо.

— Пожалуйста. Я умею утешать.

Она всё-таки улыбнулась. Ненадолго, чтобы не успел обрадоваться.

Дрова лежали под навесом, примерзшие друг к другу. Мирослав расколол несколько поленьев, а Снежелика таскала охапки в сени. Вскоре из пекарской пристройки выглянула Велена. Румяная, в платке, с мукой на щеке и младшим сыном на бедре, она выглядела так, будто уже успела прожить половину дня.

— Вы оба тут?

— Мы оба там, где нас любят, — ответил Мирослав.

— Значит точно не тут, — сказала Велена и протянула Снежелике полотенце. — Держи. Только быстро.

В полотенце лежали два маленьких пирожка с капустой. Один ещё дымился.

— Я потом поем.

— Потом ты забудешь. Ешь сейчас.

— Офимья увидит.

— Офимья сейчас считает ложки для гостей и ищет, к чему придраться. У неё важное дело.

Мирослав потянулся к пирожку, но Велена хлопнула его по руке.

— Не тебе.

— Я тоже работал.

— Тебя дома кормят.

— Меня дома ругают.

— Значит, есть за что.

Снежелика взяла пирожок и откусила, пока они не начали спорить всерьёз. Тёплая капуста обожгла язык, тесто оказалось мягким, чуть сладким от моркови. Она только сейчас поняла, как сильно была голодна. Второй пирожок она спрятала за пазуху — не для себя, для Млады. Младшая сестра любила всё, что пекла Велена, а Офимья перед гостями обычно держала детей полуголодными, чтобы потом не воротили нос.

— Снежка, — шепнула Велена, когда Мирослав отошёл за новой охапкой дров. — Ты после курятника зайди ко мне. Я дам тебе чистый передник.

— Зачем?

— Затем, что этот весь в соломе.

— Я всё равно не пойду в горницу.

— И что? Человек должен ходить чистым не только тогда, когда его гостям показывают.

Снежелика не нашлась, что ответить.

Куры шумели хуже баб на торгу. Стоило открыть дверцу, как две самые бойкие тут же попытались прорваться наружу, третья взлетела на жердь и обиженно захлопала крыльями. Снежелика выгребла старую солому, посыпала свежей золы, нашла под гнездом одно яйцо, чудом не раздавленное, и убрала его в карман.

Оставалась зола.

Она перенесла остывшую золу из печи в ведро и вынесла за сарай, где Офимья держала яму для щёлока. Серый порошок попал на подол, на сапоги, на рукава. Снежелика выпрямилась, потянула спину и только тогда заметила, что над крышами поднялось солнце.

По улице пошли люди. Соседка Маруша несла к колодцу вёдра и, увидев Снежелику, отвернулась. Посад просыпался, и вместе с ним просыпалось всё, от чего Офимья старалась держать падчерицу подальше.

Снежелика взяла пустое ведро и пошла к сараю. Надо было убрать его на место, умыться у пекарни и забрать у Велены передник, если та не забыла.

С угла донеслось пение.

— Белая невеста по снегу идёт,

Белая невеста жениха найдёт…

Снежелика остановилась у сарая. Из-за соседского плетня высыпала стайка мальчишек. Все разного роста, в сбившихся шапках и с красными носами. Впереди шагал Птахов младший, рыжий, веснушчатый и вечно грязный, сколько его ни мыли. В руках он держал кривую палку, изображая посох волхва.

— Глядите, — обрадовался он, заметив Снежелику. — Сама вышла! *Белая коса,*

Белые глаза,

Морозный Князь приедет —

Увезёт в леса!

— У меня глаза серые, — сказала Снежелика.

Мальчишки замерли. Птахов младший моргнул.

— Чего?

— Говорю, глаза у меня серые. Песню хоть правильно пойте.

Кто-то прыснул. Рыжий сердито пихнул соседа локтем.

— Всё равно белая! Мать говорит, таких зимой в лес уводят.

— Твоя мать ещё говорит, что ты баламошка[1].

Мальчишки зашлись смехом уже над ним. Птахов младший покраснел до ушей, стукнул палкой по снегу и снова затянул, громче прежнего:

— *Белая невеста,*

Не ходи к реке,

Князь тебя заметит

В белом платке!

Они закружили по улице, изображая обряд: один тащил другого за рукав, третий завывал, как волхв, четвёртый бросал горсти снега вместо золы. Снежелика поставила ведро к стене сарая.

— Вам заняться нечем?

— А тебе страшно? — спросил самый маленький, выглядывая из-за чужого плеча.

— Чего?

— Ну... что Морозный Князь придёт.

[1] полоумный или глупый человек

Снежелика посмотрела на него внимательнее. Маленький был совсем сопливый, с чужими большими рукавицами, которые почти спадали с рук.

— Если придёт, скажу, чтобы сперва двор расчистил, — ответила она. — А потом уже пусть забирает кого хочет.

Мальчишки переглянулись. Такого в песенке не было.

— Дура ты, — неуверенно сказал Птахов младший.

— Зато двор у нас чистый.

Они ещё некоторое время горланили про белую невесту, но уже сбивались со слов, спорили, кто будет Морозным Князем, и один раз чуть не подрались из-за палки.

Снежелика проводила их взглядом, потом подняла ведро и занесла в сарай. Белой Невестой её называли столько, сколько она себя помнила.

Глава 2.

К полудню в пекарской пристройке стало так жарко, что с оконных стёкол потекла вода.

Снежелика стояла у длинного стола по локоть в тесте. Первый замес уже подходил в кадках у печи, а новый никак не хотел становиться послушным: лип к пальцам, расползался по доске и требовал ещё муки, будто знал, что муку сегодня считали особенно строго.

— Не сыпь много, — сказала Велена, даже не оборачиваясь. — К вечеру Ивар спросит, куда ушёл лишний ковш.

— Скажем, что мыши унесли.

— Мышей Офимья уважает больше, чем нас. С них спросу меньше.

Снежелика хмыкнула и всё-таки добавила в тесто щепотку муки, совсем немного. Пекарня у отца была пристроена к дому со стороны мельничного двора: низкая, тёплая, пахнущая ржаной закваской и свежими досками, которыми Мирослав осенью подлатал пол. Здесь Снежелике нравилось больше, чем в горнице. В горнице от неё всё время ждали, что она испортит кому-нибудь настроение одним своим видом. В пекарне если испортишь — так тесто, а тесто хотя бы можно перемесить.

За стеной грохотала мельница. Жернова шли с утра, перемалывая зерно к завтрашней ярмарке. Велена вынула из печи противень с круглыми лепёшками, подхватила одну полотенцем и стукнула костяшкой по корке.

— Пустовата.

— Продашь как праздничную.

— А если спросят, с чего такая тонкая?

— Скажешь, бережем зубы покупателям.

Велена засмеялась, но тут же ткнула Снежелику полотенцем по плечу.

— Не болтай, меси. Нам до вечера надо три полки караваев, две корзины лепёшек и маковые витушки для детей.

— Для детей или для тебя?

— Для детей, — строго сказала Велена. — Я просто проверю, не сырые ли.

На лавке у стены сидел её младший сын Любко, обложенный деревянными ложками и пустыми мисками. Он должен был играть тихо, но стучал ложкой по полу и радовался звуку так, будто сам изобрёл гром. Старший, Радко, крутился возле двери и пытался выпросить кусок сырого теста.

— Сырое живот скрутит, — раз за разом отказывала Снежелика.

— Не скрутит.

— Скрутит. Проверено.

Радко прищурился.

— Ты ела?

— Нет, я кормила им непослушных мальчишек.

К обеду в пекарню начали заглядывать соседки. Первой пришла Маруша с двумя решетами под мышкой и новостью, что на дальнем конце посада у бондаря сдох гусь, хотя гуси, как известно, просто так не дохнут. Потом заглянула рябая Настаска, которой нужно было купить полмешка отрубей, но заодно она успела рассказать, что внизу у речки лёд встал неровно и к ярмарке может не выдержать телег. Третьей пришла старуха Пава, принесла горсть сушёной мяты для Велены и дважды перекрестила Любко от сглаза.

На Снежелику старуха тоже покосилась, но крестить не стала.

— Рано нынче холод тянет, — затянула она, усаживаясь ближе к печи. — Я ещё на прошлой неделе говорила: зима будет долгая. Колени у меня крутит да спину стреляет.

— У тебя колено крутит к дождю, снегу, ветру и к тому, что внук опять стащил медовик, — отозвалась Маруша.

— А стащил?

— Стащил.

— Вот видишь, колено не врёт.

Соседки засмеялись. Велена поставила перед ними кружки с тёплым квасом, хотя сама потом наверняка получит от Офимьи за расточительность. Снежелика продолжала месить тесто и старалась не вмешиваться. При людях ей удобнее было становиться частью пекарни. Пока руки заняты, никто не ждёт разговоров.

Но разговоры сами находили её.

— А ты, Снежелика, на ярмарку пойдёшь? — спросила Настаска, принимая от Велены лепёшку.

— Если работа кончится.

— Работа в доме Ивара не кончается, — заметила Маруша. — Там Офимья её на чердаке разводит, как квасную закваску.

Велена кашлянула в кулак, пряча улыбку.

— Матушка просто хозяйственная.

— Хозяйственная, — согласилась старуха Пава. — Только у хозяйственной и падчерицы должны быть не хуже ложек: чистые и на месте.

Снежелика отскребла тесто от пальцев.

— Я на месте.

Соседки переглянулись. Не зло, скорее неловко. Они не были плохими женщинами; если бы у Снежелики заболел живот посреди улицы, любая довела бы её до лавки, напоила отваром и велела лежать.

С улицы донёсся шум. Сначала собачий лай, потом голоса, потом кто-то радостно крикнул:

— Божич вернулся!

В пекарне сразу стало теснее, хотя никто не вошёл. Маруша поставила кружку. Настаска вытянула шею к окну. Даже Пава поднялась, опираясь на клюку.

— Из Светлограда? — спросила Велена.

— Откуда ж ещё, — сказала Маруша. — Там их хранителей всю осень учили новые чаши лить. Говорят, теперь он не просто наш огневик, а почти учёный человек.

— Учёный или нет, а жених завидный, — заметила Настаска. — Дом есть, служение есть, лицо пригожее. Зорице повезло.

Снежелика взяла скребок и принялась снимать тесто со стола. Скребок шёл плохо, потому что доска была старая, в зарубках. Пришлось давить сильнее.

— Помолвку уже назначили? — спросила Велена.

— Не назначили, так назначат, — Маруша задорно подмигнула. — Офимья зря, что ли, полотенца весь месяц на виду держит? Зорица с ним будет как княгиня. Он огонь хранит, она красотой дом светит.

— Красотой печь не растопишь, — буркнула Пава.

— Так Божич растопит.

Соседки снова засмеялись.

А между тем во дворе шумели всё сильнее. Кто-то остановил сани у мельницы, хлопнула калитка, и через несколько мгновений дверь пекарни открылась. Сначала внутрь влетел холод, за ним — запах улицы, сырого дерева и дорожного дыма, а потом вошёл Божич.

Он был не таким высоким, как Мирослав, зато двигался легко, без лишней суеты, будто всегда знал, куда поставить ногу. На плечах висел тёмный дорожный плащ, подол забрызгало подтаявшей грязью, волосы под шапкой примялись, но лицо оставалось свежим, румяным от

мороза. На груди, поверх рубахи, висел медный знак общинного огня — круг с тремя лучами. Снежелика помнила этот знак ещё с детства: когда в посаде гасла чья-то печь, за новой искрой шли к Божичевой семье.

— Мир дому, — сказал он и поклонился сначала Велене, потом старшим женщинам.

— И тебе добра, — ответила Велена. — С дороги?

— Только что. Ивар сказал, у вас тут можно выпросить кусок хлеба, пока меня не поймали на площади.

— Кто поймает?

— Все.

— А мы тебя на площадь и не отпустим, — захихикала Настаска. — Мы тебя поймали. Поймали-поймали, уже не убежишь!

Божич улыбнулся. Соседки заговорили разом: как дорога, как Светлоград, правда ли, что там печи в три человеческих роста, правда ли, что молодые хранители могут держать уголь голой рукой, правда ли, что он привёз Зорице подарок. На последнем вопросе Маруша сделала вид, что просто поправляет платок, но голову повернула так, чтобы слышать лучше.

— Подарок привёз, — спокойно ответил Божич.

— А какой?

— Если скажу здесь, он до Зорицы дойдёт раньше меня.

— Умный стал, — одобрила Пава. — Раньше проще был.

— Раньше я был ниже.

— Ниже не значит глупее.

— Это ты Мирославу скажи, баба Пава.

Соседки одобрительно загудели. Божич снял плащ и повесил на крюк у двери. Только после этого посмотрел на Снежелику и улыбнулся так открыто, будто нашёл в пекарне именно того человека, которого хотел увидеть.

— Снежка.

У неё скребок на мгновение застрял в зарубке. Так её называли только Мирослав, Велена и он.

— Вернулся, значит, — она не отводила глаз от скребка.

— А ты всё ещё мучаешь этот стол.

— Он первый начал.

Божич подошёл ближе, взял с края стола маленький комок теста и покатал между пальцами.

— Ржаное?

— Ржаное с ячменём. Мука нынче тяжёлая.

— В мельнице говорили, зерно сыроватое.

— Потому что половина посада ждала, когда оно само в мешки прыгнет.

— Не прыгнуло?

— Ленивое зерно.

Он рассмеялся, негромко, и Снежелика вдруг заметила, что в пекарне стало тише. Соседки не замолчали совсем, нет, но разговоры потеряли прежнюю бодрость. Маруша слишком старательно пила квас. Настаска рассматривала Божичев плащ. Пава же пристально рассматривала их, ничуть не стесняясь.

Велена спасла положение, сунув Божичу лепёшку.

— Ешь, пока горячая. И не трогай тесто грязными руками, хранитель ты наш учёный.

— Руки чистые.

— С дороги чистых рук не бывает.

— Справедливо.

Он откусил лепёшку, обжёгся, но виду почти не подал. Почти — потому что Снежелика всё равно заметила, как он прижал язык к нёбу.

— Горячо? — спросила она.

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

Это было так похоже на утренний разговор с Мирославом, что Снежелика невольно улыбнулась. Божич заметил и тоже улыбнулся, уже иначе: не всем сразу, а ей одной.

У двери снова зашумели. В пекарню заглянула Зорица. На ней была тёплая синяя душегрейка, расшитая красной нитью, волосы уложены в тяжёлую каштановую косу, на щеках — здоровый румянец, какой у Снежелики не появлялся даже после часа у печи.

Увидев сосватанного ей всем посадом жениха, разулыбалась и кокетливо затеребила воротник. Соседки сразу оживились. Божич повернулся к ней и поклонился чуть ниже, чем остальным.

— Зорица. Я как раз собирался к вам.

— А свернул в пекарню? — темная бровь изогнулась в недовольстве.

— Ивар отправил.

— Конечно, — сказано это было легко, но Снежелика услышала тонкую иголку в последнем слове. Она взяла пустую миску и пошла к кадке, чтобы не стоять между ними без дела.

Божич достал из-за пазухи небольшой свёрток в красной ткани.

— Привёз тебе. В Светлограде мастерицы такое носят на праздники.

Зорица развернула ткань. Внутри лежала заколка — медная, с тонкими стеклянными вставками, похожими на зёрна рябины. Соседки ахнули как положено. Велена тоже подошла ближе, с Любко на руках.

— Красиво, — невестка не сдержала восхищённого вздоха.

Зорица приложила заколку к косе.

— Мне идёт?

— Тебе всё идёт, — ответила Настаска раньше, чем Божич успел открыть рот.

Он посмотрел на Зорицу внимательно, с уважением и мягкой доброжелательностью.

— Идёт.

Слово было правильное. Голос тоже. Зорица осталась довольна, соседки получили, о чём говорить до вечера, а Офимья, появись она сейчас, наверняка сочла бы сцену невероятно милой.

Снежелика же, вытирая миску, видела: так смотрят не на невесту, а на хорошую вышивку, дорогую ткань или удачно испечённый каравай. С одобрением. С пониманием цены. Без того странного тепла, которое появлялось у Божича в голосе, когда он говорил “Снежка” или спорил с ней.

Мысль вышла нелепая, и Снежелика тут же отогнала её, почти уронив миску. Та звякнула о край стола.

Зорица повернула голову.

— Ты не разобьёшь?

— Не должна.

— Было бы жалко. Перед ярмаркой посуды и так мало.

— Значит, не разобью.

Велена быстро сунула Снежелике полотенце.

— Протри полку у печи, там мука просыпалась.

Девушка одними губами шепнула “Спасибо” и ушла к печи. Зорица тем временем расспрашивала Божича о дороге, о Светлограде, о тамошних лавках и тканях. Он отвечал вежливо, подробно. Когда она говорила, что в Звенце после большого города, должно быть, скучно,

он возражал, что дома работы много и он здесь нужнее. Когда она смеялась над тем, как деревенские мальчишки бегают за его санями, он улыбался. Когда она спросила, привёз ли он новые огневые заговоры, он пообещал показать позже, если старший хранитель разрешит.

Всё было ладно.

Слишком ладно, подумала Снежелика, смахивая муку в ладонь.

У них с Божичем никогда так не получалось. Он мог прийти за водой для общинной чаши и застрять у колодца из-за неё. Он мог спорить с ней о том, почему сырой хворост хуже старой соломы, или вспоминать, как в детстве она выбила у Птахова старшего два молочных зуба за ту самую песенку про Белую Невесту. Он помнил странные мелочи: что она не любит сладкий квас, что у Милки кривой правый рог, что в сильный мороз у Снежелики не краснеют щёки, а белеют пальцы.

Другие, конечно, тоже своеобразно обращали внимание. Шептались. Или крестились. Божич однажды просто принёс ей рукавицы потолще и сказал, что пальцы ей ещё пригодятся.

— Снежка, — позвала Велена. — Посмотри второй замес.

Девушка вернулась к кадкам. Тесто поднялось хорошо, плотной шапкой упираясь в холстину. Она присыпала стол мукой, вывалила мягкую массу и начала делить на караваи. Божич, закончив отвечать соседкам, подошёл ближе и остановился у края стола, но теперь уже держал руки при себе.

— Помочь?

— Ты хлеб печь умеешь?

— Огонь держать умею.

— Это не одно и то же.

Велена услышала и сразу кивнула на печь.

— Вот там и будь полезен. Заслонка заедает, а мне нужно, чтобы к следующей полке жар держался ровно.

Божич засучил рукава и взял кочергу. Зорица приподняла брови: завидный жених, только что вернувшийся из Светлограда, оказался у печи, в муке и саже, но возразить при соседках не могла. Он же и вовсе был безмерно доволен.

Божич проверил угли, поддел полено, сдвинул заслонку и несколько мгновений прислушивался к печи так внимательно, будто та могла сказать что-то важное.

— Слева жар сильнее, — сказал он. — Караваи лучше ставить правее, иначе бок схватится раньше.

Велена довольно щёлкнула языком.

— Учёный человек пригодился.

— А говорила — с дороги руки грязные.

— Теперь уже всё равно грязные.

Снежелика поставила первый каравай на лопату. Божич помог подхватить край доски, и их пальцы почти соприкоснулись. Но девушка вовремя отдёрнула руку и занялась надрезами на тесте. Нож шёл легко, оставляя на будущей корке косые веточки.

— Ты опять режешь рябиной, — сказал Божич.

— В прошлом году были колосья.

— Колосья все режут.

— А рябину нет.

— Значит, покупатели будут знать, чей хлеб брать. Нарасхват будет.

Снежелика подняла глаза.

— Откуда знаешь?

— Потому что твои всегда пышные и вкусные.

Он сказал это просто, словно речь шла о хорошо сбитой полке или правильно натянутой верёвке. У печи хмыкнула Пава. Снежелика вдруг вспомнила, что они не одни, и снова опустила взгляд на тесто.

Зорица подошла к столу, медная заколка уже держала её косу у виска.

— Божич, матушка ждёт тебя в горнице. Отец тоже скоро придёт с мельницы.

— Сейчас.

— Ты же хотел рассказать про Светлоград.

— Расскажу.

Он поставил кочергу на место, но уходить не торопился. Сначала помог Велене задвинуть полку с караваями в печь, потом поднял с пола упавшее полотенце, стряхнул муку и только после этого взял плащ с крюка.

Снежелика отвернулась к кадке.

— Я вечером занесу угли для новой чаши, — сказал Божич уже у двери.

— Кому? — нахмурилась сестрица.

— В пекарню. Велена просила для завтрашней выпечки.

Велена и глазом не моргнула.

— Просила.

Он поклонился женщинам, задержал взгляд на Снежелике ровно на одно мгновение и вышел.

Зорица пошла следом, но уже у порога обернулась.

— Не забудь умыться перед тем, как выйдешь во двор. От тебя вся пекарня в муке.

— Это потому что здесь пекут хлеб.

Маруша прыснула в кружку. Велена резко наклонилась к Любко, будто тот срочно потребовал внимания. Зорица улыбнулась тонко, зло.

— Тебе бы молчать да работу свою делать, рот открывать не будешь, может кто второй женой и возьмёт.

После её ухода пекарня несколько мгновений молчала. Потом Пава поднялась с лавки, забрала свои пустые решет:

— Хороший парень Божич.

— Хороший, — согласилась Настаска. — Зорице пара.

Велена подсыпала муки на стол.

— Снежка, третий замес давай сюда. Пока они там судьбы решают, хлеб сам себя не испечёт.

Снежелика послушно подтащила кадку. Вдавила кулаки в мягкую тёплую массу и принялась месить, пока Велена ставила новые противни, Любко стучал ложкой по полу, а за дверью в горнице смеялась Зорица — красиво, звонко, как смеялась всегда, когда знала, что её слушают.

Божич тоже, наверное, слушал.

Наверное, улыбался.

Наверное, говорил всё, что полагается говорить будущий жених.

Снежелика приказала себе не думать об этом и посыпала стол мукой. Работы хватало, а мысли, если оставить их без присмотра, портили дело хуже сырого зерна.

Глава 3.

Ярмарка занимала всю главную улицу Звенца — от колодца у площади до старой кузницы на окраине. С самого утра туда тянулись телеги, санки, люди с корзинами и узлами. Между рядами бегали дети, собаки путались под ногами, громко переругивались торговцы.

Они с Веленой пришли затемно. Пока остальные раскладывали товар, они носили корзины с хлебом от мельницы к торговому месту. Караваи получились удачными: ровные, с румяной коркой и надрезами-рябинами.

— Ставь эти сюда, — распорядилась она. — А лепёшки ближе к краю. Их первыми разберут.

Снежелика поставила корзину на прилавок и уже собиралась идти за следующей, когда возле соседнего ряда остановилась пожилая женщина в овчинном полушубке.

— Это чья девка? — спросила она у Маруши.

— Иварова.

— Старшая?

— Старшая.

Женщина прищурилась.

— Надо же. Вылитая мать.

Маруша оглянулась на Снежелику и кивнула.

— Есть такое.

Разговор был негромким, но девушка всё равно услышала. Она не стала оборачиваться. Подняла пустую корзину и пошла обратно к мельнице.

Подобное случалось редко, но не впервые. Люди, помнившие её мать, иногда останавливались посреди разговора и начинали всматриваться в лицо Снежелики так внимательно, будто искали давно потерянную вещь.

Возле склада уже ждал Мирослав.

— Чего застряла?

— Ничего.

— Тогда бери мешок.

— Ты издеваешься?

— Нет. Просто проверяю, насколько ты сильнее меня стала.

Снежелика ткнула его корзиной в бок.

— Тогда проверка провалится.

— Жаль.

Они вдвоём подхватили мешок с мукой и потащили к ярмарочным рядам. У хлебного прилавка Велена уже торговалась с покупателями, Любко сидел на перевёрнутом ящике и жевал баранку, а неподалёку стояла Офимья вместе с Зорицей.

Мачеха улыбалась соседкам той особенной улыбкой, которую берегла для гостей. Зорица тоже выглядела довольной: новая заколка поблёскивала в волосах, а возле неё то и дело останавливались молодые парни.

Всё изменилось, когда к прилавку подошла старуха Пава. Она взяла один из караваев, перевернула его в руках и неожиданно сказала:

— Хороший хлеб. Такой же её мать пекла.

Офимья застыла.

— Кто?

— Первая Иварова жена.

Старуха посмотрела на Снежелику.

— Тоже высокая была. И глаза такие же.

Зорица отвернулась к соседнему ряду, хихикнула:

— Люди чего только не придумают.

— А чего придумывать? — пожала плечами Пава. — Я её мать знала ещё девчонкой.

Офимья забрала у старухи каравай.

— Хлеб хороший потому, что Велена за печью следит.

— И потому что Снежелика половину ночи тесто месила, — вмешалась Маруша.

Ненадолго у прилавка все замолчали. Потом кто-то заговорил о цене на мёд, и разговор распался сам собой. Но настроение у Офимьи испортилось окончательно. Снежелика заметила это по тому, как резко мачеха начала переставлять корзины.

Народ прибывал из соседних деревень, музыканты заняли площадь у колодца, мальчишки устроили драку из-за деревянного меча, а торговцы спорили, чей товар лучше.

Снежелика успевала и продавать хлеб, и бегать за водой, и носить пустые корзины обратно к мельнице.

Во время одного из таких переходов её догнал Божич.

— Подожди.

Она остановилась.

— Что случилось?

— Ничего. Просто ты несёшь сразу две корзины.

— И что?

— Одна сейчас развалится.

Снежелика посмотрела вниз. Одна из ручек действительно держалась на честном слове.

— А раньше сказать нельзя было?

— Я сам только заметил, — он забрал корзину и без спроса перекинул её себе на плечо. — Теперь можно идти.

— Спасибо.

— Не за что.

Они прошли несколько шагов молча.

— Тебя сегодня весь посад обсуждает, — вдруг сказал Божич.

— Это ещё почему?

— Потому что половина старух решила вспомнить твою мать.

— Лучше бы про цены вспоминали.

Юноша усмехнулся. У мельницы их нагнали трое местных парней. Одного Снежелика знала — старший сын кузнеца.

— Гляди-ка, — протянул он. — Белая Невеста себе уже и огневика присмотрела.

Его приятели заржали. Девушка даже не замедлила шаг. Такие разговоры она слышала с детства. Но Божич остановился.

— Тебе заняться нечем?

Кузнецов сын моргнул.

— Да мы шутим.

— Плохие шутки.

— А тебе какое дело?

— Такое, что я их уже десятый год слышу.

Парень открыл рот, собираясь ответить, но передумал. Божича в посаде любили слишком многие.

— Ладно, — буркнул он. — Пошутили и хватит.

Когда они ушли, Снежелика покачала головой.

— Зря.

Божич придержал дверь мельницы и дождался, пока она пройдёт первой.

— Что зря?

— Ввязался.

— Почему?

— Теперь скажут, что ты меня защищал, — Снежелика перехватила корзину поудобнее. Ручка снова впилась в ладонь.

— Так я и защищал.

Снежелика поправила корзину на плече. Ручка снова впилась в ладонь, но она почему-то медлила её перехватить. К счастью, впереди уже показалась площадь.

После полудня начались песни и представления. Музыканты поставили скамьи полукругом, женщины вынесли угощение, а молодёжь постепенно собралась вокруг пришедших в посад на ярмарку скоморохов.

Снежелика помогала Велене складывать последние проданные корзины, когда услышала знакомый голос.

— Идёшь?

Она подняла голову. Божич стоял рядом, неловко переминался с ноги на ногу. Кафтан его под меховой накидкой был нараспашку.

— Куда?

— Песни петь.

— Без меня справятся.

— Справятся.

— Тогда зачем я нужна?

— Потому что я тебя приглашаю.

Снежелика посмотрела на площадь. Зорица стояла среди других незамужних девушек в самом центре. Офимья тоже была неподалёку.

— Нет, — она поскорее отвернулась. — Я лучше здесь останусь.

— Почему?

— Работы хватает.

Божич хотел что-то ответить, но его окликнули. Парень тронул её за плечо, но так ничего и не сказал, так, буркнул что-то и ушёл к друзьям. Снежелика проводила его взглядом и снова взялась за корзины.

Только вот через несколько минут обнаружила, что смотрит уже не на работу, а на площадь. Там над берестяными ящиками нарумяненный свеклой балагур махал тряпичными куклами, веселя и детей, и взрослых.

К вечеру хлеб почти закончился. Велена пересчитала выручку, Мирослав унёс последние пустые корзины к мельнице, а торговые ряды начали редеть. Домой возвращались уже в сумерках. Устали все.Даже Офимья почти не ворчала.

После ужина младшая сестра забралась к Снежелике на лавку и подтянула одеяло до самого подбородка.

— Расскажи сказку, — глаза Млады сами собой закрывались после насыщенного дня.

— Какую?

— Про Белую Невесту.

Снежелика вздохнула.

— Опять?

— Последний раз.

Она говорила так каждый раз. Девушка поправила сестре выбившуюся из косы прядь.

— Ну слушай.

Млада устроилась поудобнее, привалилась к сестре тёплым боком.

— Давным-давно, ещё до дедов наших дедов, пришла в Звенец лютая зима. Люди голодали, скотина мерла, а снег не таял даже весной.

— И что было дальше?

— Ух, лисичка, лучше меня ведь знаешь! Тогда одна девушка согласилась стать Белой Невестой. Её отвели к хозяину зимы, чтобы он смилостивился над людьми.

— Она не боялась?

— Боялась.

— А почему пошла?

Снежелика задумалась.

— Потому что считала это правильным.

Млада некоторое время молчала.

— И хозяин зимы её забрал?

— Забрал.

— А потом?

— Потом зима закончилась.

— А девушка?

— Никто не знает.

Млада нахмурилась.

— Так нечестно.

— Почему?

— Потому что про всех известно, а про неё нет.

Снежелика улыбнулась.

— В старых сказках так бывает.

Млада ещё немного поворочалась, потом зевнула.

— Всё равно жалко.

— Спи.

Через несколько минут сестра уже сопела. Снежелика осторожно укрыла её одеялом и погасила лучину. За окном шумел ветер. Обычный декабрьский ветер. Но где-то в посаде мальчишки наверняка снова пели про Белую Невесту, а старики рассказывали одну и ту же историю, которую знали с детства. Историю девушки, ушедшей к хозяину зимы и не вернувшейся обратно.

Глава 4.

Со вторыми петухами Офимья подняла весь дом на ноги.

Из горницы вынесли лишние лавки, сундуки и даже старый горшок с сушёной мятой. Всё казалось мачехе недостаточно нарядным для сватов. Мирослав таскал вещи в сени, Велена хлопотала в пекарне, а Снежелика носила воду и старалась лишний раз не попадаться Офимье на глаза.

Получалось плохо.

— Не туда ставишь.

Снежелика переставила лавку.

— К другой стене.

Она молча развернула её и поставила куда велели.

— Так?

Офимья прищурилась.

— Криво. Сыночка!

Мирослав остановился с сундуком в руках, посмотрел на лавку и передвинул её на полпальца.

— Теперь хорошо.

Разницы никто не заметил.

В пекарне было спокойнее. Велена раскатывала тесто, Любко играл под столом, а Млада натирала лавку с таким усердием, будто ждала не сватов, а княжеский суд.

— Хватит её мучить, — Снежелика забрала у сестры тряпку. — Лавка уже чище твоих щёк.

Млада тут же потерла лицо рукавом.

— А теперь?

— Теперь щека чистая, рукав грязный.

Сестра тихонько хихикнула, но тут же прикрыла рот ладонью, потому что Офимья вошла в пекарню. Мачеха остановилась у порога:

— Снежелика, после полудня в горницу не заходишь. Пироги передашь Велене через сени.

— Поняла.

— И волосы убери. Чтобы ни одна прядь не лезла из-под платка.

Девушка коснулась виска. Пепельная прядь действительно выбилась из-под платка и прилипла к щеке.

— Уберу.

— Не “уберу”, а сейчас.

К полудню стол в горнице был накрыт. В центре лежал каравай с рябиновыми надрезами, рядом поставили пироги с капустой, курицу, солёные грибы, миску мёда и кувшин медовухи.

Зорица крутилась перед зеркалом. На ней была тёплая зелёная душегрейка, новая рубаха с красной вышивкой и медная заколка из Светлограда.

— Не слишком ярко? — спросила она, поворачиваясь к матери.

— Для невесты в самый раз.

— Я ещё не невеста.

Офимья взяла с края стола рушник и стряхнула с него невидимую пылинку.

— После сегодняшнего дня будешь.

Зорица улыбнулась и снова коснулась заколки. Мачеха наконец оторвалась от стола.

— Доченька, ты красавица. Хватит вертеться.

Ивар надел чистую рубаху и сел было на своё обычное место у окна, но Офимья тут же подхватила вышитую подушку и переложила её на другую лавку.

Мирослав принёс из погреба кувшин медовухи.

— Если разобьёшь, — предупредила Велена, — сам будешь объяснять матери.

— Я женатый человек. Я уже умею выживать.

Велена замахнулась полотенцем, но её муженёк вовремя увернулся. Даже Снежелика невольно улыбнулась. Махеча, увидев баловство, тут же их пресекла:

— Хватит веселиться. Гости скоро будут.

После полудня в ворота постучали. После полудня в ворота постучали. Пекарня стояла рядом с домом, и через приоткрытую дверь Снежелика слышала почти весь разговор.

Гостей встретили как положено.

Первым вошёл отец Божича — седой хранитель общинного огня. Следом появился сам Божич в новом алом кафтане. Медный знак на его груди блестел так, будто его натирали всё утро.

Он поздоровался со старшими, а затем осторожно поцеловал Зорице руку.

Снежелика в этот момент снимала с противня пригоревший край теста ножом. Нож соскользнул и царапнул доску.

— Руку не порежь, — тихо сказала Велена, даже не оборачиваясь.

— Не порежу.

— Ты на доску смотри, а не туда.

Снежелика поддела пригоревшую корку и бросила её в миску для кур.

В горнице уже начали говорить о дороге, ярмарке и будущем урожае. Божичев отец хвалил мельницу, Ивар скромно отмахивался, Офимья подкладывала гостям пироги.

Потом разговор перешёл к главному. Снежелика поняла это по тому, как Офимья перестала ходить между столом и печью. В горнице заскрипела лавка.

— Дом у нас не богатый, но крепкий, — говорил отец Божича. — Огонь в нём держали мой дед и прадед. Сын мой службу знает, руки к делу приучены.

Он поставил чашу на стол и провёл ладонью по бороде, будто стирал дорожную пыль.

— Лишнего не обещаю, Ивар. Сам видишь, парень молодой. Но работу свою знает. Общинный огонь ему доверяют не за красивые глаза.

— А наша Зорица без дела тоже не сидит, — подхватила Офимья и тут же подвинула к гостям блюдо с пирогами. — Рубаху сошьёт, пряжу напрядёт, хозяйство держать умеет.

Снежелика фыркнула: сестрица едва ли знала, с какой стороны браться за печную лопату, а вот, поглядите, примерная невеста!

— Это верно, — кивнул отец Божича. — Видно.

Зорица опустила глаза и поправила рукав. Ивар откашлялся, отставил чашу.

— Девка у нас спокойная. Дом любит. Чего ещё человеку надо?

— Хорошая хозяйка в доме половины бед не допустит, — согласился гость.

Офимья довольно выпрямилась.

— Вот и я так говорю.

Мирослав, стоявший у двери с пустым кувшином, потёр лоб ладонью. Велена забрала у него кувшин прежде, чем он успел что-нибудь уронить.

— Божич? — позвал его отец.

В горнице стало тихо.

Снежелика взяла миску с пирожками и, чтобы не стоять без дела, начала перекладывать их на чистое блюдо. Один пирожок развалился по шву, и капуста вывалилась на ладонь. Горячо было так, что пальцы защипало, но она только стряхнула начинку обратно.

Он провёл пальцем по краю чаши и на мгновение замолчал.

— Что же? — насторожилась Офимья.

— Не торопить меня с последним словом.

Отец медленно поставил чашу на стол.

— Божич.

— Я не отказываюсь.

— Тогда чего тебе ещё надо?

Парень сжал пальцы на колене.

— Разобраться сперва с самим собой.

Пирожок выскользнул из рук Снежелики и упал на пол.

— Я бы попросил сроку.

— Какого сроку? — нахмурился Ивар.

— До зимних торгов.

— На что?

— Чтобы не говорить впопыхах.

— Впопыхах? — переспросил отец.

— Слово один раз дают.

Зорица сидела неподвижно. Только большим пальцем тёрла край рукава, пока красная нитка не начала выбиваться из узора. Офимья накрыла её руку своей.

— До зимних торгов, говоришь? — спросила она.

— До них.

— Не на бегу же вас позвали. Не у ворот схватили.

Ивар поёрзал на лавке.

Отец Божича тяжело провёл ладонью по бороде.

— Сын, ты бы дома сперва сказал.

— Дома я бы сказал то же самое.

— А при людях зачем?

Божич опустил взгляд на стол.

— Потому что слово здесь дают. Не в сенях.

Зорица коротко усмехнулась.

— Хорошо сказано. Красиво.

— Зорица, — тихо окликнул её Божич.

— Что? Я же хвалю.

Офимья резко придвинула к гостям блюдо с пирогами.

— Может, пирога возьмёте?

— Благодарствуем, хозяйка, — отец Божича поднялся первым. Лавка заскрипела, и этот скрип будто разрешил всем остальным шевелиться. — Хорош был стол. Да нам, видно, пора.

— Куда же так скоро? — Ивар тоже поднялся.

— Домой. Разговор теперь домашний.

Божич встал следом. Он хотел поклониться Зорице, но та уже отвернулась к окну. Тогда он поклонился Офимье и Ивару.

Велена вынесла рушник, чтобы завернуть каравай в дорогу, но Офимья остановила её.

— Не надо.

— С пустыми руками отпускать нехорошо.

— Они не за караваем приходили.

Рушник повис между ними. Велена сжала ткань, потом всё же опустила глаза и отступила.

В сенях стало тесно. Гости натягивали тулупы, Млада вертелась у печи. Божич задержался у порога пекарни, и Снежелика, стоявшая с блюдом, не успела отвернуться.

— Снежка…

Она поставила блюдо на лавку.

— Иди. Батюшка ждёт.

— Я не хотел, чтобы так вышло.

— А как хотел?

Он открыл рот, но из сеней уже позвали:

— Сын!

Божич провёл ладонью по рукаву.

— Потом скажу.

— Много ты сегодня на потом отложил.

На мгновение он усмехнулся, но улыбка тут же исчезла. За его спиной Офимья стояла у двери в горницу, и Снежелике самой захотелось вытолкать парня во двор, лишь бы он ушёл быстрее.

Гости вышли. Полозья заскрипели по утоптанному снегу. В доме никто не двигался, пока скрип не стих за поворотом.

Первой зашевелилась Офимья. Она прошла к столу, взяла чашу Божича и вылила недопитую медовуху в помойное ведро.

— Чего глядите? Стол убирать надо. Сватовство закончилось.

— Не закончилось, — возразил Ивар. — Отложилось только.

Офимья медленно поставила чашу на стол.

— Отложилось?

— До торгов. Там видно будет.

— Видно уже сейчас.

Зорица поднялась из-за стола и подошла к окну.

— Матушка, не надо.

— Что не надо, доченька?

— Так смотреть.

— А как мне смотреть? Весело?

Офимья взяла нож и начала резать каравай, хотя его уже никто не просил. Ломти выходили неровными. Снежелика машинально потянулась помочь.

— Не тронь.

Она убрала руку и взяла со стола пустую миску.

— Божич не сказал дурного слова, — снова попробовал Ивар. — Парень смирный. Может, правда думает.

— До чего же у нас все думающие стали, — отрезала Офимья. — Один думает, как слово дать. Другой думает, как жену унять. Третий стоит да думает, вмешаться или нет.

Мирослав высвободил рукав из пальцев Велены.

— Если это про меня, так я не думаю. Я вижу, что ты зря на всех кидаешься.

— На всех? — Офимья повернулась к нему. — Нет, сыночка. Я как раз на одну гляжу.

Снежелика поставила миску на стол.

— На меня?

— А на кого же ещё?

— Я тут при чём?

— При том, что он сегодня не на Зорицу глядел.

Млада испуганно пискнула и сильнее вцепилась в юбку Велены.

— Он за столом сидел. Я вообще в пекарне была.

— Вот именно. В пекарне. А глаза его туда сами бегали?

Офимья принялась перечислять всё подряд: ярмарку, порванную корзину, разговоры у печи, приглашение на песни.

— Он тебя защищал? Звал? Возле тебя крутился? А ты, стало быть, ни при чём?

— Я его не звала.

— Зато весь посад видел.

— Возле меня все крутятся, когда я хлеб продаю. Есть хотят.

Мирослав фыркнул. Зорица резко обернулась от окна.

— Не смешно.

Зорица сняла заколку и положила её возле каравая.

— Он мне это привёз. Мне. А потом стоял у печи и с тобой про рябину болтал.

Снежелика посмотрела на заколку.

— Я не звала его к печи.

— А тебе и звать не надо, — тихо сказала Зорица.

Офимья кивнула.

— Вот именно.

— Довольно, — вмешалась Велена. — Божич сам себе хозяин. Коли попросил сроку, с него и спрос.

— Ты бы лучше молчала, Велена. Твоя доброта уже полдома распустила.

— Если тебе оттого плохо, что я Снежку кормлю, матушка, так ты с меня и спрашивай. Мирослав тут ни при чём.

Мирослав перестал перекладывать чашки. Одна осталась в его руке, другая так и стояла на столе.

— Велена...

— Что Велена? Я тоже языком пользоваться умею, просто редко достаю.

Офимья несколько мгновений смотрела на невестку.

— Значит, и ты туда же.

— Я никуда. Я посуду убираю.

Она сунула Мирославу чашки, но тот не двинулся с места.

— Снежелика не виновата.

— А я сказала — виновата?

— Сказала.

Офимья смела крошки со стола.

— Лишнее в этом доме вот что, — она кивнула на Снежелику. — С малолетства вокруг неё шёпот да пересуды. А теперь ещё и жениха у дочери с пути сбила.

— Офимья! — повысил голос Ивар.

Но тут же сбавил тон:

— Нельзя так.

— А что можно? Смотреть, как мою дочь позорят?

Снежелика вытащила занозу из пальца и только потом подняла глаза.

— Я понимаю.

— Что же ты понимаешь? — спросила Зорица.

— Что тебе больно. И что виноватой тебе хочется видеть меня.

Зорица шагнула вперёд, но мать удержала её за локоть.

— А разве нет?

Снежелика взяла заколку и переложила её на чистый край рушника.

— Нет.

Офимья долго смотрела на неё.

— С завтрашнего дня работаешь в пекарне. В горницу без зова не входишь. С Божичем одна не разговариваешь. На посиделки не ходишь.

— Не много ли берёшь? — резко спросил Мирослав.

— Я в своём доме распоряжаюсь.

— Это отцов дом.

Все посмотрели на Ивара. Несколько мгновений казалось, что он наконец скажет что-то твёрдое.

— Дом общий, — выдавил он. — Не надо делить.

Мирослав прикрыл глаза. Велена коротко выдохнула. Офимья улыбнулась.

— Вот и не будем делить. Значит, в общем доме будет порядок.

Снежелика поняла, что разговор окончен. Она взяла лохань с грязной посудой и ушла в пекарню.

Там они с Веленой некоторое время молча мыли чашки.

— Она не права, — наконец сказала Велена.

— Знаю.

— Правда знаешь?

— Правда.

Велена толкнула её плечом.

— Тогда не позволяй сделать из себя виноватую.

Снежелика долго тёрла чашку, от которой никак не отходил мёд.

Позже она вернулась в дом мыть пол. Между досками застряли хлебные крошки и следы мокрых сапог. Офимья стояла рядом и молчала.

Девушка подняла с пола кусочек каравая и сжала его в ладони.

Глава 5.

Утром Млада не пришла в пекарню.

Снежелика заметила это, когда уже натаскала воды, подмела у печи и высыпала в корыто последнюю мерку ржаной муки. Обычно сестра появлялась затемно: сонная, с растрёпанной косой, но непременно первая совала нос в кадку и спрашивала, будет ли ей корка от первого каравая. Сегодня под столом никто не ёрзал и не просил дать «самую маленькую работу, но важную».

Велена поставила на стол миску и обернулась к двери.

— Млада у вас?

— Думала, у тебя, — Снежелика стряхнула муку с пальцев. — Может, Офимья не пустила.

— После вчерашнего? Могла.

Из дома донёсся короткий кашель. Снежелика вытерла руки о передник и вышла во двор. У сеней стояла Зорица в наспех наброшенной душегрейке, без медной заколки, с припухшими глазами.

— Чего бегаешь?

— Младу ищу.

— Спит она. Матушка велела не шуметь.

— С чего это днём спит?

Зорица поправила рукав.

— Кашляла ночью.

В горнице было натоплено сильнее обычного: у печи стояла лохань с горячей водой, на столе лежали луковые очистки, рядом остывала чашка липового отвара. Офимья сидела у лавки, на которой лежала Млада, и держала у её рта деревянную ложку.

— Не лезь, — сказала мачеха.

— Я только посмотрю.

— Сказала — не лезь.

Млада приподняла веки и потянулась рукой через край одеяла.

— Снежа…

Снежелика подошла ближе. Офимья хотела заслонить её плечом, но девочка уже ухватилась за край Снежеликиного передника горячими пальцами.

— Горло болит? — Снежелика присела и убрала прилипшую ко лбу прядь.

Млада кивнула. Ложка звякнула о чашку: Офимья поставила отвар на стол.

— Попей. Не Снежелику зови, а пей.

— Горько.

— Лекарство сладким не бывает.

— Бывает, если мёду положить, — сказала Снежелика и потянулась к миске.

Офимья перехватила её за запястье.

— Я сама знаю, что класть моей дочери.

Снежелика высвободила руку, взяла чистую тряпицу, окунула в лохань, отжала и положила сестре на лоб. Млада закрыла глаза и перестала цепляться за передник.

— Ей жарко.

— Я не слепая.

В дверях остановился Ивар, на ходу застёгивая полушубок.

— За Марфой схожу. Пусть глянет.

— Простыла девчонка, вот и всё, — сказала Офимья.

Млада закашлялась, попыталась сесть, но тут же повалилась обратно. Снежелика подхватила её под плечи, Велена, успевшая войти следом, подставила чашку.

— Иди, батюшка, — сказала Велена. — Лучше зря знахарку позвать.

Ивар кивнул и вышел. Офимья отобрала у Снежелики мокрую тряпицу.

— Тебе в пекарню пора.

— Тесто подождёт.

— У тебя, значит, тесто подождёт, а у меня больная дочь сама себя поднимет?

— Я и поднимаю.

Млада зашевелилась.

— Не ругайтесь.

Велена поправила одеяло и подтолкнула Снежелику локтем к двери.

— Иди пока. Я тут побуду.

В пекарне тесто больше не слушалось рук. Снежелика пересыпала муки, потом долила воды и вымешивала липкую массу, пока плечи не заболели. За стеной хлопали двери: Ивар привёл знахарку Марфу, Зорица бегала за чистыми рубахами, Офимья грела воду. Первый каравай начал пригорать. Велена молча вытащила его ухватом и ткнула ножом в тёмную корку.

— Курам сойдёт.

— Сильно?

— Корка или Млада?

— Млада.

Велена срезала пригоревшее, бросила в миску.

— Марфа говорит, простуда. Липа, гусиный жир, не давать вставать.

— И всё?

— Если к ночи жар спадёт.

К ночи жар не спал.

Млада то просила пить, то отворачивалась от чашки. Отвар стекал по подбородку, Офимья промокала рубаху полотенцем и каждый раз сердито шептала, что девочка сама себе хуже делает. Ивар так часто подбрасывал дрова в печь, что в горнице стало душно.

— Окно бы приоткрыть, — сказала Снежелика, меняя воду в тазу.

— Холод пустишь.

— Ей нечем дышать.

— Не тебе решать.

Млада повернула голову.

— Снежа, пить.

Офимья замерла с чашкой в руках. Снежелика взяла кружку, приподняла сестру и поднесла воду к губам. Млада выпила два глотка, закашлялась, но уже не отворачивалась.

— Не уходи.

— Не уйду.

Офимья поставила чашку на стол так, что вода плеснула через край.

— Конечно. Кого же ей ещё звать.

— Мам, — Зорица подняла голову. — Не сейчас.

— А когда? Когда всякий чужой человек начнёт тыкать мне в лицо, что моя дочь чужую сестрой зовёт?

Снежелика уложила Младу обратно.

— Я не чужая.

— Для неё, может, и нет.

Велена выкрутила полотенце над тазом.

— Больной ребёнок тянется к тому, кто не шипит над ухом.

Офимья резко обернулась.

— Ты следи за языком.

— Следила. Надоело.

Мирослав вошёл из сеней с охапкой дров и уронил пару поленьев у порога.

— Опять начали?

— Не суйся.

— А я в своём доме, — Мирослав поднял поленья и сложил их возле печи. — Или это правило только для тебя работает?

Ивар провёл ладонью по лицу.

— Тише все. Девчонку разбудите.

Млада не спала. Она смотрела в потолок, шевелила губами и перебирала пальцами край одеяла. Снежелика наклонилась ближе.

— Что говоришь?

— Не в лес...

— Какой лес?

— Бело там.

Зорица выронила иглу, и та звякнула о пол.

— Бредит, — быстро сказала Велена. — Жар у неё.

— Снежа, — Млада нашла её глазами. — Не отдавай.

Снежелика взяла сестру за руку.

— Не отдам.

Офимья резко оттолкнула её ладонь.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что не тебе такие слова давать.

— А кому?

Мачеха не ответила. Только велела всем расходиться. Никто не послушал. Даже Ивар сел у лавки и положил ладонь на край одеяла, словно мог удержать болезнь весом руки.

К утру Марфу позвали снова.

Снежелика сама пошла за ней, потому что Ивар к рассвету едва держался на ногах. У ворот тётки Варвары две соседки чистили корыто от наледи; увидев Снежелику, они перестали скрести ножами.

— К Марфе? — спросила Варвара.

— К ней.

— Млада хуже?

— Жар не спадает.

Женщина покосилась на соседку.

— А зовёт всё тебя?

Снежелика остановилась.

— Кто сказал?

— Да люди говорят.

— Люди много говорят, когда руки свободны.

Она пошла дальше, но за спиной донёсся шёпот Варвары:

— Сначала сватовство расстроилось, теперь девчонка слегла. Зимняя кровь себя покажет.

Снежелика вернулась на два шага.

— Если Млада поправится, ты тоже всем скажешь?

— Чего скажу?

— Что язык у тебя быстрее головы работает.

Соседка Варвары прыснула, но тут же прикрыла рот рукавицей.

У Марфы в избе пахло сушёной полынью, дымом и кислым молоком. Старуха долго не открывала, потом высунулась в сени с кочергой в руке.

— Кого принесло?

— Младе хуже.

— Я вчера сказала, что делать.

— Делали. Не помогло.

Марфа прищурилась.

— Жди, пока оденусь. И мешок мой возьми.

Обратно они шли медленно. Марфа ругалась на каждую колею, Снежелика несла её мешок и поддерживала старуху под локоть. У колодца уже стояли три женщины. Разговор стих, но не сразу; одно слово всё-таки успело выскочить.

— Невеста.

Марфа остановилась.

— Чья?

Женщины переглянулись.

— Да мы так...

— «Так» у вас козы блеют, — старуха стукнула кочергой по снегу. — Чья невеста?

— Марфа, не заводись, — сказала Варвара.

— Я ещё не заводилась. Когда заведусь, ты у меня неделю молоком икать будешь.

Снежелика потянула старуху за рукав. У самой калитки Марфа вдруг остановилась и посмотрела на неё внимательнее.

— Всё тебя зовёт?

— Зовёт.

— Руки у неё холодеют?

— Горячие.

— Губы синеют?

— Нет.

— Значит, пусть бабы языки в прорубь сунут. От зимней крови так не горят.

Снежелика распахнула калитку.

— А как от неё?

Марфа поправила ремень мешка на плече.

— От неё не горят, девка. От неё стынут. И рядом стынут. Запомни, пригодится.

В доме Марфа разогнала всех от лавки. Ивара отправила за чистой водой, Мирослава — колоть лучину, Зорицу — кипятить тряпки, Офимью — держать язык за зубами. Потом развела травы кипятком, добавила щепоть соли и велела держать Младу крепче. Девочка проснулась, застонала и отвернулась от ложки.

— Не хочу.

— Я тоже много чего не хочу, — Марфа поднесла ложку к её губам. — Например, слушать, как твоя мать охает.

— Горько.

— Зато живой будешь.

Млада сжала рот. Снежелика села рядом, положила ладонь ей под затылок и приподняла.

— Выпей. Потом дам корку от первого каравая.

— С мёдом?

— С мёдом.

— Офимья! — Марфа протянула руку. — Мёд сюда, раз обещали ребёнку взятку.

Офимья молча подала миску. Млада выпила три ложки, на четвёртой закашлялась, но уже не вырывалась.

— Сидеть будешь здесь, — велела Марфа.

— Я?

— Нет, печная заслонка. Тебя зовёт — ты и сиди.

Офимья резко поставила миску с мёдом на стол.

— Она не будет сидеть у моей дочери одна.

— Так сядь рядом и молчи. Твоё материнское право никто не крадёт.

К полудню дом стал проходным двором.

Одна соседка принесла гусиный жир, но вместо того чтобы отдать Велене, вытянула шею и попыталась заглянуть в горницу. Другая принесла лук, третья — сушёную малину. Каждая задерживалась на пороге. Каждая смотрела не на Младу, а на Снежелику.

— Жар спал? — спросила женщина с малиной.

— Нет ещё, — Велена загородила проход плечом.

— А она всё зовёт?

— Кого?

Женщина переложила пучок из руки в руку.

— Да я не со зла.

Велена забрала малину и закрыла дверь перед самым носом соседки.

Зорица сидела у лавки и распутывала тесьму на Младиной рубахе. Пальцы у неё дрожали, узел никак не поддавался.

— Дай, — сказала Снежелика.

— Сама.

— Ты сейчас всю тесьму порвёшь.

Зорица вскинула глаза, но Млада застонала, и спор закончился. Она протянула рубаху. Снежелика распутала узел кончиком иглы и вернула ткань обратно.

— Спасибо, — пробормотала тихо Зорица.

Офимья услышала. Её лицо стало жёстче, но Млада снова открыла глаза.

— Снежа?

— Здесь.

— А Зоря где?

Зорица наклонилась так стремительно, что едва не ударилась о лавку.

— Тут я, дурёха. Куда денусь?

Млада попыталась улыбнуться.

— Не ругайся.

После полудня во двор вошёл Божич.

Он стоял у ворот с мешочком в руке и не решался идти дальше. На алом кафтане темнели мокрые пятна от снега, медный знак на груди был тускл. У забора крутились две соседские девчонки; завидев Божича, они прилипли к калитке.

Мирослав вышел из сеней с топором.

— Тебе чего?

— Узнать про Младу.

— Узнал?

Божич протянул мешочек.

— Мать дала сушёной смородины. Для отвара.

Мирослав взял мешочек и кивнул на дом.

— Заходи. Только если опять пришёл срок просить, я тебя этим топором ух!

— Я не за этим.

В горнице Божич поклонился старшим. Марфа велела не топтаться мокрыми сапогами, и он послушно отступил к порогу.

— Люди говорят о Белой Невесте, — произнёс Божич. — Я пытался объяснить у колодца.

— И что? — Мирослав скривился.

Божич сжал шапку.

— Сказали, что я после сватовства не тот человек, чтобы заступаться.

— Быстро у нас доверие портится. Вчера жених, сегодня пустой горшок.

Божич подошёл к лавке, но не слишком близко, чтобы Офимья не оттолкнула его при всех.

— Млада болеет, а люди продолжают выдумывать сказки

— Белая Невеста не сказка, — тихо сказала Зорица.

Марфа перестала размешивать отвар.

— А ты её видела?

Зорица смутилась.

— Нет.

— Мать твоя видела? Варвара? Лукерья?

Офимья промолчала.

— Никто не видел, зато все языком мерят, — Марфа стукнула ложкой по краю чашки. — Примета — не дубина. Ею по голове не бьют.

Млада вдруг резко вдохнула, открыла глаза и села. Одеяло сползло на пол. Снежелика успела подхватить её под спину, Зорица схватила чашку, чтобы не разлить отвар, Божич шагнул вперёд и остановился после взгляда Офимьи.

— Снежа, — Млада смотрела прямо перед собой. — Там белая.

— Где? — Снежелика удерживала её за плечи. — Млада, где?

— У окна.

Зорица резко обернулась. За стеклом была только снежная кромка ставни и серый двор. Мирослав открыл дверь, вышел наружу, обошёл под окном и вернулся со снегом на сапогах.

— Следы есть.

Офимья бросилась к окну. На дворе, под самой стеной, действительно темнели маленькие следы: кто-то стоял там, пока в доме спорили, а потом ушёл к воротам.

Мирослав выскочил наружу. Божич за ним. Через несколько мгновений во дворе поднялись голоса, потом детский визг и Варварин крик:

— Чего орёте? Нашли преступниц!

Мирослав вернулся, держа за ворот двух соседских девчонок. Одна ревела, вторая упрямо молчала и прятала за спиной рукавицу.

— Под окном стояли? — спросил он.

Ревущая кивнула.

— Кто велел?

— Никто.

— Сами?

Вторая девчонка насупилась.

— Мы посмотреть хотели.

— На что?

— Правда ли она белая.

Мирослав слегка встряхнул её.

— Кто «она»?

Девчонка ткнула пальцем в Снежелику.

— Она. И Млада. Бабка сказала, если зимняя кровь рядом, больной тоже побелеет.

Варвара, вошедшая следом, схватила внучку за плечо.

— Молчи, дурёха!

— Поздно, — сказал Божич.

Он вышел на порог. За калиткой уже стояли соседи: кто с ведром, кто с поленом, кто просто в накинутом тулупе. Люди тянули шеи, стараясь заглянуть внутрь.

— Слушайте все, раз пришли, — Божич поднял голос. — Млада больна. Знахарка её лечит. Никто её не проклинал.

— А чего она Снежелику зовёт? — выкрикнула Лукерья от ворот.

— Потому что любит.

— А сватовство чего расстроилось? — буркнул старик с мельничной дороги.

Офимья резко втянула воздух. Снежелика всё ещё держала Младу, но девочка снова обмякла у неё на руках.

— Потому что я попросил сроку, — сказал Божич. — Я.

— Удобно говоришь. Только после неё всё и пошло.

Мирослав фыркнул.

— Во, загнул. Сразу видно, хранительский сын.

Лукерья перекрестилась на огоньник у ворот, кто-то потянул соседку за рукав, кто-то сделал вид, что пришёл только за водой. Толпа стала расходиться нехотя, оставляя на снегу вытоптанное пятно.

Божич вернулся в дом, красный от холода и злости.

— Не помогло.

— Помогло, — Мирослав поставил топор к стене. — До вечера камни в окна кидать не будут.

Марфа потрогала Младе лоб. Жар чуть спал, но девочка была слабая, губы пересохли, дыхание всё ещё сбивалось. Снежелика попыталась отодвинуться, чтобы положить её ровнее, но Млада даже во сне сжала пальцы на её рукаве.

Офимья смотрела на эту руку.

Потом взяла нож и начала резать подсохший каравай на тонкие ломти. Один ломоть треснул, крошки посыпались на пол. Она собрала их ладонью, бросила в миску и поставила перед Снежеликой.

— Поешь.

— Я потом.

— Сейчас.

Снежелика взяла ломоть одной рукой, второй продолжая держать Младу. Зорица налила ей воды.

— Держи.

Млада спала до сумерек.

Когда она проснулась, Офимья сидела у изголовья и держала чашку с водой.

— Мам, — хрипло сказала Млада.

Женщина подалась к ней так быстро, что вода плеснула ей на руку.

— Я здесь.

— Пить.

Она напоила девочку сама. Млада сделала несколько глотков и потянулась к Снежелике.

— А корка?

Снежелика взяла со стола обещанный ломоть с мёдом.

— Торговка.

— Ты обещала.

— Помню.

Млада откусила немного, устала и закрыла глаза, но руку Снежелики не отпустила. Мачеха смотрела на них, потом встала, взяла лохань с мутной водой и понесла к двери. У порога остановилась.

— Ночью останешься здесь.

— Я?

— Она тебя зовёт.

— А ты?

— И я.

Мачеха вышла в сени. Дверь закрылась тихо.

Божич надел шапку.

— Я пойду.

— Иди, — сказал Мирослав. — А то тебя тут тоже к зимней крови приплетут.

Снежелика осторожно высвободила рукав из пальцев Млады и вышла за Божичем в сени. Там пахло мокрым войлоком и дымом. Божич взялся за засов, но не открыл дверь.

— Я завтра снова приду.

— Не надо.

— Надо.

— Тебя и так слушать перестали.

— Поэтому и надо.

Снежелика поправила сбившийся платок.

— Если хочешь помочь, не говори за меня при всех.

— Почему?

— Тогда они будут смотреть не на то, что я делаю, а на то, кто меня защищает.

— А что ты будешь делать?

— Лечить Младу. Носить воду. Следить, кто лезет под окна. Этого пока хватит.

— А потом?

— Потом будет потом. Ты это слово любишь.

Он усмехнулся, но быстро отвёл взгляд.

— Заслужил.

С улицы донёсся скрип полозьев. Кто-то проехал мимо дома и нарочно замедлил у ворот. Оба замолчали, пока скрип не удалился.

— Снежка.

— Что?

— Я правда не хотел тогда...

— Не сейчас.

Он кивнул, открыл дверь и вышел. Снежелика закрыла за ним засов и вернулась в горницу.

Офимья уже поставила возле лавки второй табурет, чистую тряпицу, чашку, ложку и маленький нож для мёда. Место было приготовлено на двоих. Снежелика села с одной стороны, Офимья — с другой.

Некоторое время они молча меняли тряпицы и по очереди поили Младу. Когда девочка снова уснула, мачеха подняла глаза.

— Если она не поправится...

— Поправится.

— Ты не знаешь.

Снежелика отжала тряпицу.

— Не знаю. Но буду делать, пока не поправится.

Офимья ничего не ответила. Только придвинула таз ближе к Снежелике.

За окном кто-то прошёл по улице и замедлил шаг у ворот. Мирослав тут же поднялся, взял топор и вышел во двор.

— Дорогу забыл? Так я покажу. До самого оврага.

Шаги поспешно удалились.

Велена тихо рассмеялась, Зорица впервые за день улыбнулась. Даже Марфа, не открывая глаз, буркнула:

— Вот и лекарство нашлось. По одному любопытному на ночь, и к утру весь посад здоров будет.

Снежелика взяла новую тряпицу, окунула в воду и положила сестре на лоб. Жар ещё держался, слухи за воротами никуда не исчезли, и завтрашний день вряд ли станет легче.

Глава 6.

Несколько дней жар то спадал, то возвращался вновь. В один час Млада сидела сама на лавке и хлебала щи с курицей, а в другой слабо стонала, проваливаясь в смутный болезненный бред.

Снежелика сидела у лавки, держа в руке остывшую тряпицу. Офимья дремала напротив, уронив подбородок на грудь, а Зорица, свернувшись на сундуке, спала в душегрейке. В печи осел огонь. Когда во дворе хлопнула дверь, Млада вздрогнула, но не проснулась.

В сенях зашумел Мирослав. Сапоги у него были в муке и мокрой шелухе, на рукаве темнела размазанная грязь.

— Снежка.

Она осторожно высвободила пальцы из Младиной ладони.

— Что?

— На мельницу надо.

Офимья сразу открыла глаза.

— Зачем это?

— Зерно смотреть, — Мирослав стряхнул снег с шапки. — Батя там с утра.

— Сейчас? — Снежелика взяла платок со спинки лавки. — Что с ним?

— С зерном? Вот и посмотрим.

Офимья поднялась и поправила одеяло на Младе.

— Она здесь нужна.

— А на мельнице руки тоже нужны, — отмахнулся Мирослав. — Велена посидит. Зорица, проснись, не клюй носом.

На мельнице пахло сырой мукой.

Ивар стоял у раскрытого закрома и растирал зерно между пальцами. На полу уже лежали три мешка, распоротые по шву. Из них высыпалась рожь: верхняя сухая, а внутри сероватая, слипшаяся комьями. Снежелика опустилась на корточки, взяла горсть и разломила плотный кусок ногтем. Изнутри потянуло прелым.

— Снизу пошло, — сказал Мирослав. — Половица у стены мокрая.

— Крыша? — Снежелика поднялась и провела ладонью по стене.

— Нет. Снег у порога подтаял, вода под мешки ушла.

Ивар тяжело опёрся на лопату.

— Я вчера велел их переложить.

Мирослав отвёл взгляд.

— Вчера не до мешков было.

Снежелика взяла пустое решето и поставила на бочку.

— Сколько спасём?

— Что сверху — перебрать. Что комом пошло — скотине, если не заплеснело.

— Скотине? — Ивар глухо усмехнулся. — У Кузьмы корова ночью легла и не встала. У Лукерьи две козы сдохли. Теперь ещё наше зерно попортилось.

Мирослав поставил мешок стоймя и дёрнул завязку зубами.

— Козы Лукерьины ели прошлогоднюю гнилую солому. Я ей ещё осенью говорил, а она всё берегла добро.

— А Кузьмина корова?

— Телилась плохо. Все знали.

Снежелика просеяла первую горсть. Сухие зёрна посыпались в корыто, серые комья остались в решете.

— Значит, всё объяснимо.

Ивар посмотрел на раскрытые мешки, потом на дверь, за которой уже слышались чужие голоса.

— Объяснимо — не значит, что люди слушать будут.

Несколько дней соседи ходили хмурые и настороженные, а Иваров двор обходили по широкой дуге. Приносить гостинцы для Млады тоже перестали, будто дом и семья оказались прокляты.

Девочка хворала. Болезнь покидала её на день или два, а затем возвращалась с новой силой.

К полудню девятого дня у мельницы собрались соседи. Сначала пришёл Кузьма — в овчинном тулупе на голое горло, с красными глазами и верёвкой в руке. За ним Лукерья, запахнув платок так туго, что на подбородке собрались складки. Потом Варвара с внучкой, ещё двое мужиков с мельничной дороги и старик Демид, который всегда появлялся там, где пахло чужой бедой.

— Мою бурёнку кто объяснит? — Кузьма швырнул верёвку на снег. — Третью зиму держалась, а тут за ночь околела.

— Твоя бурёнка с осени хромала, — Мирослав вынес из мельницы корыто с перебранным зерном.

— Не тебе меня учить!

— А кому? Корове уже поздно.

Кузьма шагнул вперёд, но Ивар встал между ними и поднял ладонь. Лукерья ткнула пальцем в распоротые мешки.

— И зерно само испортилось?

Снежелика подняла мокрую половицу у стены. Под ней чернела щель, забитая льдом и соломой.

— Вода натекла. Видишь?

Лукерья поджала губы и поправила платок.

— С тех пор как девка в доме у больной сидит, всё одно к одному идёт.

Мирослав выпустил корыто из рук, и зерно пересыпалось через край. — А до того у нас куры золотые яйца несли?

— Не ори, — сказал Демид. — Никто её не трогает.

— Пока.

Варвара подтолкнула внучку за плечо, пряча её за юбку.

— Мы только говорим, что старые люди не зря приметы держали.

Снежелика взяла лопату и стала сгребать испорченное зерно в отдельный мешок. Руки делали дело сами: сухое — в корыто, прелое — прочь, мешок завязать, следующий распороть. Если остановиться, придётся смотреть всем в лица.

— Старые люди и крышу чинили до снегов, — сказала она. — Это тоже примета хорошая.

Кто-то из мужиков коротко фыркнул. Лукерья резко обернулась на звук, и смешок оборвался.

Тут с речной стороны прибежал мальчишка в расстёгнутом полушубке. Он едва не врезался в Кузьму, ухватился за его рукав и согнулся, хватая воздух.

— На реке лёд встал!

— Какой лёд? — Ивар нахмурился. — Рано.

— У брода. Телега Степана не прошла, колесо сорвало. Лошадь едва вытащили.

Толпа зашевелилась. Снежелика бросила лопату, вышла к воротам и посмотрела вниз, туда, где дорога уходила к реке. У берега мельтешили тёмные фигурки.

— Пойдём, — Мирослав схватил тулуп.

— Зачем? — спросил Ивар.

— Смотреть, пока они там себе ещё чего не придумали.

У брода лёд стоял неровной коркой от берега до каменной гряды. Вода под ним шла мутная, давила снизу и вздувала белые пузыри. Телега Степана накренилась у самой кромки, одно колесо лежало отдельно, лошадь дрожала под попоной. Трое мужиков тянули её за повод, а Степан, стоя по колено в воде, ругался так, что мальчишки на берегу слушали с открытыми ртами.

— Верёвку сюда! — крикнул Мирослав и сбежал вниз.

Снежелика подхватила конец, обмотала вокруг столба старой пристани и упёрлась сапогами в мёрзлую землю. Рядом встал Божич: она не заметила, откуда он взялся, только увидела его руки на верёвке.

— Тяни на счёт, — сказал он.

— Сама знаю.

— Тогда считай.

— Раз! Два! Тяни!

Верёвка врезалась в рукавицы. Лошадь рванулась, лёд под копытами треснул, Степан поскользнулся и сел в воду. Мальчишки заржали, но тут же замолчали, когда Божич на них глянул. Мирослав с двумя мужиками подхватили оглоблю, телега дёрнулась и выскочила на берег, оставив в ледяной корке тёмную рваную дыру.

Степан, мокрый до пояса, вылез следом и выжал рукав.

— Чтоб этот брод провалился.

— Провалится, если по нему ездить, когда вода поднялась, — Снежелика показала на ветки, набившиеся у камней. — Завалило протоку. Вода пошла мелко, вот и схватилось.

Божич присел у берега и вытащил из-подо льда пучок тростника.

— Она права. Тут чистить надо.

Лукерья, пришедшая вместе с остальными, перекрестилась на огоньник у дороги.

— И на реке тоже она права.

Снежелика подняла голову.

— Что?

— Везде у тебя причина найдётся. И у зерна, и у скота, и у воды.

— Потому что она есть.

— А у Млады?

Божич бросил тростник на снег и выпрямился.

— Болезнь у Млады. Марфа сказала.

— Марфа много чего говорит, — буркнул Демид. — А мороз раньше срока не всякий год приходит.

— Это не мороз, — Снежелика ударила носком сапога по корке. Лёд проломился с первого раза, вода выступила в след. — Тонкий. Ночью подморозило, протоку забило, вот и встал.

— Слышали? — Варвара повернулась к женщинам. — Она уж и реку учить взялась.

Мирослав поднялся с берега, мокрый по колено и злой.

— А ты попробуй сама подумать. Говорят, помогает.

Варвара открыла рот, но от посада донёсся удар колокольца. Один, второй, третий. Люди сразу повернулись к дороге.

— Старейшины собирают, — сказал Кузьма.

— По скоту? — спросил Степан.

Демид потянул рукавицы выше.

— По всему.

Божич посмотрел на Снежелику, но ничего не сказал. Он только стряхнул с рукава воду и пошёл за остальными. Толпа потянулась к посадскому дому, оставляя брод, сломанную телегу и недочищенную протоку.

Снежелика схватила валявшуюся жердь и сунула Мирославу.

— Поможешь?

— Сейчас?

— Если воду не пустить, завтра здесь встанет уже настоящий лёд.

Он посмотрел на уходящих людей, потом на реку и сплюнул в снег.

— Давай.

Они работали до темноты. Мирослав багром вытаскивал ветки, Снежелика разгребала тростник и лёд у берега. Степан сперва ворчал, потом всё же присоединился, потому что телегу надо было чинить, а без брода он не увёз бы ни себя, ни лошадь. К вечеру вода пошла быстрее; тонкую корку начало ломать и уносить к повороту.

Когда они вернулись домой, у ворот стоял Божич.

— Ты чего тут? — Мирослав поставил багор к забору.

— Ждал.

— Плохо дело, раз ты меня дождался.

Божич не улыбнулся. Снег на его плечах успел растаять и снова схватиться ледяной коркой.

— Старейшины говорили долго. Без меня, но у двери слышно.

Снежелика выжала мокрый край рукавицы.

— О чём?

— О скоте, зерне, реке. О Младе. О Белой Невесте.

Мирослав шагнул ближе.

— Кто говорил?

— Демид. Лукерья. Кузьма молчал, но не ушёл. Мой отец велел не трогать живого человека из-за бабьих сказок.

— И?

Божич провёл ладонью по лицу.

— Он был… недостаточно убедительным.

Из дома вышла Велена с ведром золы. Увидев их, остановилась у крыльца.

— Что случилось?

Мирослав забрал у неё ведро и поставил на снег.

— В дом иди.

— Нет.

Он хотел возразить, но Снежелика пихнула брата локтем в бок.

— Что решили?

— Пока ничего. Завтра снова соберутся.

— «Пока» — плохое слово, — Велена покачала головой, прижалась к боку мужа.

Божич кивнул.

— Они вспоминали старый обряд.

У Мирослава побелели пальцы на ручке ведра.

— Какой?

Божич задумчиво посмотрел на окна, за которыми горел тусклый свет, потом на дорогу к посадскому дому.

— Белую свадьбу.

Велена тихо выругалась. Мирослав успокаивающе похлопал её по плечу:

— Пошли в дом.

— Млада?

— Спит, — сказала Велена. — Жар меньше.

Снежелика сняла рукавицы и сунула их за пояс.

— Значит, хоть что-то стало лучше.

— Ты слышала, что он сказал? — Мирослав схватил её за локоть и тут же отпустил, будто обжёгся.

— Слышала.

— Тогда слушай ещё. Если старейшины вспомнили обряд, они будут искать не причину беды, а того, кого можно вывести за ворота.

Снежелика посмотрела на дорогу. У посадского дома ещё горел огонь; возле крыльца темнели человеческие следы, много следов, затоптанных один поверх другого.

— Меня?

— А кого ещё? — Мирослав понизил голос. — Снежка, теперь не ходи одна. Ни к реке, ни к колодцу, ни в пекарню затемно. Поняла?

Она подняла с земли багор и поставила его рядом с дверью.

— Поняла.

— И всё?

— А что ты хочешь услышать?

— Что не будешь упрямиться.

Снежелика взялась за засов:

— Не жди того, чего не могут обещать.

Глава 7.

К посадскому дому Снежелика пошла с Мирославом и Веленой. Ивар шёл впереди, то и дело поправлял пояс и оглядывался на людей, которые сходились со всех дворов. Зорица осталась дома с Младой.

— Тебе бы не ходить, — сказал Мирослав и поднял с дороги сломанную жердь.

— Чтобы без меня решили?

— Чтобы не глазели.

Снежелика перешагнула колею.

— Они и так глазеют.

У крыльца уже теснились люди. Лукерья грела пальцы в рукавах. Кузьма мял шапку. Демид сидел на ступени, поставив палку между колен. Божич был у двери; увидев Снежелику, он шагнул вперёд, но отец придержал его за плечо.

— Не сейчас, — сказал хранитель общинного огня.

Божич сжал челюсти и остался на месте.

В посадском доме пахло мокрой шерстью и дымом. Посреди избы поставили длинный стол. На столе тлела чаша с углями. Родивой, староста посада, ворошил их длинной спицей. Люди рассаживались вдоль стен, кто не поместился — стоял у дверей.

Родивой ударил спицей по краю чаши.

— Говорить будем по делу. Скот пал. Зерно попортилось. У брода лёд встал раньше срока. Девочка Иварова хворает десятый день. Кто пришёл кричать — пусть сразу идёт на улицу.

— На улице уже накричались, — буркнул Мирослав.

Велена толкнула его локтем.

Лукерья подошла первой. Сняла с пояса маленький ошейник и положила на стол.

— От моей козы. Не первой беды у нас нынче. Старые люди в такие дни не сидели сложа руки.

— Старые люди ещё и солому сушили, — сказал Мирослав.

Ивар сжал ему локоть.

— Молчи.

Кузьма подошёл следом, бросил на стол обрывок верёвки.

— Люди уже во дворы друг к другу не ходят. Это тоже скажете — само прошло бы?

— Само не проходит ничего, — сказал Божич от двери. — Потому и надо смотреть, от чего что вышло. На мельнице вода под мешки ушла. На реке протоку забило.

Демид стукнул палкой в пол.

— Поодиночке у тебя всё складно. А вместе?

Родивой повернулся к Ивару:

— Ты говори.

Ивар поднялся. Провёл ладонью по бороде.

— За мельницу с меня спрос. Не доглядел.

— А за девочку? — пискнула Варвара из-за чужих спин.

Ивар запнулся. Снежелика шагнула вперёд, но Мирослав придержал её за рукав.

— Марфа лечит, — пожевав губу, протянул Ивар. — Жар уже меньше.

— Меньше, — повторила Лукерья. — А зовёт она кого?

По лавкам прошёл шёпот. Кто-то повернул голову к Снежелике. Люди спорили вполголоса, обсуждали, пока дверь в посадный дом не скрипнула и на крыльце не появилась Офимья.

На щеке у неё белела полоска муки. Она не посмотрела ни на Ивара, ни на Снежелику, сразу подошла к столу и упёрлась ладонями в край.

— Моя дочь зовёт её, — сказала она.

Ивар дёрнулся.

— Офимья.

— Помолчи. Я сама скажу.

Она повела плечами, как после тяжелой пахоты. Заговорила, всплеснув руками:

— Я видела всё своими глазами. Млада тянется к Снежелике. Возле неё затихает. Я сама сажала её у лавки. Сама давала воду, мёд, тряпки. Думаете, легко мне было? Нет.

Велена переступила с ноги на ногу. Мирослав повернул голову к матери. Офимья торжественно оглядела людей.

— Только это не сестринская любовь. Это привязка. Больной не к каждому так тянется. Матери одной она так не просит, как её!

— Хватит, — Мирослав шагнул от лавки. — Ты ребёнка от страха лечишь обрядом.

Офимья повернулась к нему.

— А ты не учи меня. У тебя жена рядом. Сын в тепле. А у меня младшая дочь десятый день горит, а старшую весь посад уже обсмеял.

Имя Зорицы никто не произнёс, но женщины у стены переглянулись. Лукерья кивнула. Снежелика выпрямилась.

— Божич сам попросил сроку.

— После того как весь посад видел, как он за тобой ходит, — Офимья ткнула пальцем в её сторону. — У печи. На ярмарке. У ворот. Ты его не звала — верю. Да только к тебе и без зова всё липнет. Жалость. Беды. Чужие глаза.

Ивар вышел из-за лавки.

— Хватит.

— Нет, не хватит. Твоя первая жена умерла — кто остался? Она. В доме шёпот пошёл — из-за кого? Из-за неё. Зорица жениха потеряла — после кого? Млада слегла — кого зовёт? Зерно сгнило, скот пал, река встала — в чьём доме всё началось?

Снежелика сделала шаг, но Велена поймала её за руку.

— Не надо.

— Пусти.

— Не сейчас.

У чаши с углями щёлкнула искра. Родивой наклонился и подвинул её спицей обратно.

— Офимья, ты понимаешь, к чему ведёшь?

— Понимаю.

— Белую свадьбу не справляли с той зимы, когда пропала Дарина.

Демид поднялся, опираясь на палку.

— Потому и не справляли, что зимы были мягче, а люди крепче. Молодые уже и за сказку держат.

— А зря, — отозвалась Лукерья. — Не нами начато.

Снежелика сняла с запястья тонкую нитку. Ночью Млада сама намотала её, чтобы Снежка не ушла. Нитка намокла и вытянулась. Снежелика положила её на стол перед Офимьей.

— Вот чем она меня держит. Не я её.

Офимья посмотрела на нитку. Пальцы у неё дрогнули. Она почти коснулась узелка, но Лукерья сказала от стены:

— Мать выбирает живого ребёнка.

Офимья убрала руку.

— Я и выбираю.

Сказав это, она отошла от стола и встала рядом с Лукерьей. Ивар шагнул между ними.

— Нет. Не будет этого, — голос у него сел, и последнее слово вышло тише первого. — Снежелика моя дочь, в моём доме выросла. Кровь родную отдать не могу.

В избе стало тихо. Кузьма повертел шапку.

— А если после обряда полегчает?

— Не станет.

— А если станет?

Мирослав рванулся к нему, но Велена вцепилась мужу в пояс.

Родивой ударил спицей по чаше.

— Тихо!

Шум стих не сразу. Люди обступили Офимью, негласно поддерживая несчастную женщину с больной дочерью. Ивар увидел это и опустил плечи.

— Ивар, — сказал Родивой уже мягче. — Никто сейчас за ворота никого не ведёт. Но община должна решить, как быть, если беды продолжатся.

— Они продолжатся, пока вы за домами не следите, — бросил Божич.

— Сына уведи, — велел Демид хранителю.

Отец Божича взял парня за плечо, но тот дёрнулся.

— Не трогай.

— Домой, — коротко пробасил хранитель. Божич вывернул плечо и никуда не пошёл, только отодвинулся в тень и замолк.

Родивой провёл ладонью над углями, проверяя жар.

— Завтра на рассвете принесёте к общинному огню всё, что связано с бедами. Зерно с мельницы. Верёвку от павшей скотины. Воду с брода. Рубаху больной девочки. Старшие посмотрят, что скажет огонь.

— А если покажет на неё? — спросила Варвара.

— Тогда дальше решать будем по старому обычаю, — сказал Демид.

Божич снова дёрнулся вперёд, но отец потащил его назад. Ивар открыл рот, но вокруг уже задвигались люди. Кто-то крестился на огонь, другой натягивал рукавицы и шептал соседу в самое ухо.

Снежелика смотала нитку, сунула в рукав и пошла к двери. Мирослав встал рядом с ней. Велена подхватила Ивара под локоть, когда тот едва не сел мимо лавки.

У выхода Божич попытался подойти, однако два старика загородили ему дорогу. Он посмотрел на Снежелику поверх их плеч, и она покачала головой: не здесь. На крыльце мороз ударил в лицо. Люди расходились по дворам, но теперь уже не отворачивались. Смотрели открыто, считали шаги, примеряли дорогу от её дома до ворот посада.

Ивар дошёл до калитки молча. У самого забора он споткнулся о колею, Снежелика подхватила его под локоть. Отец вздрогнул и осторожно высвободил руку.

— Прости, — сказал он.

Она не спросила за что. Мирослав толкнул калитку.

— В дом. Сразу.

В окне горел слабый свет. Там спала Млада, и ради неё Офимья только что выбрала обряд.

Снежелика вошла во двор последней и закрыла за собой калитку. С улицы ещё доносились голоса, но ни один уже не звучал спором.

Они выбирали не виноватого. Они выбирали, кого легче отдать.

Глава 8.

На рассвете у посадского дома горел общий огонь. Родивой сидел у чаши на низкой лавке, Демид раскладывал на столе принесённое пострадавшими добро. Последней туда легла рубашка Млады. Рубашка была та самая, в которой сестра пролежала почти всю болезнь. Офимья принесла её сырую после стирки.

Снежелика остановилась у порога. Мирослав встал рядом, плечом загородил её от Лукерьи. Ивар прошёл вперёд, снял шапку и положил на стол горсть золы из домашней печи.

— Всё здесь, — сказал Родивой. — Начнём.

Демид взял рубаху, оторвал подол по шву и связал в один узел с колокольцем и ржаной горстью. Потом кивнул Родивою. Тот поднял узел щипцами над огнём. Ткань сперва почернела, потом занялась с края. Лукерья плеснула в чашу воду из ковша. Пламя зашипело, и серый дым повалил прямо к двери.

Снежелика глянула вниз. Между дверью и порогом тянуло сквозняком; кто-то не притворил створку, и дым тянуло наружу.

— Дверь прикройте, — сказала она. — Тянет.

Варвара перехватила у неё взгляд.

— Видали? Сама и сказала.

— Что сказала? Что у вас дверь щелистая?

Мирослав шагнул было к порогу, но Демид стукнул палкой по доскам.

— Стой, — потом покосился на чашу. Нахмурился: — Мало жара.

Добавили ещё углей, но пламя пробежало по рукаву рубашки, потом вдруг погасло, оставив широкую чёрную полосу. В доме стало тихо.

— Видели? — первой заговорила Лукерья.

— Видели что? — сразу спросил Божич.

— Огонь не принял.

— Огонь принял рубаху и сжёг её.

— Не всю.

— Потому что она сырая после стирки.

Несколько человек согласно закивали. Но другие уже смотрели не на рубаху, а друг на друга.

Демид поднял обгоревший лоскут.

— Старые книги говорят ясно. Если огонь не дочистил вещь, беда ещё осталась среди людей.

— Где это написано? — спросил Божич.

— Не тебе меня учить.

— Так покажи.

Демид сжал губы.

— Молодой ещё.

— Зато читать умею.

По толпе прошёл гул. Отец Божича шагнул вперёд:

— Демид, не надо...

— Надо! — перебил старик. — Пока мы спорим, люди скотину теряют.

Родивой не стал спорить. Он только повернулся к женщинам у стены.

— Несите сундук.

Две старухи, которых Снежелика сперва и не заметила в полумраке, выволокли из угла длинный тяжёлый сундук. Крышка скрипнула. Изнутри пахнуло затхлой шерстью, сухой полы-

нью и железом. Наверху лежала белёная рубаха, жёсткая от времени, под ней — узкий пояс, старый повойник, тяжёлые височные кольца и обруч с побелевшими бляшками.

— До полудня управитесь, — сказал Родивой. — К вечеру выведем.

Он повернулся к собравшимся.

— Все беды начались разом. Болезнь девочки. Порча зерна. Падёж скота. Ранний лёд.

— Нет! — вскрикнул Божич.

Теперь его услышали все.

— Всё это началось в разное время.

— Ты опять?

— Опять. Потому что вы складываете четыре беды в одну кучу и делаете вид, что нашли ответ.

— А ответ есть?

— Есть. Зерно намокло. Корова болела. Реку забило.

— А Млада?

— Болеет.

— Почему?

— Потому что люди болеют!

Кто-то из женщин недовольно зацокал языком. Ивар стоял, опустив голову.

— Полудня хватит.

Мирослав выругался себе под нос. Снежелика посмотрела на отца:

— Ты тоже это слышал?

Он взял со стола шапку, стряхнул с полей золу:

— Идём домой.

— Это всё? Вот так? — голос девушки дрогнул. Она невольно вцепилась в рукав рубахи брата, словно Мирослав один мог защитить её.

— Не здесь, — Ивар тяжело вздохнул и пошёл к двери.

Домой возвращались молча.

Офимья велела Зорице пододвинуть лавку к окну, Велене — греть воду, Мирославу — принести второй сундук с чердака. Снежелика стояла посреди горницы, пока вокруг неё двигали посуду, развязывали узлы, подбрасывали в печь лучину.

Будто разговор уже закончился.

Мирослав сбросил сундук на пол. Крышка ударила его по пальцам, он выругался сквозь зубы и сорвал крючок.

— Не тронь, — сказала Офимья. — Там женское.

— Ты довольна?

— Чем?

— Тем, что происходит.

Офимья подняла ложку.

— Я хочу, чтобы Млада жила.

— А Снежка нет?

— Не передёргивай.

Офимья положила ложку на стол.

— Община требует обряд, старцы мудры, а я хочу спрятать дочь от беды.

— Значит, старшую спрячешь за воротами?

— Старшая дочь у меня одна, вон, у окна сидит! Сестра твоя родная! А… эта, — лицо мачехи скривилось. — Нам не родня.

— Младе тоже?!

— Мирослав.

Он обернулся на отца.

— Что?

— Не при Младе, — Ивар поднялся с лавки. — Хватит.

— Нет, батя, не хватит! — Мирослав подошёл ближе. — Ты чего молчишь всё время?

Отец долго тёр ладонью бороду. Потом развёл руками:

— А что мне сказать?

— Что они сошли с ума!

— И дальше что?

— Не отдать сестру!

Ивар сел обратно. За одну неделю он будто постарел на десяток лет. Лицо его было серым, глаза раскраснелись.

— Если весь посад решил...

— Да плевать мне на весь посад!

Велена схватила мужа за рукав.

— Мирослав.

— Нет. Пусть ответит!

В горнице стало тихо. Снежелика взяла со стола пустую чашку и пошла к бочке за водой. Млада лежала у печи, укрытая до подбородка. Услышав шум, она подняла голову.

— Снежа?

Снежелика шагнула к лавке, но Офимья опередила её, поправила девочке одеяло и сунула ей кружку.

— Пей.

— Не хочу.

— Пей.

Млада отвела кружку ладонью и снова посмотрела на Снежелику.

— Не уходи.

Офимья зажмурилась на миг, потом поставила кружку на стол. Она подошла к сундуку, вытащила белую рубаху и встряхнула её. Из складок посыпалась сухая трава.

— Я видела, как ей возле тебя легче. Видела. И потому больше тянуть не стану.

— Это не довод.

— Для тебя — нет. Для меня — да.

Велена сняла котёл с огня и поставила на пол.

— Офимья, остановись. Млада жива. Жар спал. Переждём ещё день.

— Переждём? — Офимья подхватила с лавки пояс и швырнула Велене. — Ты переждёшь. Не твоя дочь в бреду!

Ивар сел на край лавки, локти упёр в колени и долго растирал ладонями лицо. Потом поднял голову, посмотрел на старшую дочь.

— Я не знаю, как вас всех спасти. Делать будем, как велела община.

Снежелика взяла с крюка свой старый платок, смяла, расправила и только тогда спросила:

— Я тебе не дочь разве? — девушка нахмурилась. Он подошёл вплотную, взял у неё из рук платок и повесил обратно на крюк.

— Ты моя дочь. Потому и прошу послушать их.

Девушка отвернулась, тихонько вздохнула. Наружу рвались слёзы, но разве могла она сейчас позволить себе плакать? Только Младу испугает…

Мирослав пнул сундук крышкой.

— А что ей ещё делать? Стоять столбом?

— Ты мне тоже не помогай, — отрезал Ивар.

— Я ей помогу.

— Поможешь — пойдёшь против меня.

— А ты сейчас за кого?

Офимья впихнула белую рубаху падчерице в руки.

— Переодевайся.

Снежелика не взяла. Рубаха соскользнула на пол. Зорица подняла её, стряхнула пыль с подола и подала матери.

— Сама держи.

Офимья посмотрела на старшую дочь.

— И ты туда же?

Зорица не ответила. Вынула из сундука височные кольца и положила их на лавку рядом. Руки у неё дрожали, и одно кольцо покатилось к краю. Снежелика поймала его раньше, чем оно упало.

Зорица забрала украшение и сказала, не глядя:

— Стой смирно. Иначе кожу порежут, острые.

Снежелику всё-таки переодели. Велена держала подогретую рубаху, Зорица затягивала пояс. Ивар стоял у окна и складывал вчетверо свой кушак. Мирослав сперва вышел в сени, потом вернулся с санным пологом и бросил его на лавку.

— Накинете сверху. На улице ветер.

— Спасибо, — Снежелика слабо улыбнулась.

Он присел перед ней, поправил край слишком длинного подола и тихо спросил:

— Бежать сможешь?

Офимья сразу обернулась.

— Не шепчись.

Мирослав выпрямился.

— Я не с тобой говорю.

— А с кем? С покойницей?

Велена грохнула крышкой котла так, что Млада вздрогнула на лавке.

— При ребёнке рот закрой.

Офимья повернулась к невестке, но в этот миг во дворе загремела калитка. В дом влетел Божич. На виске у него таял снег, за плечом висел широкий нож в ножнах. Он остановился посреди горницы, увидел Снежелику в белом и выругался так, что даже Офимья осеклась.

— Уже начали?

— Поздно пришёл, — сказала Лукерья с порога. Она шла следом и теперь держалась за косяк, не снимая рукавиц. — Отойди.

— С дороги, — звучал Божич зло.

Лукерья охнула от возмущения. Он подошёл к Снежелике, но Ивар выставил руку поперёк.

— Не надо.

— Убери руку.

— Не надо, — повторил Ивар.

— Ты её куда собрался везти? — Божич толкнул его ладонь вниз. — В бор? К сосне? Сам?

Ивар не ответил.

— Ответь.

— Не тебе спрашивать.

— Кому тогда? Этим? — Божич махнул в сторону двери, где уже толпились старухи и двое мужиков. — Они у вас дым увидели и сразу девку диким зверям да морозу отдать решили!

Родивой поднялся на крыльцо и вошёл в сени, не торопясь.

— Прекрати.

— Нет, — Божич повернулся к отцу, который шёл за старейшиной. — Ты тоже молчать будешь?

Хранитель огня закрыл за собой дверь.

— Не при людях.

— А когда? Когда её не станет?!

— Божич, — нахмурился Родивой, — отойди!

Парень шагнул к Снежелике и взял её за локоть.

— Пойдём.

Ивар схватил его за плечо. Мирослав тут же встал между ними.

— Руками не машите.

— Уйди, — бросил Божич.

— Я бы ушёл, если б знал, кому верить.

Снежелика сама высвободила локоть.

— Не дёргай. Плечо вывернешь.

Божич отпустил её и опустил руку.

— Ты хочешь идти?

— Я хочу, чтобы меня никто не трогал.

— Тогда пошли со мной.

— Куда?

Он на миг умолк. Но ответить ничего не успел, его опередил Родивой:

— Уведите, — приказал старейшина мужикам у двери.

Подошли двое, , взяли Божича под руки. Он дёрнулся, сбросил одного, второго толкнул в грудь так, что тот сел на сундук. Хранитель огня шагнул к сыну и ударил его по щеке открытой ладонью.

В горнице стало тихо.

— Всё, — сказал отец Божича. — Довольно.

Юноша медленно повернул голову. На скуле у него проступило красное пятно. Отец снял с его груди огненный медный знак и сунул себе за пояс.

— К огню больше не подходи, пока не опомнишься.

Божич глянул на пустой ворот кафтана, потом на Снежелику.

— Слышала? Теперь и я у них не свой.

— Выведите, — Родивой вздохнул, безмерно утомлённый всем шумом.

Божича вытолкали во двор. Мирослав дёрнулся следом, но Ивар удержал его за локоть.

К вечеру запрягли сани.

Снежелику посадили на полог, подоткнули вокруг ног овчину и уложили на колени свёрнутый белый рушник. Лукерья сунула ей в руки восковую свечу, но огня не дала: у сосны зажгут. Варвара несла за ней бубенчик от ошейника, Родивой — чашу с углями на длинной ручке. Остальные шли следом, кто с факелом, кто с лучиной. Лукерья затянула первую строку

старой песни. На втором колене[2]сбилась, Демид буркнул подсказку, и дальше все тянули кто как помнил.

Невеста сидела прямо. Плечи уже занемели под тяжёлым повойником. Когда сани подпрыгивали в колее, височные кольца били по шее. Лукерья поправляла край полога. Варвара подтыкала овчину. Мирослав шёл слева и всё время держал руку на борту, будто ещё верил, что может остановить сани одним рывком.

— Мира, — тихо окликнула Снежелика.

Он поднял голову.

— Что?

— Младу не оставляй.

Он кивнул и вытер нос рукавицей.

Снежелика сжала зубы так, что заныла челюсть. В огненных сполохах пылающие щёки и тёкшие по ним слёзы были не видны. Побеги она сейчас, её поймают и повяжут, а там уже и не важно, ведь она в любом случае сгинет в лесу по милости собственной семьи.

До древней сосны дальше поехали вдвоём, Ивар да его дочь. Остальные остались у кромки бора. Так велел обычай. Ивар повёл лошадь под уздцы, сани волоклись следом, цепляя полозьями корни. Сосна стояла на пригорке, толстая, в три обхвата, с ободранной корой на южной стороне.

Ивар остановил лошадь, помог Снежелике сойти и развернул к дереву лицом. Потом снял с саней рушник, встряхнул и повесил на нижний сучок.

— Вот здесь.

Снежелика посмотрела на ствол, потом обернулась на отца.

— Долго стоять?

— До утра.

— А если волки?

— К сосне не подходят.

— А люди?

Ивар промолчал. Он взял свечу, которую Лукерья сунула между складок повойника, вставил в снег и долго шарил за пазухой, пока не нашёл огниво. Искра не с первого раза схватила фитиль.

— Батюшка.

Он поднял голову.

— Что?

— Ты меня сюда привёз.

— Не один я.

— Привёз ты. И оставляешь тоже ты.

Огонёк на свече дёрнулся от ветра. Ивар заслонил его ладонью, потом убрал руку.

— Я знаю.

— И… всё?

Он открыл рот, закрыл, провёл ладонью по бороде.

— Я... — начал он и снова оборвал. — Если к свету…

Договорить не вышло. Он мотнул головой, взял лошадь под уздцы и отвернулся.

— Прости, — сказал уже уставившись в снег.

---

[2] Колено, в музыке - часть небольшой музыкальной формы, называемой коленным складом. Состоит из двух предложений, составляющих период. В коленном складе 2 колена, имеющих преиущественно одинаковое тематическое содержание, одинаковую величину (двухколенный склад или трехколенный склад), в которых среднее может иметь новое тематическое содержание, а последнее бывает приблизительным повторением первого. Коленный склад должен начинаться и оканчиваться главной тональностью. В этом складе пишутся романсы, марши, скерцо интермеццо, все танцы. При сопоставлении двух различных коленных складов в одном сочинении, второй коленный склад называется трио.

Не ответила. Ивар залез на сани, щёлкнул вожжами и поехал назад, не оглядываясь. Полозья ещё долго скребли по насту между деревьями. Потом смолкли и они.

Снежелика осталась одна.

Она сразу сняла тяжёлые височные кольца и положила у корня. Потом сорвала повойник, сунула под мышку и прижалась спиной к сосне. Кора упёрлась между лопаток. Свеча дрожала в снегу, светила низко, дальше двух шагов уже ничего не брала.

С посадской стороны ещё тянулась песня. Слабые отголоски приносило ветром. Потом и она оборвалась.

Снежелика вытащила руки из рукавов, подышала на пальцы, снова спрятала. Подтянула овчину, набросила на плечи и посмотрела туда, где исчезала дорога. Никого.

Она присела, тронула снег возле свечи. Верх схватился коркой. Под коркой был сухой хрусткий слой. До утра на ветру этого хватит, чтобы окоченеть даже без волков и без сказок.

Снежелика поднялась, взяла свечу и подошла к стволу ближе. На коре темнели старые зарубки. Много. Одни почти заросли, другие виднелись чётко.

Она провела по ним большим пальцем и убрала руку.

Потом сказала вслух, чтобы не слушать лес:

— Ладно. Теперь думать будем, как отсюда выйти.

Глава 9.

Свеча догорит раньше, чем начнёт светать.

Снежелика поняла это, когда воск уже наполовину осел в снег, а огонёк стал ниже и слабее. Стоять у сосны до утра, как велел обычай, было верной смертью. Если Морозный Князь и собирался прийти, то явно задерживался. Снежелика ждать не собиралась.

Она сняла овчину с плеч, вытряхнула из неё снег и накинула снова, мехом внутрь. Старую обрядовую рубаху пришлось подоткнуть под пояс, чтобы не цеплялась за корни. Повойник она свернула тугим валиком и засунула за пазуху: ткань была жёсткая, зато могла пригодиться вместо тряпки или перевязи. Височные кольца остались у сосны. Пусть Лукерья утром ищет свои железки, если не побоится прийти.

Снежелика выдернула свечу из снега, прикрыла огонёк ладонью и пошла туда, где между деревьями темнела старая звериная тропа. Далеко уходить было дурно, но стоять на открытом месте — ещё хуже. Нужна была яма под выворотнем, густой ельник, заброшенная угольная яма, хоть что-нибудь, где ветер не будет вынимать тепло из-под одежды.

Первый сугроб она обошла, во второй провалилась по колено. Подол намок. Снежелика выругалась и переложила свечу в левую руку, чтобы правой придерживать овчину. Белая рубаха цеплялась за сухой кустарник, трещала у швов и мешала идти. На третьей ветке девушка остановилась, достала из-за пояса маленький нож, которым днём срезала подгоревшую корку с хлеба, и распорола подол до колена.

От порыва ветра не спасли шерстяные чулки, зато идти стало легче.

— Вот теперь поторопимся, — сказала она в темноту. Голос прозвучал глухо. Лес не ответил.

Снежелика шла, пока сосну ещё можно было найти по собственным следам. Каждые несколько десятков шагов она ломала тонкую ветку и втыкала её острым концом в снег. Если придётся возвращаться, эти палочки помогут. Если не придётся — всё равно рукам было легче делать хоть что-то, чем висеть бесполезно.

Свеча погасла у поваленной берёзы.

Снежелика несколько мгновений смотрела на чёрный фитиль, потом сунула огарок за пазуху. Оставался снег, серые стволы и тёмные провалы между елями. Она присела у берёзы, нащупала под снегом сухую кору, отломила тонкие берестяные лоскуты и сложила в повойник. Огня без огнива не будет, но бересту стоило забрать. Живой человек берёт полезное, даже когда не знает, пригодится ли.

Дальше идти пришлось почти на ощупь. Еловая лапа ударила по лицу, снег посыпался за ворот. Снежелика согнулась, вытряхнула его, но часть всё равно растаяла у шеи и тут же остыла. Она перетянула пояс туже, затолкала руки под мышки и пошла быстрее.

Под ногами хрустнула тонкая корка.

Снежелика замерла, потом осторожно переставила ногу назад. Впереди темнело ровное пятно. Не поляна — слишком гладко. Ручей. Занесённый снегом, схваченный тонким льдом, с водой под ним.

— Только этого не хватало.

Она нашла длинную жердь, ударила по белому насту. Лёд проломился, в темноте плеснуло. По берегу можно было пройти выше, где корни елей торчали из снега, как пальцы старухи-ведьмы из земли. Снежелика перебралась туда, вцепилась в ствол, поставила ногу на корень и шагнула боком. Подошва соскользнула. Она ухватилась за ветку, та хлестнула по ладони, но удержала.

На том берегу девушка села прямо в снег и несколько раз сжала пальцы. Левая рука слушалась плохо. На ладони выступила тёмная полоска от сучка. Крови было немного. Снежелика оторвала от повойника узкую ленту, обмотала ладонь и завязала узел зубами.

— Хорошая свадьба, — пробормотала она. — Наряд, гости, ручей поперёк дороги.

Сказать бы это Мирославу. Он бы фыркнул и ответил что-нибудь глупое. Велена дала бы пирожок. Млада спросила бы, правда ли Морозный Князь ест людей или только пугает.

Снежелика поднялась. Если начнёт вспоминать дом, замерзнет здесь до утра.

Ельник нашёлся за ручьём. Низкие ветви почти касались снега, под ними оставалось сухое тёмное нутро. Снежелика залезла туда на коленях, вытащила из-под хвои старые шишки, обломки коры и тонкие сухие ветки. Места было мало, зато ветер проходил поверху. Она разгребла снег до хвои, постелила овчину краем на сухое место и присела, подтянув колени к груди.

Сначала стало лучше. Потом холод начал добираться через сапоги.

Снежелика сняла один сапог, вытряхнула из него снег, растёрла пальцы через чулок и тут же обулась обратно. Со вторым было то же самое. Спать нельзя. Она сорвала с ближайшей ветки сухие иголки, пересыпала их из ладони в ладонь, потом заставила себя подняться и выйти из-под ели.

Нужно было двигаться.

Она ходила кругами вокруг ельника. Десять шагов туда, десять обратно. На пятом круге подол снова намок. На седьмом дыхание стало рваным. На десятом она споткнулась о корень и ударилась коленом так, что перед глазами пошли белые пятна.

— Встань, — сказала сама себе. — Встала.

Где-то далеко закричала ночная птица. Потом треснула ветка. Снежелика развернулась, подхватила жердь, которую притащила от ручья, и прижалась спиной к ели. Между стволами ничего не двигалось. Только снег ссыпался с ветки на ветку.

Народные сказки врали по-разному. В одной Морозный Князь являлся седым стариком и стучал посохом по пяткам. В другой — высоким рогатым зверем. В третьей — женихом в белой шубе и замогильным смехом. Мальчишки в посаде любили последнюю: там невесту находили весной под сосной, всю стеклянную, с открытыми глазами.

Снежелика сжала жердь крепче.

— Не дождётесь.

Кому она это сказала, было неважно.

Она продержалась до вторых петухов[3]. Сперва стихла птица. Потом ветер, который всю ночь теребил верхушки, ушёл куда-то выше. Снежелика слышала собственное дыхание, стук зубов.

Она повернула голову к ручью. Там, где раньше чернела проломленная корка, теперь белел ровный лёд.

Снежелика шагнула назад. Под сапогом хрустнула ветка.

Между деревьями стоял человек.

Она не видела, откуда он вышел. Просто ещё мгновение назад за соснами был пустой просвет, а теперь там стоял высокий мужчина в тёмной, припорошенной снегом одежде. Не старик. Не зверь. Да на юного жениха он походил мало. Волосы у него были темные, серые, с проседью. Светлые, почти белые пряди рассыпались от макушки; лицо — худое, с прямыми скулами и тяжёлой тенью под глазами. На плечах лежал меховой плащ, низ его касался снега, но не волочился.

Снежелика подняла жердь.

Мужчина посмотрел на неё, потом на жалкое оружие.

---

[3] Примерно 3 часа ночи

— Этим?

Голос был низкий, усталый. Не громче обычного разговора, но ельник будто подался к нему, вслушиваясь.

— А что, надо было каравай взять? — Снежелика перехватила жердь удобнее. — Его мне не дали.

Он не улыбнулся. Только медленно оглядел её: распоротый подол, овчину, перевязанную ладонь, мокрые сапоги.

— Ты ушла от сосны.

— Я не дерево. На месте до утра не стою.

— Таков обряд.

— Плохой обряд.

Мужчина сделал шаг. Снег под его сапогом не скрипнул. Снежелика заметила это и отступила к ели.

— Не подходи.

Он остановился.

— Тепло ли тебе, девица?

Слова были знакомые. Их пели старухи у печи, когда Млада просила сказку. Их выкрикивали мальчишки, бегая вокруг колодца. На них полагалось отвечать смирно и правильно: тепло, батюшка, тепло, Морозный Князь. Даже если пальцы уже не гнутся. Даже если губы не слушаются.

Снежелика облизнула потрескавшуюся губу. На языке остался вкус крови.

— Нет.

Мужчина долго смотрел на неё.

— Нет?

— Холодно мне. Ноги промокли, рука порезана, спать нельзя. И страшно, если тебе надо знать. Я умирать не хочу.

Мужчина повернул голову к древней сосне, хотя оттуда её не было видно.

— Ты должна была сказать иначе.

— Я много чего должна была сегодня. Стоять смирно. Не спорить. Быть благодарной, что меня с песнями вывели. Не вышло.

Он медленно снял перчатку. Пальцы у него были длинные, с застарелыми следами ожогов на костяшках. Снежелика увидела это и нахмурилась. У Морозного Князя из сказок не было ожогов.

Мужчина протянул руку к воздуху между ними. Не к ней. Чуть в сторону. Там, где из её рта выходил белый пар.

Пар перестал рассеиваться. Повис тонкой нитью, скрутился и осел на его ладони инеем.

— Жертва не принята, — сказал он тихо.

— Моя что ли?

Он сжал ладонь, иней рассыпался.

— Та, ради которой вас отдают.

— Меня никто не отдавал. Меня привезли и оставили.

— Для обряда это одно и то же.

— Для меня нет.

Снежелика опустила жердь на полпальца, но не выпустила. Мужчина снова посмотрел на неё, и в его лице впервые что-то изменилось: не жалость, не злость, скорее человек увидел сломанное колесо и понял, что ехать дальше нельзя.

— Сколько тебе лет?

— А тебе зачем?

— Отвечай.

— Девятнадцать.

Он отвернулся. Провёл рукой по лицу, как Ивар, когда не знал, что сказать. Этот жест был слишком человеческим и оттого неприятным.

— Они опять стали брать живых.

Снежелика прищурилась.

Он подошёл к ручью, присел и коснулся льда двумя пальцами. Лёд пошёл белыми жилками от берега до берега, утолщился, поднялся над водой ровной крепкой полосой.

— Пойдём.

— Куда?

— Со мной.

— Нет.

Мужчина обернулся.

— Здесь ты не доживёшь до солнца.

— А с тобой, значит, доживу?

— Да.

— Только мне сегодня уже обещали, что всё будет по обычаю.

Он снова надел перчатку.

— Ты нарушила порядок. Обряд не завершился. Если я оставлю тебя здесь, он потянет из тебя жизнь до конца. Медленно. Пока не заберёт то, что ему обещали.

— Кто обещал?

— Люди.

— А платит кто?

Он посмотрел прямо.

— Ты.

Снежелика сжала зубы. Потом шагнула к нему, но не ближе, чем на длину жерди.

— Значит, верни меня назад и скажи им это сам.

— Не могу.

— Конечно.

— Если я войду в посад до срока, умрут те, кто слабее. Больные, старики, дети. Ваши печи погаснут за одну ночь.

— Удобно у тебя всё устроено.

— Не у меня.

В его голосе впервые прорезалось что-то жёсткое. Снежелика замолчала. Он тоже. Между ними хрустел замерзающий ручей.

Где-то очень далеко прокричал петух. Мужчина поднял голову.

— Времени больше нет.

Снежелика оглянулась на свои следы. До дома слишком далеко. Даже если она сейчас побежит, лес не станет короче, ноги не станут сухими, а люди, которые вывели её к сосне, не пустят её за ворота.

Она вытащила из-за пазухи бересту, повойник, огарок свечи. Переложила всё в овчину и завязала узлом. Мужчина наблюдал, потом не выдержал:

— Что ты делаешь?

— Беру своё.

— Это старьё.

— Моё старьё. Я его нашла.

Он кивнул, будто такой ответ его устроил. Снежелика подняла жердь и ткнула ею в сторону замёрзшего ручья.

— Ты первый.

— Боишься, что провалишься?

— Боюсь, что ты исчезнешь, а я останусь посреди льда.

— Не исчезну.

— Всякая нечисть так говорит.

Он ступил на лёд. Тот даже не треснул. Снежелика пошла следом, ставя ноги точно в его следы. На середине ручья она остановилась и посмотрела вниз. Под белой толщей вода ещё двигалась.

— Не стой, — поторопил, даже не обернувшись.

— Иду.

На другом берегу он снял с плеч плащ и протянул ей. Девушка вцепилась в узел руками, мотнула головой.

— Сам замёрзнешь?

— Нет.

— Очень хорошо. А я, значит, могу.

Он всё ещё держал плащ.

— Гордая смерть ничем не лучше простой.

— Я не горжусь. Я проверяю, за что потом расплачиваться.

— За плащ ничего не нужно.

— Так не бывает.

Мужчина опустил руку.

— Бывает. Редко.

Уговаривать больше не стал, подошёл сам и набросил на девичьи плечи. Мех оказался тяжёлым и сухим, плечи сразу потянуло вниз, зато ветер перестал добираться до спины.

— Если врёшь, я тебя этой жердью ударю.

— Попробуй.

— Попробую… Спасибо.

Он пошёл вперёд, и деревья перед ним расступались. Снежелика шла следом, считала шаги и старалась не думать о том, что лес, который всю ночь не пускал её никуда, теперь будто знал дорогу. Вскоре между деревьями показался свет.

Не солнечный. До рассвета ещё оставалось время. Свет шёл снизу, от заснеженной низины. Там стоял терем: тёмные брёвна, высокая крыша, узкие окна с тусклым огнём за ледяными стёклами. Возле крыльца снега лежало мало, словно его недавно расчистили.

Снежелика остановилась.

— Это твоё?

— Пока да.

— А раньше чьё было?

Мужчина посмотрел на терем.

— Долгая история.

— У нас с тобой, похоже, ночь длинная.

Он поднялся на крыльцо и толкнул дверь.

Изнутри пахнуло сухими травами, холодным железом и печным камнем. Не теплом дома, но и не лесной смертью. Снежелика вошла после него, всё ещё держа жердь в руке.

Дверь тихонько притворилась сама. Девушка не сомневалась, захоти она выйти, и дверь и на палец не выйдет сдвинуть.

Мужчина снял перчатки и положил их на лавку.

— Сядь у печи. Сапоги снимешь. Если пальцы почернели, скажешь сразу.

— А потом?

Он взял с полки глиняную чашу, налил в неё воды из ковша и поставил на край печи. Снежелика подождала, но ответа не было. Сапоги же и впрямь стоило снять. Она медленно опустилась на лавку. Жердь положила рядом, так, чтобы сразу схватить.

— Зовут тебя как?

Он взял с полки глиняную чашу, налил в неё воды из ковша и поставил на край печи.

— Снежелика.

Утаивать не было выгоды, вряд ли обряд навредит ей больше. Тем более, что самое страшное её пока обходило. Разве что она оказалась в посмертии, а тело так и осталось у той сосны. Девушка сняла мокрый сапог. Пальцы не почернели, но были белыми и почти не сгибались. Снежелика растёрла их ладонью, поморщилась и потянулась ко второму сапогу.

— Снежа, значит, — мужчина прищурился, и угол его рта едва заметно дрогнул.

Глава 10.

Снежелика проснулась оттого, что затекла рука. Она лежала на широкой лавке, уткнувшись щекой в свёрнутую овчину, и несколько мгновений смотрела на серые брёвна стены, не понимая, куда делась домашняя печь. Потом увидела жердь возле лавки, свои сапоги у каменного очага и тяжёлый меховой плащ на крюке. За стеной мерно стучал топор.

Сапоги за ночь подсохли, но кожа на носках задубела, а голенища так и остались смятыми. Под подошвами натекли две тёмные лужицы. Возле лавки стояли старые валенки, широкие, залатанные у пятки. Снежелика вытряхнула из одного сухую хвоинку, натянула оба и перетянула голенища полосками, оторванными от края повойника. Валенки были велики, зато пальцы не сводило от холода.

На столе ждала миска с кашей, прикрытая полотенцем. Рядом лежала засохшая рыбья голова. Снежелика понюхала кашу и, скривившись, снова накрыла. Такую у них варили в самые голодные годы в большом чане, а потом неделями хранили в сенях. Млада однажды спрятала свою миску под лавкой, и Офимья заставила её доесть кашу уже подгнившей. Снежелика тогда поменяла их миски и полночи провела у нужника.

Воспоминание о сестре окончательно прогнало сон. Что было с Младой сейчас? Искала ли она сестру, или болезнь не успела отступить, и девочка ещё лежала у печи? Сказали ли ей, что случилось на самом деле? Мирослав, если уже вернулся с поисков, непременно спорил с отцом, а тот сидел у печи и обещал разобраться утром. Вот только утро уже наступило. Быть может, её и вовсе не искали?

Девушка подошла к двери. Засова изнутри не было; дверь открылась сразу, только протащила по полу полоску снега. Вечером рассмотреть двор не удалось, и теперь Снежелика с удивлением обнаружила сарай, навес и высокую поленницу. За частоколом начинался бор, и сколько она ни всматривалась, не нашла ни дороги, ни санного следа, ни дыма над чужой крышей. Морозный Князь колол дрова возле сарая. Работал в одной тёмной рубахе, и каждое полено раскалывал с первого удара.

— Доброе утро. — Снежелика остановилась под навесом и запахнула плащ. — Или у вас здесь по утрам не здороваются?

Князь поставил на чурбак следующее полено.

— Здороваются, когда хотят.

— Тогда считай, что я захотела. Не боишься, что, пока ты дрова рубишь, я возьму и уйду?

Он ударил топором, поднял оба обрубка и бросил к стене.

— Попробуй. Потом расскажешь, далеко ли добралась.

Она повернулась к калитке: шагов тридцать всего, и никаких сторожей во дворе не виднелось. Возможно, он считал, что она после ночи в лесу не решится уйти одна.

— А если доберусь до посада?

— Вернёшь валенки.

— Щедрый какой. Значит, плащ себе оставлю. Хороший он, тёплый.

Князь утёр лицо плечом и снова взялся за топор. Снежелика постояла под навесом, ожидая, что Князь всё-таки окликнет её или хотя бы посмотрит вслед. Топор опустился на очередное полено.

Снег во дворе держал её вес, но возле частокола наст провалился почти до колена. Она вытащила ногу, а валенок остался в яме. Пришлось опуститься на четвереньки, нашарить его под снегом и натянуть обратно на мокрый чулок. За спиной снова стукнул топор; Князь даже не обернулся.

За калиткой начиналась узкая тропа. Снежелика выбрала приметную раздвоенную ель и пошла прямо к ней, стараясь не сворачивать. Ель приближалась медленно, ветви цепляли

плащ, снег сыпался за ворот. Наконец она обогнула толстый ствол и увидела перед собой крыльцо. Позади стояла та же раздвоенная ель, а следы тянулись от калитки к дому прямой цепочкой.

Раздражённо дёрнув плечами, девушка приподняла юбку повыше и решила обойти прямо по сугробам в противоположную сторону от ели. И так же обернулась кругом. Сколько бы ни ходила, ноги сами несли её обратно к крыльцу морозного терема.

В третий раз она оставила возле калитки обломок ветки, а на ближайшем стволе ногтем содрала полоску коры. Потом считала шаги, держала солнце по правую руку и дважды оглядывалась. Обломок ветки нашёлся на снегу раньше, чем она успела досчитать до ста.

Теперь Снежелика остановилась. Вокруг не было ни тумана, ни метели, ни развилки, на которой можно ошибиться. Она могла идти куда угодно, но всё равно возвращалась туда, откуда пришла.

Если Морозный Князь решит оставить её здесь, Мирослав не найдёт дорогу. Никто не найдёт.

Хозяин терема уже сидел за столом и резал хлеб, когда она вернулась. Снежелика поставила валенки у печи, подвинула миску с кашей ближе к огню и села напротив. На подоле таял снег, мокрый чулок лип к ноге.

Она сняла с миски полотенце, продавила ложкой подсохшую корку и заставила себя съесть несколько ложек. Каша была ещё кислее, чем пахла.

— Сколько это будет продолжаться? — спросила Снежелика.

Князь отрезал хлебную корку и положил её возле рыбьей головы.

— Что именно?

— Не прикидывайся. Сколько ни иди, возвращаешься к дому. Зачем ты меня держишь?

Мужчина закатал рукава: тёмная ткань обнажила бледные, почти белые жилистые запястья, обвитые крупными венами.

— Зачем ты мне сдалась?

Девушка аж кашей поперхнулась:

— Кто же тогда?

— Бор тебя не знает.

— Вчера он меня впустил.

— Вчера ты шла по моей тропе.

Снежелика отодвинула миску. Есть расхотелось.

— Значит, без тебя я отсюда не выйду.

Князь не ответил. Он срезал с рыбы остатки мяса.

— Пока не выйдешь.

— И сколько длится это «пока»?

— У всех по-разному.

— Мне домой надо. Млада осталась с Офимьей.

— У неё есть отец.

— Отец вчера позволил вывезти меня в лес.

— Брат и сестра, — Князь пожал плечами. Волосы, собранные в тугую косу, тяжело качнулись от этого движения.

— Много ты знаешь, — Снежелика покачала головой. Пальцем заскользила по запотевшему краю миски: — Да не всё тебе ведомо. Брат свою семью хранит, сестра в чужую уйдёт. Вот и остаются у неё отец-придатель да… мать.

Князь перестал возиться с рыбой. Снежелика ожидала, что он снова велит ей поесть или скажет что-нибудь о мокрых ногах, но тот некоторое время молчал.

— До посада отсюда три дня пути, если дорога открыта, — произнёс он наконец. — В своих сапогах ты не пройдёшь и половины. В этих валенках пройдёшь дальше, но потом мне придётся искать тебя у первого оврага.

— Поэтому ты решил ничего не объяснять?

— Ты бы поверила?

Снежелика хотела сказать, что поверила бы, но передумала.

— Нет, — ответила она.

Князь подвинул миску обратно к ней.

— Доешь. Потом можешь снова идти к калитке.

Каша осталась кислой. Снежелика всё-таки съела половину, потому что пустой живот мешал думать. Рыбья голова лежала у края стола, один глаз у неё высох и ввалился.

— Ты её сам есть собираешься?

— Коту оставлю.

Снежелика заглянула под стол. Потом проверила закут[4], куда могло забиться животное.

— Кота я не видела.

— Я тоже давно не видел.

— Тогда зачем голову оставляешь?

Князь пожал плечом и завернул рыбьи кости в тряпицу. Больше он ничего не объяснил.

До полудня Снежелика обошла дом. В кладовой лежали мешки крупы, сушёная рыба и свёртки с травами. На нижней полке стояли три пустых горшка, один с отколотым краем. В холодной горнице обнаружились кровать, сундук без крышки и мужской лапоть под лавкой. Девичьих костей, свадебных венков и окровавленных рубах не было, но отсутствие следов ничего не доказывало.

Снежелика подняла крышку небольшого ларя. Внутри лежали клубки шерсти, деревянная ложка с треснувшей ручкой и детская рукавица. На большом пальце шерсть разошлась, сквозь дырку торчал узелок старой нитки. Она повертела рукавицу, затем вернула на место. Стоило запомнить и спросить позже.

Во дворе снова застучал топор. Снежелика прикрыла ларь и пошла искать, чем занять руки.

Возле крыльца стояло коромысло. Она взяла два ведра и направилась к колодцу. На воде лежала толстая ледяная корка, а рядом в снег была воткнута узкая железная пешня. Снежелика несколько раз ударила остриём возле края, отломила кусок льда и опустила ведро.

— Не у стенки, — донеслось сзади. — Там дно подмыло.

Она обернулась. Князь шёл от сарая с охапкой дров.

— Можно было сказать раньше.

— Я за тобой не слежу, мог и не увидеть.

Снежелика переставила ведро ближе к середине. Верёвка заскользила в рукавицах, деревянная дужка ударилась о сруб, и половина воды выплеснулась обратно.

— Тебя как зовут? — спросила она, вытаскивая ведро. — Я не собираюсь каждый раз кричать: «Морозный Князь, подойди сюда».

Он оставил дрова возле крыльца.

— А кричать обязательно?

— Когда я утоплю ведро — да.

— Верёвку короче возьми.

— Так как тебя звать?

Князь вытащил из поленницы два кривых чурбака и отложил их под навес.

— Я не человек.

[4] пространство за печью

— Это не ответ. У лешего имя есть, у домового, даже коров люди как-то называют. Или ты один на всём белом свете живёшь без имени?

Он вернулся к колодцу и забрал у неё верёвку. На этот раз ведро вошло в воду ровно.

— Имя тебе сейчас ничем не поможет.

— Зато я буду знать, с кем разговариваю.

— Ты и так знаешь.

Снежелика приняла полное ведро и поставила на снег.

— Народ тебя Морозным Князем да Мёртвым женихом кличет. Обо мне в посаде тоже много чего говорят, но я себя Белой невестой не зову.

Он посмотрел на неё, но имени не назвал. Поднял второе ведро и понёс к дому.

— Поставь воду возле печи. Потом снег у колодца надо убрать, пока опять не натоптали.

Кто именно мог натоптать снег в пустом дворе, Снежелика не спросила. Она подхватила своё ведро обеими руками и пошла за ним.

После колодца они почти не разговаривали. Снежелика сгребала снег с дорожки, Князь разбивал наледь возле ворот. Один раз из-под сарая выскочила тощая серая птица, поклевала что-то у поленницы и снова скрылась. Князь бросил возле щели горсть крупы.

Ближе к вечеру он внёс в дом дрова. На торцах некоторых поленьев были вырезаны короткие черты. Снежелика выбрала сухое, без отметки, и сунула в печь. Следом потянулась за соседним, но Князь перехватил его у самой заслонки.

— Это через два дня.

— Оно такое же сухое.

— Снаружи.

Он поставил полено обратно к стене и повернул зарубкой кверху.

— Что с ним будет через два дня?

— Вода уйдёт к сердцевине. Тогда можно жечь.

— А сейчас нельзя, потому что дымить станет?

— Потому что я уже вытянул из него часть влаги. Ещё потяну — лишний холод ляжет в землю. Корни возле дома промёрзнут.

Девушка провела пальцем по зарубке. На других поленьях было по две или три черты.

— Ты каждое помечаешь?

— Иначе забуду.

Она ожидала другого ответа. Божич, когда говорил о своей силе, никогда не упоминал, что может что-нибудь забыть или испортить. Морозный Князь держал у печи дрова, на которых считал дни, как мельник отмечал мешки разной муки.

— А если всё-таки сжечь?

— Весной одна из рябин может не проснуться.

— Какая?

— Не знаю.

Князь положил в огонь другое полено и закрыл заслонку. Снежелика ещё немного постояла возле помеченных дров, затем повернула зарубки наружу, чтобы случайно снова не взять неправильное.

Ночью она спала плохо. В стене скреблась мышь, хотя Князь уверял, что мышей в тереме быть не может. Из сеней тянуло рыбой, а где-то за окном потрескивали деревья. Снежелика несколько раз просыпалась и смотрела на дверь.

Под утро ей привиделась Млада в свадебном венке. Девочка сидела у старой сосны и выдёргивала из снега прошлогоднюю траву. Снежелика звала её, но Млада не поднимала головы.

Проснувшись, она долго не могла согреть ладони. Огонь в печи почти погас. Морозного Князя в горнице не было. Снежелика подбросила два полена, сверившись с зарубками, и сунулась в кладовую. Прошлым вечером она приметила там полынь.

Пока она разбирала пучки, в траве обнаружились сухие жуки, комочки земли и клочок красной нитки. Нитка ни к чему не была привязана. Снежелика намотала её на палец, потом положила на край стола.

Князь вернулся с пустым мешком и снегом на плечах.

— Где был?

— За домом.

— Я вижу, что не в горнице.

Девушка продолжила обрывать сухие верхушки, хотя полынь уже начала крошиться в ладонях.

— В холодной комнате есть кровать. На ней кто-то спал до меня?

— Разные люди.

— Белые невесты тоже?

Князь задержался у двери в сени. Затем прошёл к столу и сел напротив. Пустой мешок он не убрал, оставил на коленях.

— Две.

Снежелика ожидала, что он снова уйдёт от ответа, и теперь не сразу нашлась с новым вопросом.

— Что с ними стало?

— Одна пришла ко мне подно. Она до утра не дожила. Вторую я отвёл за реку, к тётке. В посад возвращаться она отказалась.

— А остальные?

Князь расправил мешок, проверил шов возле дна и начал вытаскивать застрявшие в ткани иголки.

— Некоторых находил у сосны. Некоторые уходили сами. Зимой далеко не уходят.

— Ты их хоронил?

— Кого мог.

Снежелика отложила пучок. Между ними на столе лежал клочок красной нитки.

— Почему люди решили, что ты забираешь невест?

— Потому что живые иногда исчезали, а мёртвых у сосны не оставалось.

— Ты мог прийти в посад и сказать правду.

Снежелика затеребила в пальцах кончик косы, вздохнула. Верить или не верить, она решит потом, а пока стоило бы знать, в чьем тереме ей придётся жить, пока, — *Если,*— поправила она себя, не будет позволено уйти из леса.

Князь вытащил из мешка последнюю иголку и бросил в миску с мусором.

— Кому?

Снежелика уже открыла рот, но ответа не нашла. Вспомнила, с какой лёгкостью Офимья отправила падчерицу подальше из дома, и как галдели люди на собрании, желая как можно скорее найти виноватого во всех их бедах. Поняла. Глянула из-под светлых ресниц на Морозного Князя, столкнулась с его тёмным прищуром — он уже знал, что она поняла.

Она потянулась за следующим пучком полыни. Разговор не закончился примирением или обещанием. Князь занялся дырой в мешке, Снежелика перебирала траву, и несколько минут слышался только треск нитки, которую он никак не мог продеть в иглу.

Перед рассветом следующего дня он разбудил её, положив на край лавки свёрток с хлебом.

— Собирайся, есть будешь по дороге.

Снежелика села и натянула валенки.

— Что, прикопаешь меня под сосной?

— Увидишь.

— Обнадёжил.

Она ожидала, что он выдаст нож или мешок, но Князь сунул ей пустое ведро и вышел во двор. Второе взял себе.

— Куда идём?

— К ручью. В колодце вода поднялась мутная.

Снежелика проверила, взяла ли рукавицы, и догнала его у калитки. Князь шёл впереди, иногда разгребал снег сапогом и находил под ним метки: сломанный сучок, зарубку на коре, три камня возле корней. Шагать она старалась след в след, лишь бы не вернуться кругом. Но за частоколом тропа никуда не вильнула.

Лучше было запомнить путь. После первой же развилки всё стало одинаковым. Ели стояли тесно, между ними лежали длинные сугробы, а солнце пряталось за облаками.

— Если сейчас отстану, бор опять вернёт меня к терему?

— Если повезёт.

Она остановилась.

— А если нет?

Князь тоже остановился, но оборачиваться не стал.

— Не отставай.

Больше Снежелика вопросов не задавала. На одном из поворотов она сломала тонкую сухую ветку и воткнула обломок в снег. Князь обернулся на её возню, но говорить ничего не стал.

У замерзшего ручья пришлось расчищать источник. Под упавшей осиной скопились листья и мелкие сучья, вода уходила под снег и выступала ниже по склону. Князь рубил ветви, Снежелика вытаскивала их из промоины и складывала на берегу. Рукавицы быстро промокли. Вода затекла в валенок, когда она слишком близко подошла к краю, и пришлось работать с мокрой ногой.

Они почти закончили, когда из-под осины выскочило маленькое серое существо. Оно было Младе по пояс, не выше, всё в мху и прошлогодних листьях. Существо схватило хлебный свёрток, который Снежелика оставила на камне, и скрылось между корней.

Она бросилась следом, но Князь поймал её за рукав.

— Оставь.

— Еда ведь!

Из-под осины высунулась длинная рука, положила на камень один кусок хлеба и тут же исчезла.

Снежелика подняла оставшуюся краюху. На корке виднелись следы мелких зубов.

— Что это было?

— Лесовой.

— Он всегда так делает?

Князь набрал воду в ведро и проверил, нет ли на поверхности листьев.

— Нет. Обычно он ничего не возвращает.

По дороге назад он нёс оба полных ведра. Снежелика шла впереди, руки остались свободны. У первой развилки она нашла собственную ветку, торчащую из сугроба, и повернула направо. Затем заметила три камня возле корней. Возле последней ели след потерялся, и пришлось остановиться.

Князь молчаливым деревом остановился за спиной. Вёдра оттягивали ему руки, вода плескалась о деревянные стенки.

Снежелика прошла к соседнему стволу, смахнула снег и обнаружила старую зарубку.

— Здесь налево?

— Здесь прямо.

Она вернулась и нашла под настом узкую впадину от тропы. Через несколько минут между деревьями показался частокол.

У крыльца Князь поставил вёдра на снег. Снежелика сняла валенок и вылила из него воду. Чулок промок до колена, пальцы побелели.

— Садись у печи, — сказал он. — Только ногу сразу к огню не суй.

— Я знаю.

— Хорошо.

Снежелика прошла в дом, стянула мокрый чулок и начала растирать ступню сухой тряпицей. Князь внёс воду, поставил вёдра возле стены и вышел обратно. Дверь осталась приоткрыта, по полу тянуло холодом.

На столе лежала красная нитка, которую Снежелика нашла в полыни. Она убрала её в треснувшую деревянную ложку, чтобы не потерялась, хотя сама не знала, зачем оставляет.

После ужина Снежелика попросила шило. Князь достал его из сундука и вернулся к своим делам. Она долго пришивала отошедшую подошву к сапогу, дважды проколола палец и испачкала кожу кровью. На другой стороне стола Князь считал зарубки на поленьях и перекладывал их ближе к печи.

О дороге к посаду они больше не говорили. Перед сном Снежелика завернула в тряпицу две хлебные корки и спрятала между сапогами. Нож положила под лавку, так, чтобы достать его рукой, не вставая.

Глава 11.

Красная нитка так и лежала в треснувшей ложке. Утром Снежелика взяла её, расправила на ладони и заметила у одного конца крохотный узел. Нитку оборвали вместе с тканью: в узле остался тёмный ворс. Полынь собирали летом, а клочок выглядел так, будто попал в пучок недавно.

Морозного Князя в горнице не было. За стеной скребла лопата, потом послышался скрип сарайной двери. Снежелика сунула нитку в карман и отправилась в холодную горницу. Ей требовалась игла для сапога. Спрашивать разрешения не хотелось: Князь либо промолчал бы, либо сам принёс иглу и не позволил бы заглянуть в ларь.

В ларе, где лежала детская рукавица, иглы не нашлось. Под клубками шерсти обнаружились костяной гребень, две позеленевшие подвески и узкий пояс с почерневшим серебряным шитьём. Так одевались женщины на старых образах в молельне. Ни Велена, ни Офимья такого пояса уже не надели бы. Ниже лежал синий платок, дешёвый, почти новый, а под ним — деревянный браслет с вырезанным изнутри именем: «Рада». Края букв ещё не сгладились.

Снежелика разложила вещи на крышке ларя. Подвескам могло быть больше сотни лет, поясу — и того больше. Платок пах дымом и сушёной мятой; такие продавали на последней осенней ярмарке. Девушки приходили сюда одна за другой, а их вещи оставались в одном сундуке.

— Положи обратно.

Князь стоял в дверях с пустой корзиной. Снег на его плечах подтаял и тёмными пятнами лёг на рубаху.

— Иголку искала. — Снежелика подняла браслет. — Рада жива?

Князь поставил корзину на пол и вошёл.

— Семь лет назад была жива. Я отвёл её далеко отсюда.

— Семь лет — это не старая сказка. Она могла бы жить в соседнем посаде, знать моего брата.

— Не знает. Там до вашего посада никому дела нет.

Он завернул подвески в ветхую тряпицу. С поясом обращался осторожно, придерживал вышивку, чтобы нити не расползлись.

— Значит, она тоже была Белой невестой?

— Четыре дня прожила в этой горнице. Потом попросила вывести её туда, где искать не станут.

Снежелика продолжала гладить пальцами чужое украшение.

— А другие? Все сами уходили?

— Нет.

Князь протянул руку. Она положила браслет ему на ладонь.

— Тогда расскажи, как было.

— Не сейчас.

— А когда? Только завтраками кормишь, ничего не рассказываешь.

— А у тебя за одним вопросом ещё три.

Князь положил браслет рядом с рукавицей и опустил крышку ларя.

— Иглы в малом сундуке у печи.

Он вышел, подхватив корзину. Скрывать сам факт Князь не пытался: вещи принадлежали девушкам, и некоторые из них жили здесь совсем недавно. Подробностей он избегал. Похоже, сам не хотел возвращаться к тому, что с ними случилось.

Иглу Снежелика нашла там, где он сказал. Села у окна и принялась укреплять шов на сапоге. Сквозь кожу игла проходила туго. Велена справилась бы быстрее: прикусила бы нитку,

поворчала на плохое шило и к вечеру пришила бы ещё войлочную стельку. Мирослав держал бы сапог и уверял, что сам всё умеет, пока жена не отберёт у него работу.

От мысли о них в груди стало тесно. Мирослав наверняка не прекратил поиски. Он мог накричать на отца, уйти в лес один, поссориться с посадскими. Велена пошла бы следом. Хотелось верить, что Млада теперь у них, а не рядом с Офимьей.

Божич тоже мог искать её. Снежелика попробовала представить его среди зимнего бора — в светлом плаще, с горячими руками и уверенностью, что мир перед ним сам распахивает все двери. Не получилось. В последний раз он стоял в их доме и просил отложить сватовство с Зорицей. Когда Снежелику привезли к сосне, его рядом не было. Она не знала, можно ли сердиться на того, кто, возможно, ни о чём не ведал, но всё равно сердилась.

К полудню Князь принёс зайца. Разделывал его молча, а Снежелика чистила репу для похлёбки.

— Княже, передай соль.

Он подал берестяную коробочку.

— Теперь так?

— «Морозный Князь» долго. Имя ты всё равно не называешь.

— Можешь никак не звать.

— Тогда пришлось бы лезть через весь стол.

Снежелика посолила репу и вернула коробочку. Новое обращение оказалось удобным. В нём не было ни Мёртвого жениха, ни посадских страшилок.

Князь отрезал заячьи лапы и завернул их в бересту.

— Для чего вообще нужны Белые невесты? В нашем посаде твердят, что они зимой прокляты и должны быть Морозу отданы. В соседнем, говорят, без них зима не придёт. Каждый старик рассказывает по-своему.

Князь сложил мясо в горшок.

— Потому что каждый обещает лесу своё.

— И что же, лес требует девиц?..

Снежелика положила нож. Кусок репы остался на доске.

— Лес требует исполнить клятву.

— Какая разница, если в конце у сосны оставляют связанную девушку?

Князь вымыл руки в миске. Вода порозовела.

— Для девушки никакой.

Он вынес берестяной свёрток в сени, и Снежелика осталась с репой один на один. Ответ не оправдывал ни лес, ни людей. Зато Князь и не пытался убедить её, что такой порядок справедлив.

На следующий день он собрался обновить старый солонец. Снежелике отдал мешок с солью и велел не отставать. Сапоги после починки держались, хотя шов тянул кожу. За частоколом она уже различала некоторые метки: срез на молодой ели, камень, поставленный ребром, пучок сухой травы на ветке. Дважды Князь ждал на развилке, пока она сама найдёт продолжение тропы.

У поваленной сосны Снежелика заметила босой след. Ступня была узкой, почти человеческой, только пальцев оказалось шесть. След пересекал дорогу и обрывался у берёз.

— Кто прошёл?

Князь присел возле отпечатка.

— Заблудившийся. Не наступай, иначе подхватит твой след и увяжется за тобой.

Он засыпал отпечаток снегом и повёл её в обход. Дальше босая нога появилась поверх его собственного следа, хотя вокруг не было ни одной примятой ветки. Снежелика поправила мешок на плече и держалась ближе к Князю.

У солонца они высыпали соль в выдолбленный пень. Князь нашёл на коре серую шерсть и принялся рассматривать следы лосей. Снежелика завязывала опустевший мешок, когда из березняка донёсся голос Млады:

— Снежа!

Она выпрямилась. Голос был слабый, простуженный, каким становился после болезни.

— Снежа, я здесь.

Снежелика бросила мешок и пошла к берёзам. Князь перехватил её за локоть.

— Стой. Это не она.

— Отпусти! Она могла пойти за Мирославом и потеряться! — она попыталась выкрутиться, броситься туда, на голос.

— Послушай, откуда зовут.

Между белыми стволами мелькнул край знакомого платка. Снежелика дёрнулась, но Князь удержал.

— Снежа! — позвали уже справа.

Потом голос Мирослава донёсся слева:

— Снежелика, не уходи!

Она перестала вырываться. Брат почти никогда не называл её полным именем. Князь отпустил локоть, но встал перед ней.

— Не отвечай. Что бы ни услышала, не говори с ними.

В березняке хрустнула ветка. Между стволами стоял высокий человек в белой рубахе, спиной к ним. Волосы свисали до пояса, босые ноги ушли в снег. Он повернул голову, не двигая плечами. На месте лица была гладкая серая кожа.

Снежелика отступила. Существо подняло руку и поманило её. Распахнуло рот, заговорил голосом Божича:

— Я пришёл за тобой.

Именно этих слов она ждала, когда её бросили. Этого она хотела услышать, пробираясь по ночному лесу в подвенечном платье. Сейчас в них не было ни тепла, ни родного чувства. Чужой рот повторил то, что нашёл в её памяти.

— Смотри на меня, — Князь требовательно сжал её запястье.

Снежелика перевела взгляд на него. Он стоял близко; на ресницах застрял иней, коса сбилась на плечо.

— Снежелика, не оборачивайся.

Впервые он назвал её по имени. За спиной снова позвала Млада. Снежелика вцепилась пальцами в ремень мешка и смотрела на Князя. Взгляд метался между тёмными серыми почти прозрачными глазами, седыми прядями, выбившимися из косы.

Он снял рукавицу и прижал ладонь к берёзе. По коре побежал иней, перешёл на соседний ствол и лёг на снег белой чертой. Заблудившийся шагнул к ним. Черта потемнела, ветви над головой затрещали.

— По кромке к камню. Медленно.

Снежелика отступала, не сводя с него глаз. Белая полоса уходила между деревьями. На третьем шаге Князь поморщился: иней поднялся от ладони к запястью, кожа побелела и растрескалась.

Безликий снова заговорил голосом Божича:

— Оставь его. Я выведу тебя домой.

Снежелика повернула голову на голос. Князь перехватил её за плечо и подтолкнул к белой тропе.

— Иди.

— А ты?

— Иди!

Она развернулась и сделала несколько шагов, но сердце словно подсказывало: стой, что-то не так! Морозный Князь не шевелился, его ладонь будто примерзла к коре.

Это казалось опасным, неправильным, и Снежелика выхватила нож. Ударила по ледяной корке рядом с пальцами. Лёд раскололся. Князь освободил руку, догнал её и повёл по белой кромке, пока березняк не остался позади.

У поваленной сосны снова лежал пустой мешок. На снегу появились их прежние следы. Князь сел на ствол и спрятал правую руку под мышку.

— Покажи.

— Нет..

— Руку дай.

Никакие препирательства девушка слушать не стала, вцепилась в рукав чужого кафтана, дёрнула, требуя показать руку. Мужчина смерил её хмурым взглядом, но поддался. Снежелика стянула с него рукавицу. Пальцы сгибались плохо, на коже белели тонкие трещины.

— Что делать?

— Ничего. Отойдёт само.

— Тогда подождем!

Он не стал спорить. Снежелика собрала рассыпавшуюся соль, сколько смогла, и села на другой конец ствола. Из березняка больше не звали.

— Он мог увести меня?

— Мог.

— Куда?

— Не знаю. Те, кого уводят, не возвращаются рассказывать.

— Но ты ведь хозяин леса!

Князь ровным голосом ответил:

— Лес сам себе хозяин, я лишь исполняю его волю.

Снежелика завязала мешок и положила рядом. Продолжать разговор было неловко. Слова благодарности застряли в горле вместе с вопросами, которые она всё ещё хотела задать.

Обратно они пошли рядом. Князь держал повреждённую руку у груди. На одной из развилок Снежелика свернула не туда; он взял её за край рукава и повернул к нужной просеке.

— Спасибо, Княже, — пробормотала она, когда между деревьями показался частокол.

— В следующий раз не отвечай голосам.

— Попробую.

В тереме Снежелика растопила печь и поставила воду. Князь сел возле стола и снял рукавицу. Она принесла смолу, но он велел убрать.

— Смола задержит холод внутри. Нужна тёплая вода, потом сухая шерсть.

Снежелика намочила тряпицу, отжала и подала ему. Князь взял её левой рукой. Правую держал на колене; белые трещины понемногу бледнели.

Снежелика налила отвар и поставила чашку возле его локтя.

— Пей, Княже. Сегодня он хотя бы не прокис.

— Большое достижение.

Она села напротив и взялась чистить оставшуюся репу. Нож перед сном всё равно положила под лавку. Вопросов к Князю стало больше, но сторониться его так, как прежде, уже не получалось.

Глава 12.

Князь с самого утра ходил к частоколу. В первый раз Снежелика решила, что он проверяет ворота, во второй — что заметил следы у поленницы. Когда он вышел в третий раз и снова положил ладонь на верхнее бревно, стало ясно: дело было не в воротах.

Из окна ничего подозрительного не виднелось. Бор стоял серый от раннего света, и только с еловых лап сыпался снег. В посаде такую тишину сочли бы добрым знаком. Здесь она означала, что в лесу притаилось нечто. Вот только доброе или злое?

Снежелика вернулась к горшку. Каша пригорела ко дну ещё вчера, и теперь её приходилось оттирать песком, придерживая посудину коленями. Рядом грелась вода, в печи догорало полено с одной зарубкой. Какое брать утром, она уже знала, как и то, где лежит соль, какое ведро течёт возле дужки и какая половица скрипит ночью.

Привыкла она ко всему этому довольно быстро. Однажды заметила, что больше не ищет глазами сапоги: они всегда стояли у стены. Рукавицы висели рядом с княжескими, и никто не убирал их в холодную горницу к вещам прежних невест. Даже лавка у печи уже казалась собственным надежным углом.

В посаде Снежелика хорошо знала, где следует посторониться. Не задерживаться у колыбели, если в доме гости; не брать младенцев на руки; не подходить к общему колодцу, пока соседки не закончат перешёптываться. В тереме всё оказалось проще. Князь называл её посадской, упрямой и временами бестолковой, но её белые волосы, мертвенная бледность кожи и прозрачные глаза его, похоже, вовсе не занимали.

Дверь открылась, хозяина. За его ногами в терем радостно ворвался вихрь снега.

— Что там? — спросила Снежелика, не поднимаясь с пола.

Князь снял рукавицы и положил их возле её мокрых варежек.

— Что там?

— Тихо.

— Я и сама вижу. Почему ты всё к воротам ходишь?

Он прошёл к печи, наклонился и посмотрел на зарубку на полене. Снежелика продолжала оттирать горшок, хотя краем глаза следила за ним.

— Правильно взяла, — сказал Князь.

Она ещё раз провела песком по дну.

— Я различаю зарубки. Скоро смогу обходиться без твоих наставлений.

— Неделю прожила, а уже хозяйничает.

— Иначе пришлось бы ждать, пока ты вернёшься, а там уж и терем бы выстыл.

Князь сел за стол. На этом спор, по его мнению, закончился. Снежелика поставила вычищенный горшок возле печи и вернулась к столу. Отрезала хлеб и положила перед ним краюху. Ей досталась другая, с трещиной посередине. Раньше она выбрала бы худший кусок сама, чтобы Офимья не успела указать на него. Теперь же всё было поровну.

Князь потянулся к миске с похлёбкой, но Снежелика удержала её за край.

— Ты ни разу не спросил, почему я такая.

Он посмотрел сначала на её руку, потом на лицо.

— Какая?

Снежелика положила ладонь на стол. Уже начав разговор, она поняла, насколько нелепо перечислять свои недостатки человеку, который неделю смотрел на неё и ничего не заметил.

— Я… как мертвец. Волосы белые, глаза тоже. В посаде считают, я с рождения проклята.

Князь взял её за пальцы и повернул ладонь к окну. Осмотрел ногти, старый ожог возле большого пальца, тонкий порез от иглы. Его собственная рука была почти ледяной и очень тяжёлой.

— Рука как рука.

— И всё?

— А что ты хочешь услышать?

Снежелика убрала ладонь. В посаде ей говорили, что она ничем не хуже остальных. Даже Божич защищал её именно так, будто сначала видел отличие, а потом великодушно соглашался его не замечать. Князь же, похоже, не понимал, что она была другой.

— Ничего, — ответила она.

Он придвинул ей чашку с отваром и взял хлеб. Разговор для него закончился, но Снежелика ещё некоторое время смотрела на свои пальцы. В морозном тереме она впервые оказалась не бедой, которую терпят из жалости, и не странной девушкой, которую требуется защищать от чужих глаз. Здесь она была посадской, упрямой, плохо слушалась и по незнанию могла наломать дров. Взгляд Князя будто не касался её внешности.

На улице раздался стрёкот, что-то крупное развалилось с громким хрустом. В чашке дрогнула вода, по поверхности пробежала мелкая рябь.

— Лось бродит али леший балует? — Снежелика на всякий случай пододвинула кухонный нож ближе к себе.

— Спят сейчас лешие, — губы Морозного Князя сжались в тонкую нитку.

По окну пополз иней, забивая узор из рябиновых листьев сплошной белизной. В печи осел огонь, хотя заслонка оставалась открыта. В дверь терема кто-то тихонько поскрёбся. Звук был тонкий, как мышка под полом.

Снежелика потянулась к ножу, но Князь уже оказался у двери. Скреблись неторопливо, с короткими передышками. Так мог проситься в тепло зверёк.

— Не открывай, — приказал Князь.

— Не собиралась.

Скрежет переместился к нижнему краю двери. Из щели показалась красная нитка. Она протиснулась в горницу, зацепилась за половицу и потянулась к столу, где ещё вчера лежала вместе с полынью. Снежелика наступила на неё сапогом. Нить дёрнулась, обвилась вокруг подошвы и начала подниматься по голенищу.

Князь перерезал её ножом. Обрезок свернулся кольцом, другой конец исчез за дверью. Затем нитка снова полезла из щели.

— Это та самая? — спросила Снежелика.

— Таких нитей много.

— Они ко мне тянутся?

Он убрал нож и снял со стены топор. Снежелика шагнула к окну. За частоколом снег лежал гладко, без следов, однако деревья клонились к терему вершинами.

— Не все. Есть твои, есть чужие, но им ты не нужна.

Снежелика посмотрела на нитку. Та лежала неподвижно, но стоило ей отойти, снова потянулась следом.

— Это после вчерашнего духа?

— Нет, — мужчина прижал нить каблуком сапога. — Лес пытается получить свою награду.

— А ты знал?

Князь затянул ремень с ножнами.

— Догадывался.

— У тебя странная привычка предупреждать о беде, когда она уже стучится в дверь.

Князь открыл дверь. В сени ворвался снег, хотя ветра во дворе не было.

— Останешься у печи. Дверь не открывай, что бы ни услышала.

— Чтобы нитка спокойно обмотала мне ноги?

— У печи она тебя не возьмёт.

Снежелика подняла край юбки. Красный конец уже добрался до щиколотки.

— Кажется, ей об этом забыли сказать.

Князь вернулся, сорвал нить с сапога и намотал на собственное запястье. Узел затянулся, кожа вокруг побелела. Он даже не поморщился.

— Теперь останешься?

— Теперь тем более нет.

За дверью что-то прошло вдоль стены, и брёвна отозвались глухим треском. Князь достал короткий полушубок, бросил ей и открыл дверь.

— Пойдёшь рядом. Скажу молчать — молчи. Скажу бежать — не оборачивайся.

— А если скажешь вернуться?

— Дороги назад уже нет.

Снег во дворе казался нетронутым. Красная нить уходила под калитку и терялась между деревьев. Следов у стены не оказалось: тот, кто скрёбся, не стоял на земле. За калиткой знакомая тропа исчезла. Князь шёл прямо между деревьями, и снег перед ним твердел, удерживая вес. Снежелика ступала в его следы. Красная нить на его руке становилась всё толще.

Лес менялся прямо на глазах. На ветвях висели клочки ткани и выцветшие ленты, схваченные инием. Белые, чёрные, выцветшие до серого; шерстяные пояса, погребальные ленты, полосы свадебных рушников. На одной берёзе висела длинная коса, прибитая к стволу топором. Снежелика прошла мимо и заставила себя не оглядываться. Ей показалось, что на рукояти остались алые пятна.

— Это вещи Белых невест? — сапоги увязали в снегу, намокшая ткань юбки путалась в ногах.

— Не все. Свадьбы появились позже.

— А остальные чьи?

— Тех, кто просил лес о помощи. Или обещал за других.

— Люди сами приносили сюда вещи?

— Большую часть.

Тропа пошла вниз, к чёрным елям. Между корнями бежала вода, и на дне ручья лежали медные кольца, пуговицы, детская костяная свистулька. Снежелика вспомнила рукавицу в ларе.

— Дети тоже давали клятвы?

Князь остановился у поваленного ствола. Красная нить натянулась, указывая дальше.

— Детям едва ли придёт в голову просить что-то у духов.

Он перелез через дерево. Спросить не успела: впереди заговорили.

Голоса шли из-под снега. Мужчины, женщины, старики повторяли обещания, данные много лет назад. Кто-то просил отвести падёж, кто-то — уберечь детей от горячки, вернуть мороз, спасти посевы. За каждую просьбу называли имя.

Князь остановился на краю прогалины. Старые сосны вокруг почернели от огня. Из снега выступал плоский камень с вбитым в него обгоревшим посохом. Верхушку охватывали железные кольца, а под ними были намотаны истлевшие нити. Снег вокруг растаял до земли. Из трещины в камне поднимался пар.

Красная нить сорвалась с руки Князя и обвилась вокруг посоха. Узел вспыхнул алым. Будто от самого посоха раздался голос Ивара:

— Белую ведём к белому. Чистую ведём к чистому. Отдаём с плотью, дыханием и именем.

У сосны ветер рвал клятвенные слова на части. Теперь каждое прозвучало отчётливо, а «плоть» и «имя» отозвались в груди холодом.

Князь вышел к камню. Снег за его спиной поднялся стеной.

— Слова произнесены неверно.

Из-под земли ответил Родивой:

— Отец назвал имя. Посад засвидетельствовал. Плата принята.

— Я ничего вам не обещала, — произнесла Снежелика.

Посох дёрнулся в камне. Железные кольца заскрежетали.

— Ты названа.

Голос принадлежал Офимье. Снежелика увидела её у домашней печи: сухие губы, чистый передник, руки на животе. Вспомнила, как мачеха поправила на ней обрядовую рубаху и отвела глаза.

Снежелика ступила на прогалину.

— Моё имя принадлежит мне. Отец мог привезти меня к сосне. Отдать меня он не мог.

По камню прошла трещина. Посох качнулся, железные кольца зазвенели. Князь обернулся к ней, и на мгновение в его лице появилось удивление. Потом голоса поднялись разом: просили вернуть снег, отвести горячку, спасти урожай. За каждой просьбой следовало имя плательщика.

Снег у ног Князя затвердел. Иней пополз по сапогам, рубахе, шее. Он выпрямился, и человеческое в нём стало исчезать без всякого блеска и красоты. Лицо застыло, дыхание пропало. По коже разошлись белые трещины. Тень за спиной поднялась выше сосен, хотя сам он не сдвинулся с места.

Снежелика отступила. В посадских сказках Мёртвый жених приезжал на чёрных санях и одним взглядом останавливал сердце.

Он повернулся к лесу спиной и закрыл её собой.

— Слышали? — его голос прозвучал из леса со всех сторон. — Названная не приняла клятву.

— Снова споришь, огневик? — прошелестели сосны. — Первую не удержал. Эту удержишь?

Плечи Князя распрямились, лицо застыло. Иней прошёл по шее и добрался до висков. Волосы выскользнули из косы и поднялись за спиной вместе со снегом. Глаза побелели.

Снежелика попятилась. Перед ней стоял тот, о ком пели у печей: Мёртвый жених, зимний дух, после которого находят людей с чёрными от мороза пальцами. Воздух обжёг лёгкие. Князь повернул голову и посмотрел сквозь неё.

Посох рванулся из камня к Снежелике. Князь перехватил его обеими руками. Иней на древке треснул, под ним проступила обугленная древесина. На запястьях Князя раскрылись старые рубцы; сквозь белую кожу прошёл тусклый красный свет.

— Огневик, — повторил лес. — Ты дал первую клятву.

— Я её не давал.

Земля вздрогнула. Красная нить метнулась к Снежелике и обвила запястье.

— К краю! — приказал Князь.

Она перерезала нить кухонным ножом, но второй конец захлестнул локоть и потащил её к камню. Князь навалился на посох, возвращая его в камень. Снег вокруг прогалины сорвался с места и закрутился. Снежелика закрыла лицо рукавом. Сквозь вой услышала его:

— Скорее!

Снежелика упала на колено. Нить впилась в кожу, поползла выше, оставляя алую полосу. Сосны лопнули вдоль стволов. Снежелика закрыла лицо, а когда снова посмотрела, Князь уже не двигался. Лёд сковал его руки на древке, поднялся к плечам. Белые глаза смотрели на посох, не узнавая ни леса, ни её.

— Княже.

Он не отозвался.

Снежелика подошла ближе. Мороз обжигал кожу даже через полушубок.

— Посмотри на меня.

Голова Князя медленно повернулась. В его лице не осталось ничего хоть отдаленно человеческого и живого.

— Ты велел мне не слушать чужие голоса. Вот и сам не слушай.

Князь попытался оттолкнуть её свободной рукой, но пальцы не слушались. Лёд поднялся до плеча. Снежелика обхватила древко ниже железных колец.

Посох оказался тёплым. Она успела удивиться, прежде чем поняла, что пальцы сомкнулись и больше не разжались. Тепло ушло из ладони, из руки, из груди. Снежелика хотела отступить, но сапоги примёрзли к земле.

Князь же вновь не замечал ничего вокруг, застыл рядом с посохом ледяной глыбой. Хватка не ослабла.

— Княже, — девушка попробовала позвать снова. — Что же ты, Княже…

Но он не отвечал.

— Ну и пожалуйста! — в нарочито обиженном тоне она пыталась скрыть страх. — Хорош защитничек, стоит истуканом!

Снежелика всмотрелась в ледяную маску вместо его лица. В нём ничего не менялось, но рука, которой он ещё недавно пытался оттолкнуть девушку от себя, теперь схватила её за горло.

Ледяные пальцы легко сомкнулись, и на коже сразу выступил иней. Свободной рукой Снежелика вцепилась в его запястье. Захрипела:

— То спасаешь, то убиваешь. За спасение спасибо не скажу, так и знай! И кашу твою есть невозможно.

В белых глазах дрогнуло что-то тёмное. Князь моргнул. Пальцы разжались, мужчина отшатнулся.

— Уходи, — выдохнул он.

— Сначала ты.

Лёд плотной коркой покрыл его запястья. Князь рванулся в сторону, пытаясь при этом удержать посох в камне. Иней на лице раскололся; он вдохнул, захрипел и схватил её за талию, пытаясь оттащить от камня. Ладонь осталась на древке.

— Снежа, отпусти.

— Не могу.

Иней дошёл до локтя. Снежелика видела его отчётливо: тонкие белые жилки под кожей, потом сплошная корка. Боли не было.

Княжеский топор остался лежать на снегу, зато за поясом у неё спрятался кухонный нож. Она вытащила его свободной рукой, протянула. Князь ударил лезвием по льду на своей руке, и тот осыпался, раскололся. Но когда мужчина попытался освободить Снежелику, нож разлетелся на десятки обломков, оцарапал их лица и руки.

Он отбросил обломок, обхватил её кисть и попытался разжать пальцы.

— Смотри на меня.

Снежелика подняла глаза. Белизна ушла из его зрачков. Перед ней снова был мужчина из терема: с рассечённой бровью, снегом в волосах и страхом, которого она прежде у него не видела.

— Княже…

— Смотри. Не закрывай глаза.

Холод поднялся к горлу. Вдох застрял в груди. Князь стянул с себя плащ, завернул её и прижал к себе, но от него тянуло тем же морозом. Он понял это раньше неё. Отдёрнул руки, потом снова обнял, уже не зная, что ещё сделать.

Лес засмеялся голосами стариков.

— Снова не удержал.

— Замолчите! — Князь обернулся, и по прогалине прошла волна холода. Снежелика перестала чувствовать ноги. Она ещё видела лицо Князя, но веки тяжелели. «Надо домой», — успела подумать она, и перед глазами встал морозный терем: её рукавицы рядом с его, сапоги у стены, полено с одной зарубкой возле печи. Не отцовский дом, где оставалась Млада. Другой.

Голоса спорили, перекрывали друг друга, затем лес снова заговорил один:

— Клятва не снята.

— Она её не давала, — ответил Князь.

— Ты берёшь срок на себя?

Он прижал ладонь к железному кольцу. Под кожей вспыхнули старые ожоги.

— До первого чужого огня, — сказал Князь. — Потом долг будет назван снова.

Посох ушёл в камень, красные нити потемнели. По прогалине прошёл тяжёлый вздох, снег разом осел.

Глава 13.

К полудню лес снова притих. Снег падал редко, крупными хлопьями, и оставленные следы почти не заметало. От прогалины они ушли давно, но Снежелика всё ещё слышала в треске ветвей голоса, повторявшие её имя.

Холод словно поселился в руках. Пальцы сгибались, однако кожа до локтя оставалась чужой и тяжёлой. Князь дважды останавливался, чтобы проверить её ладонь, и оба раза делал вид, будто поправляет сбившийся плащ. На третий Снежелика сама протянула руку.

— Совсем плохо?

Он надавил ногтем на побелевшую кожу и дождался, пока вернётся цвет.

— Пальцы чувствуешь?

Она пошевелила ими, поморщилась.

— Чувствую, но двигать тяжело.

Князь нахмурился, но ничего не сказал. После прогалины он заметно сутулился, хотя прежде даже под тяжестью вязанки держал спину прямо. На снегу оставались тёмные капли. Сначала Снежелика принимала их за воду с мокрого подола, потом увидела кровь на его ладони.

Обратно они шли медленно. Князь останавливался, упираясь в деревья, а у ручья оступился и промочил сапог. Снежелика забрала у него топор и пошла рядом.

— Ты знал, что они отдали меня по-настоящему.

— Знал.

— И позволял думать, что достаточно найти дорогу домой.

— Дорога есть.

— Но лес придёт следом.

— Да.

Снежелика остановилась. Князь прошёл ещё два шага и тоже встал.

— Зачем тогда ты забрал меня от сосны?

Он вытащил из снега сухую ветку и отбросил с тропы. Пальцы ещё плохо сгибались и едва заметно дрожжали.

— Если бы я не пришёл, ты бы не дожила до утра.

— И этого достаточно?

Князь посмотрел на неё, будто ответить на этот вопрос было мучительно сложно.

— Тогда было достаточно.

Снежелика вспомнила сложенные в ларь вещи.

— Ко многим ты не успел?

Он отвёл взгляд к ручью.

— Какая разница, сколько их было? Я должен был найти всех.

Больше она не спрашивала. Некоторые ответы всё равно остаются между людьми и мешают идти, пока каждый не привыкнет к их весу.

До терема добрались уже в сумерках. Князь первым толкнул калитку, но за порогом остановился, будто забыл, зачем пришёл. Снежелика обошла его, отнесла топор к поленнице и только потом заметила: красная нитка исчезла с его запястья. Вместо неё вокруг кожи тянулся тёмный след, похожий на ожог.

В горнице было холоднее обычного. Огонь грел плохо, норовя потухнуть. Снежелика подложила два полена, закрыла заслонку и обернулась на шум. Князь пытался снять ремень. Пальцы скользили по пряжке, узел затянулся ещё сильнее.

Она молча отодвинула его руки и поддела кожу ножом.

— Испортишь.

— Купишь новый.

— Где?

— Тогда будешь ходить без ремня.

Он сел на лавку. В разрыве рубахи темнел след от посоха, вокруг старого ожога расходились морозные трещины. Снежелика отложила порезанный ремень на стол. Князь поднялся за водой, но она толкнула его обратно.

— Сиди. Я принесу.

— Командовать понравилось?

— Ты сегодня уже накомандовался.

Она подала ему чашу и растёрла шерстью пальцы. Руки у неё дрожали; Князь это видел, но ничего не сказал, только сжал на секунду ладонь в немой благодарности.

Поначалу Снежелика решила, что дрожь пройдёт, стоит согреться. Она сменила мокрые чулки, поела хлеба с солью и устроилась у печи. Князь сидел напротив, прислонившись затылком к стене. Глаза его закрылись всего на несколько мгновений, и их хватило, чтобы провалиться в муторный беспокойный сон, а губы зашептали:

— Белослава.

Снежелика подняла голову. Имя было незнакомым. Спросить она не успела: Князь открыл глаза. Подскочил, потребовал показать руку.

К ночи стало хуже. Холод, прятавшийся в ладони, добрался до плеча и лёг под рёбра. Снежелика придвинулась к печи так близко, что жар обжёг щёку, а внутри ничего не изменилось.

— Это посох сделал? — спросила она.

— Он успел взять часть обещанного.

— Ты ведь принял срок на себя.

— Срок, но не клятву. Её может забрать лишь тот, кто дал, и он же будет расплачиваться с лесом.

Она спрятала руки под мышками.

— И что теперь?

Князь подошёл и приложил ладонь к её лбу. От его прикосновения холод внутри ожил и двинулся к горлу. Он сразу убрал руку.

— Ложись.

— От этого пройдёт?

— Нет.

Снежелика уставилась прямо на него, гадая, что же творится внутри её называнного жениха. Князь принёс свой плащ, завернул её поверх полушубка и уложил на лавку. Потом достал из сундука мех, которым обычно закрывали дверь в метель. Делал всё быстро.

— Твой огонь меня не согреет?

— В печи человеческий огонь.

— Я не про печь.

Князь задержал на ней взгляд, затем отвернулся.

— Моего давно нет.

Ответ прозвучал буднично, но Снежелику охватила дрожь: какого было потерять часть себя? Лесные духи звали Князя огневиком… Выходит, когда-то он обладал тем же даром тепла, что и Божич. Что было бы с последним, если бы в один миг он перестал чувствовать свой внутренний жар?

Ночью терем начал потрескивать. Иней выступил на внутренней стороне брёвен, вода в ведре затянулась коркой. Снежелика лежала у печи, перестав чувствовать ноги. Князь сидел рядом и держал её за запястье, считая удары сердца.

Временами он выходил на крыльцо и смотрел в лес. Возвращался всё мрачнее.

— Кого ты ждёшь? — спросила она. Губы слушались плохо.

— Чужой огонь.

— Тот, о котором говорил лес?

Князь кивнул.

— Значит, он уже близко.

Снежелика попробовала приподняться, но сил не хватило.

— Сперва меня отдали лесу. Теперь ждём, кто ещё явится за мной.

Князь сильнее сжал её руку.

— Тебя нельзя получить по чужому слову.

— А по твоему?

Он помолчал.

— И по моему нельзя.

За стеной треснула ветка. Снежелике послышался голос Млады. Девочка звала её с крыльца и жаловалась, что босиком стоит в снегу. Снежелика дёрнулась подняться.

Князь удержал её.

— Там никого нет.

— Это Млада.

— Она в посаде.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что к моему терему простой человек не придёт без моего ведома.

Снежелика снова легла. Голос ещё долго скулил под окном, но Князь не отпускал её руки.

К утру мороз добрался до груди. Каждый вдох царапал изнутри. Князь велел смотреть на него, однако его лицо то приближалось, то скрывалось в темноте.

Снаружи ударили по воротам.

Кто-то ударил кулаком, выждал и ударил снова. По двору прошёл жар. С крыши посыпался снег, по окну ручья потекраставяший иней.

Князь выпрямился.

— Не вставай.

Снежелика хотела возразить, но он уже вышел. Дверь распахнулась, и в горницу ворвался жёлтый свет. Небесное светило спустилось в горницу, внутри стало так жарко, что на миг захотелось выбраться из своего слабого бесполезного тела, лишь бы вернуть хоть кроху холода.

Снежелика увидела размытое золотое пятно и узнала голос раньше лица. На крыльце стоял Божич. На миг девушке почудилось, что она бредит. Без шапки, с обгоревшим краем кафтана и белым рушником, намотанным на руку. Лицо осунулось, щёки были исцарапаны ветками. В ладони горел небольшой огонь, но от него в тереме впервые за ночь стало тепло.

Божич оглядел горницу и шагнул к лавке. Князь встал у него на пути.

— Отойди от неё.

Огонь в руке Божича дёрнулся и перебрался на рукав. Князь посмотрел на пламя, затем на его лицо.

— Погаси.

— Чтобы здесь снова всё заледенело?

От Божича по горнице прокатился жар. Закапало с потолочной балки, возле печи зашипел камень. Князь поднял руку, и огонь на рукаве погас, не добравшись до плеча.

— Ей сейчас и этого много.

— Она лежит в твоём доме и едва дышит.

— Потому что твои родичи отдали её лесу.

Божич шагнул ближе. Между ними осталось не больше локтя. Снежелика увидела, как под сапогами Князя белеют половицы, а в ладони Божича снова собирается пламя.

— Хватит, — кое-как выдохнула она.

Оба обернулись. Ппришлось повторить:

— Я сказала, хватит.

Князь отступил первым.

— Грей. Только не лги ей.

Божич опустился возле лавки.

— Снежка.

Она отвернула лицо к стене. Сколько раз за последние дни Снежелика думала: женись он на Зорице, ничего бы не случилось. Не было бы сорванного сватовства, пересудов, обвинений. Возможно, Офимья нашла бы другую причину её ненавидеть, но до Белой свадьбы дело бы не дошло.

Божич накрыл её ладонь своей. Жар его кожи обжигал до боли.

— Я искал тебя. Отец запер меня в амбаре. Я выбрался ночью, пошёл к сосне, а там уже никого…

— Поздно.

Он опустил голову.

— Знаю.

Огонь дрогнул, но тепло осталось в пальцах и не пошло дальше. Божич растерянно посмотрел на их соединённые руки.

— Почему ничего не происходит?

— Ты пока говоришь о том, что сделал ты, — отозвался Князь. — Скажи, зачем пришёл.

Божич вскинул голову.

— За ней.

Ледяные ветви поползли по стенам, печь покрылась сырыми разводами от мгновенно тающей воды.

— Она сама решит, куда ей идти.

— А ты много ей оставил выбора?

Князь шагнул к лавке, и Снежелика попыталась приподняться на локте, хрипло окликнула:

— Божич.

Он сразу повернулся к ней.

— Я испугался, — проговорил он после паузы. — Думал, всё ещё можно уладить. Отложить сватовство, поговорить с отцом, не доводить до ссоры. Всё тянул, а потом тебя увезли.

Снежелика слышала его всё хуже. Жар так и не поднялся выше запястья.

— Божич, — негромко поторопил Князь.

Тот стиснул зубы и склонился ближе.

— Я люблю тебя, Снежка. Давно. Потому и тянул со сватовством. Думал, ещё успею разобраться и никому не сделаю больно. Не успел. Ты мне ничего не должна, слышишь? Ни ответа, ни прощения. Только вернись.

Огонь прошёл сквозь ладонь к плечу и ударил под рёбра. Лёд внутри треснул. Снежелика вдохнула и закашлялась, согнувшись пополам.

Божич подхватил её, а Князь откинул мех, освобождая ей грудь. Несколько мгновений их руки лежали рядом на её плечах. Потом Князь отступил.

— Увези её, — сказал он. — Здесь снова начнёт мёрзнуть.

— Домой, — отозвался Божич и посмотрел на Снежелику. — Я заберу тебя домой.

Снежелика открыла глаза. За спиной Божича горел тёплый золотой огонь. Возле двери стоял Князь, бледный после прогалины, с тёмным следом на запястье.

— Нет.

Божич замер.

— Что? — он медленно убрал руку, оставив ладонь рядом с её пальцами. — Но почему?! Что, он совсем заморозил тебе голову?!

Снежелика перевела дыхание. Оба смотрели на неё и ждали ответа.

— Млада жива? — спросила она, выискивая то важное, за что держалась, пока замерзала.

— Жива. Тебя зовёт каждый день.

Перед Снежеликой встал родной дом: Млада под одеялом, Мирослав у мельницы, Велена в муке по локти. Там же были отец, Офимья и Зорица. Мысль о возвращении сдавила грудь. Остаться в тереме навсегда и сделать вид, что прежней жизни не было, она тоже не могла.

— Я вернусь в посад.

Князь кивнул. Ни удерживать её, ни отговаривать не стал. Подошёл к сундуку, открыл крышку и достал небольшую подвеску на потемневшем шнурке.

Птица была вырезана из светлого дерева. Крылья прижаты к бокам, длинный хвост покрыт мелкими насечками. Подвеску долго носили: края сгладились, а возле одного крыла появилась трещина.

Князь протянул её Снежелике.

— Возьми.

Она не спешила протягивать руку.

— Чья она?

— Теперь твоя.

— Я спросила, чья была.

— Моя, а теперь останется с тобой.

Снежелика приняла подвеску. Дерево холодило ладонь, но этот холод не причинял боли. Князь надел шнурок ей на шею и спрятал птицу под плащ.

Божич следил за его руками.

— Для чего она?

— Поможет позвать меня, если лес снова придёт за ней.

— Не понадобится, я ведь буду рядом.

Князь смерил его скептическим взглядом:

— Один раз ты ей уже не помог, второй почти опоздал.

Божич отвёл глаза.

— Княже, — позвала Снежелика. — Что ты имел в виду на прогалине? Про Белых Невест.

Он поправил шнурок, чтобы тот не тёр ей шею.

— Для леса клятва ещё действует. В посаде безопаснее не станет.

— Почему?

— Духи помнят обещанное. Люди — то, что однажды решились сделать. И те и другие очень злятся, не получив своего.

Снежелика сжала деревянную птицу под одеждой.

Божич завернул её в княжеский плащ и поднял на руки. Ноги по-прежнему не держали. У двери Снежелика коснулась рукава Князя.

— Я ещё приду.

Князь провёл пальцами по краю плаща у её плеча.

— Сначала повидай сестру.

Божич переступил порог. На крыльце он остановился и обернулся.

— Если лес снова её тронет…

— Тогда не стой в стороне, — ответил Князь.

Снежелика устало толкнула Божича в плечо.

— Иди.

Он спустился с крыльца. Дверь за ними закрылась, и через мгновение внутри звякнула щеколда.

За воротами уже светало. Божич понёс её по растаявшей полосе между деревьями. С каждым шагом терем становился меньше, пока не скрылся за елями.

К полудню они увидели дым над посадом. На дороге у первых домов стояли люди. Кто-то выронил ведро, кто-то перекрестился. Потом женщина у колодца закричала:

— Белая невеста вернулась!

Глава 14.

До дома Ивара они добирались дольше, чем от леса до первых дворов. Божич нёс Снежелику посередине улицы, потому что у плетней уже собрались люди. Никто не подходил, но и дороги не уступали, пока он не просил отойти. Тогда расступались сразу, пряча детей за спины и прикрывая лица рукавами.

Больше всего глаз притягивал княжеский плащ. Тёмный мех был весь в снежной крупе, а из-под ворота выглядывал шнурок с деревянной птицей. Люди замечали и то, и другое. Кто-то шепнул про свадебный дар. От колодца ответили, что мертвецам подарков не дарят, а значит, Князь всё-таки вначале взял девушку в жёны.

Снежелика смогла бы идти сама, если бы Божич поставил её на землю и дал время разогнуть ноги. Просить об этом не стала. После ночи в тереме колени ещё дрожали, к тому же, стоило ей повернуть голову, шёпот вокруг затихал. Говорили о ней охотно, но смотреть в лицо не хотели.

У соседнего двора женщина вытряхивала золу из печного совка. Увидев Снежелику, она уронила совок в снег и отшатнулась к воротам.

— Матушка-печь, дедушка домовой, отведите! Не дайте мертвецу лик мой запомнить!

Она закрыла лицо ладонями и принялась кланяться крыльцу. Пепел прилип к мокрому подолу, но соседка этого не замечала.

— Тётка, она живая, — сказал Божич.

— Не называй её! Назовёшь — за тобой придёт. Уберите от моего дома, духи милостивые, уберите!

Божич шагнул к ней, и в воздухе запахло горячим железом. Снежелика потянула его за ворот кафтана.

— Не надо.

— Она тебя мертвецом назвала!

— Я слышала.

Женщина продолжала шептать молитву, уже не разбирая слов. Божич выругался и понёс Снежелику дальше. За ними потянулись любопытные: сначала держались в пяти шагах, но отступали подальше, если девушка оборачивалась.

Ворота дома Ивара оказались распахнуты. Дворовые собаки залились лаем, увидев свою хозяйку. На шум Мирослав выскочил на улицу без шапки и кафтана, в одном жилете поверх рубахи. Увидел сестру, споткнулся о порог и едва не налетел на Божича.

— Живая? Снежка, ты живая?!

Он схватил её за плечи, но сразу отпустил, заметив, как она поморщилась. Велена выбежала следом вся в муке, вытерла ладони о передник и только после этого обняла Снежелику. От неё пахло тестом, дымом и тем самым мылом, которое она варила осенью из золы и старого сала.

— Поставь её, — велела она Божичу. — Осторожно! Да сюда, на лавку. Мирослав, ворота закрой. На что уставились?!

Последнее относилось к людям на улице. Мирослав захлопнул створки, но толпа не разошлась. Между досками мелькали глаза, кто-то уже забрался на поленницу соседнего двора, чтобы заглядывать в окна поверх забора.

В горнице было жарко и тесно. На столе подсыхали нарезанные полосы теста, возле печи стоял ушат с замоченным бельём. Снежелика помнила каждый сучок на стенах, однако всё оказалось немного сдвинуто. Её прялки у окна не было. На привычном месте лежали Зорицины ленты, а у печи стояла новая корзина с Младиными тряпичными куклами.

Сестрёнка показалась из-за занавески. За дни болезни у неё впали щёки, под глазами проступили синеватые тени. Девочка смотрела настороженно, пока Снежелика не протянула руку.

— Ну что стоишь?

Млада бросилась к ней и обхватила за шею. Снежелика уткнулась носом в её волосы, ощутила запах сушёной мяты и прогорклого масла. Только теперь она поверила, что вернулась не зря.

— Ты холодная, — прошептала Млада.

— Так на улице же холодно, дурочка.

На галдеж вышел Ивар. Он успел надеть чистую рубаху, но пояс затянул криво, один конец свисал почти до колена. Отец постарел за эти дни. Или Снежелика раньше не замечала, как глубоко у него залегли морщины.

— Дочь…

Она ждала продолжения. Ивар переступил с ноги на ногу, посмотрел на княжеский плащ и отвёл глаза.

— Сними это, — мачеха стояла с ухватом в руке. Лицо у неё было серым, уставшим. При виде Снежелики она потянула Младу к себе, но девочка тут же вывернулась и снова прижалась к сестре.

— Ей холодно, — возразила Велена.

— В доме шубы есть. Зачем тащить сюда его тряпьё?

— Потому что другого на ней не было. — Божич снял рукавицы и положил на стол. — Дайте ей воды.

Офимья посмотрела на него так, что раньше Зорица за один такой взгляд убежала бы плакать в сени. Теперь Зорица сидела у окна и не шевелилась. Красная лента была вплетена в косу кое-как, один конец выбился и прилип к щеке.

— Ты всё-таки нашёл её, — глухо сказала она.

Божич повернулся к ней.

— Нашёл.

— Доволен?

— Зорица, перестань, — пробормотал Ивар.

— А что перестать? Пусть скажет! Он сорвал наше сватовство из-за неё, потом полез в лес. Теперь принёс сюда на руках. Чего молчать, когда и так всё видно?

Снежелика почувствовала, как Млада сильнее прижалась к её боку. Хотелось ответить, что у сосны она сидела одна и никого к себе не звала. Но Божич уже шагнул к окну.

— Я виноват перед тобой. Снежелику сюда не приплетай.

— Конечно. Она у нас ни при чём. Никогда ни при чём.

Зорица сорвала с головы ленту и бросила на лавку. Конец попал в миску с водой. Офимья подхватила дочь за локоть и увела за занавеску, по дороге задев Снежелику плечом.

— Велена, дай ей сухую рубаху, — попросил Мирослав. — Потом поговорим.

Снаружи застучали в ворота, древком или тяжёлой палкой. Мирослав выглянул, Божич направился за ним. Снежелика попросила Велену помочь подняться и тоже дошла до сеней. Оставаться в доме было невмоготу.

У ворот оказался Родивой с двумя старейшинами. Снег на плечах мужчин не успел растаять, а Хранитель Огня пришёл без шапки, с непокрытой сединой. Увидев сына, он толкнул створку и вошёл во двор, не дожидаясь приглашения.

— Домой.

Божич остался у крыльца.

— Не пойду.

— Я не спрашивал, чего ты хочешь.

Отец подошёл и взял его за плечо. Божич высвободился, ткань под отцовской ладонью вспыхнула и сразу погасла. Хранитель посмотрел на обугленный след на рукаве сына.

— Значит, на родного отца силу поднимаешь?

— Ты меня в амбаре запер.

— Чтобы ты не сорвал обряд!

— Они Снежелику в лес отвезли.

— Весь посад решил, как поступить. Ты один полез против всех и едва не погубил остальных.

Божич шагнул вперёд. Огонь пробежал по его пальцам, но он сжал руку, и пламя исчезло.

— Она чуть не умерла.

— А если бы проклятье не отступило, умерли бы дети, старики, скотина. Ты отвечал бы за них?

— Белая свадьба ничего не исправила!

— Она вернулась, — подал голос Родивой. — Значит, обряд прошёл успешно!

Снежелика вышла из сеней, придерживаясь рукой за стену.

— Я вернулась потому, что меня спасли.

Родивой посмотрел на княжеский плащ, затем на её лицо. Отвечать ей он не стал.

— До совета из дома не выходите. Вечером решим, что делать дальше.

— Вы уже один раз решили, — возмутился Божич. Лицо у него раскраснелось, а из ноздре повалил пар как у

— Иначе Звенец не пережил бы зиму.

— А теперь что? Снова повезёте её к сосне?

Один из старейшин пробормотал, что никто такого не говорил. Родивой поднял ладонь, заставляя его замолчать.

— Сватовство с Зорицей не повторится, — продолжил Божич. — К священному огню я тоже не вернусь, пока вы не признаете, что сделали.

Отец развернулся к нему всем корпусом.

— К огню тебя никто и не зовёт. Знак с тебя снят.

— Тогда зачем пришёл?

— Затем, что ты мой сын и не станешь позорить семью, таская по посаду девку из леса.

Божич ударил его по руке раньше, чем тот успел схватить снова.

— Не смей так её называть.

Отец отвесил ему пощёчину. Голова Божича дёрнулась в сторону, на разбитой ещё утром губе выступила кровь. Он выпрямился, сжал кулаки. По краю кафтана прошёл огонь и погас у самого пояса.

Хранитель Огня заметил пламя и отступил на шаг.

— Совсем себя не держишь.

— Зато теперь знаю, кого должен был остановить.

Отец снова поднял руку, однако Родивой перехватил его за локоть.

— Хватит. Весь посад смотрит.

За воротами и правда толпились люди. Родивой повернулся к Мирославу:

— До заката из дома её не выпускать. Двери держать закрытыми. Если начнётся морок или огонь в печи погаснет, сразу пошлёшь за нами.

— У неё имя есть, — напомнил Божич.

— На совете можешь повторить.

— Я и повторю.

Его отец вытер ладонь о полу тулупа и направился к воротам.

— До вечера образумься. Потом пойдёшь домой, хочешь ты того или нет.

— Попробуй снова запереть.

Хранитель остановился, но не обернулся.

— В следующий раз из амбара не выйдешь.

Он вышел на улицу. Родивой задержался у ворот и ещё раз оглядел Снежелику, задержав взгляд на деревянной птице у её шеи.

— Спрячь эту вещь, — сказал он Ивару. — Люди и без того напуганы, — затем закрыл за собой створку.

Велена отвела Снежелику в прежний угол за печью. Там теперь стоял мешок с овсом. Мирослав вынес мешок в сени, нашёл в сундуке старую рубаху сестры и долго извинялся, что её вещи убрали.

— Думали… Ну, сама понимаешь.

— Что я не вернусь, как и остальные.

— Мы же не знали…

Рубаха оказалась коротка. Велена отпорола полосу ткани от старой мужской сорочки и надставила подол, пока Снежелика сидела рядом с Младой и слушала шум за окном. Люди то расходились, то возвращались с новыми соседями. На крыльцо бросили горсть рябины, потом железный гвоздь и пучок полыни. Мирослав вымел всё за ворота, но запирать калитку не стал: боялся, что решат, будто семья прячет нечисть.

Божич сидел у стола с мокрой тряпицей на губе. Когда Велена ушла ставить тесто, он придвинулся к Снежелике.

— Я поговорю с советом.

— Они тебя послушают?

— Придётся.

— Отца ты уже убедил.

Он поморщился и приложил тряпицу другой стороной.

— Я не отдам тебя им ещё раз.

Снежелике хотелось поверить. Его голос она знала с детства, и сейчас она почти поверила. Коснулась пальцами его руки. Божич сразу накрыл их ладонью, осторожно, боясь обжечь.

Под рубахой качнулась деревянная птица. Снежелика вспомнила, как Князь поправлял шнурок у её шеи. Перед глазами встала дверь терема, закрывшаяся за ними. Князь предупредил об опасности и отпустил её туда, куда она сама захотела.

— Ты весь дрожишь, — заметила она.

— Не спал.

— Иди домой.

— Нет.

— Божич, мне нужно побыть с Младой.

Он понял не сразу. Потом убрал руку и поднялся.

— До совета вернусь.

Зорица проводила его взглядом из-за занавески. Как только дверь закрылась, она вышла в горницу.

— Нравится?

Снежелика помогала Младе распутать шнур на кукольном переднике и не сразу поняла вопрос.

— Что?

— Сначала жениха у меня отняла, теперь выгнала, когда надоел.

— Я никого у тебя не отнимала.

— Он тебя любит.

Млада перестала возиться с куклой. Снежелика разобрала тугой узел и вернула игрушку сестре.

— Иди к Велене.

— Я здесь посижу.

— Млада, прошу тебя.

Девочка нехотя отошла к столу. Зорица дождалась, пока она окажется подальше, и приблизилась.

— В лесу лучше было? С Князем?

Снежелика нащупала подвеску под рубахой.

— Тебе какое дело?

— Божич из-за тебя с отцом сцепился. Над моим горем весь посад смеётся. А ты вернулась и сидишь, как хозяйка!

— Это мой дом.

Зорица рассмеялась. Негромко, чтобы мачеха за стеной не услышала.

— Был. А сейчас твоё место в лесном овраге!

Офимья услышала всё равно. Она вошла с печной кочергой; на загнутом конце тлел уголёк.

— Отойди от неё, Зоря.

Дочь послушалась. Офимья положила кочергу поперёк прохода, не позволяя Снежелике выйти из-за печи.

— До совета будешь здесь. К Младе не подходить. Еду Велена принесёт.

— Я не больная.

— От больной хоть знаешь, чего ждать. А ты проклятье наше!

Снежелика шагнула к проходу. Офимья подняла кочергу, горячий конец оказался у её груди. Жар прошёл сквозь тонкую рубаху.

— Попробуй только!

Мирослав перехватил кочергу за холодную часть и вырвал из её рук. Уголёк упал на пол, Велена затоптала его каблуком. Млада заплакала. Зорица прижалась к стене, но смотрела на Снежелику с тем же выражением, что и люди за воротами.

— Ты с ума сошла? — Мирослав бросил кочергу к печи.

— Я детей защищаю!

— От моей сестры?

— От того, что из леса пришло в её лице.

Ивар всё это время сидел на лавке. Когда Снежелика посмотрела на него, отец потёр ладонями колени и тихо произнёс:

— До совета всем надо успокоиться.

Ни Офимья, ни Мирослав не ответили. Велена увела Младу умываться, а Снежелика вернулась в свой угол. Спорить с отцом смысла не было.

К вечеру у дома собрался, кажется, весь посад. Мирослав закрыл ставни, но в щели всё равно проникал свет факелов. Кто-то требовал вывести Белую Невесту к совету, другие кричали, что её нельзя пускать к общему огню. Велена месила тесто. Оно липло к пальцам и переднику, но она продолжала мять его, не глядя в миску.

— Они не уйдут, — вздохнула Снежелика.

— Уйдут. Замёрзнут и разойдутся.

— А завтра?

Велена соскребла тесто с пальцев тупой стороной ножа.

— Завтра будет новый день.

Мирослав остался в сенях с топором на коленях. Он готов был драться с тем, кто полезет в дом, но выйти к людям и сказать, что сестра останется, не решался.

— Мы тебя не отдадим, — неловко пообещал он перед тем, как скрыться в сенях.

За воротами шумели, кто-то стучал по брёвнам.

— А жить мне где?

Из дальней части дома донёсся скрежет. Офимья тащила сундук к проходу, соединяющему две избы вместе. В доме Мирослава теперь спала Млада. Мачеха поставила сундук поперёк и сверху положила мешок с крупой. Теперь до девочки нельзя было добраться, не разбудив половину дома или не выйдя на улицу.

Велена перестала месить.

— Снежка, потерпи немного. У нас Млада, хозяйство… Если весь посад против, мы одни ничего не сделаем. Но убить тебя не дадим. Это я обещаю.

Она говорила искренне. Они с Мирославом любили её. Только для этой любви требовалось, чтобы Снежелика сидела за печью, не подходила к окну и ждала решения людей, которые уже однажды отправили её умирать в зимнем лесу.

В доме Морозного Князя двери не запирались. Она могла открыть створку и выйти, пусть лес и возвращал её к крыльцу. Здесь щеколда была крепкой, кочерга лежала у Офимьи под рукой, а родной отец едва ли встанет на её защиту.

Снежелика сунула ладонь под ворот и сжала деревянную птицу. Резное крыло упёрлось в основание пальца. Позвать Князя она могла, но он предупреждал: сначала повидай сестру.

Младу она повидала. Должна ли была она терпеть, пока Млада не вырастет и не выйдет замуж? Да и возьмёт ли её кто из посада, когда сестра родная — Белая Невеста. Придётся везти её за лес, в город или в соседнее княжество.

С улицы крикнули, чтобы Ивар выходил к совету. Отец поднялся, поправил кривой пояс и вышел, так и не посмотрев на дочь. Мирослав поставил топор у двери и пошёл следом.

Снежелика осталась за печью вместе с Веленой. Когда лучины погасли, Млада пробралась через сундук и устроилась у них на коленях В доме было жарко, пахло тестом, мокрой шерстью и гарью от упавшего угля. Раньше эти запахи означали, что она дома. Теперь хотелось открыть дверь и сбежать туда, где даже лесная нечисть не пугала так, как простые люди.

Глава 15.

На следующий день Снежелика ушла на мельницу ещё до рассвета. В доме спали плохо: за стеной кашляла Млада, Офимья дважды вставала проверить сундук, которым загородила проход, а во дворе до полуночи топтались люди из дозора. Совет велел держать Белую Невесту под присмотром, хотя никто не объяснил, кто именно должен за ней смотреть и что делать, если она вдруг примется вредить посаду. К утру Мирослав уснул на лавке у двери, положив голову на скрещённые руки. Снежелика перешагнула через его ноги, сняла с гвоздя ключ и вышла через задние сени.

Мельничное колесо стояло. Вода под желобом схватилась льдом, на лопастях наросли белые шапки. Внутри пахло мукой и старым деревом. Под половицами копошились мыши. После тёплого дома здесь сразу заломило пальцы, но возвращаться Снежелика не собиралась. Если лес помнил всё, что было с ним веками, люди предпочитали записывать. Мельник мог забыть, сколько сосед задолжал ржи, однако его дед записывал всё до последней горсти и прятал счётную книгу от сырости в ларе под лестницей.

Ларь оказался завален пустыми мешками. Снежелика стащила их на пол, подняла тяжёлую крышку и громогласно чихнула от пыли. Сверху лежали мерные верёвки, старые гири и сломанный безмен. Бумаги нашлись под ними: связанные тесёмками книги, отдельные листы, свёрнутые купчие и долговые расписки. На обложках проступали жирные отпечатки пальцев, некоторые страницы объели мыши.

Записями пользовались и старосты, и посадские старейшины. Через мельницу текли деньги и продукты, с мельничного дохода платилось больше всего оброка.

Она притащила к окну низкую скамью и начала с книг, которые ещё могла прочесть. В мельничных записях не заботились о красивых буквах. Писали, кто привёз зерно, сколько смололи и какую долю оставил хозяину. Имена повторялись из года в год, рядом появлялись пометки: «отдал», «не отдал», «до весны», «взыскать козой». Последнее заставило Снежелику вспомнить тощую козу старухи Прони, которая всю жизнь бодала прохожих у торгового ряда. Видимо, мельникам она тоже не досталась.

Первое знакомое имя попалось ближе к середине третьей книги.

«Рада, дочь Вышаты». Ниже значилось: четыре меры ржи в долг, две меры овса, помол не уплачен. Запись тянулась три зимы. На четвёртой странице долг перечеркнули, а рядом другой рукой приписали: «После Белой свадьбы взыскание прекратить. Двор и огород отдать брату покойного Вышаты до совершеннолетия младшего сына».

Снежелика перечитала дважды. Рада была жива. Князь сам сказал, что видел её. Выходит, для посада она считалась покойницей ещё до того, как кто-то нашёл тело. И никто не знал, что девушка ушла жить в другой посад.

Дверь за спиной заскрипела. Снежелика захлопнула книгу и схватилась за ручной жёрнов. В проёме появился Божич с корзиной и закрытым фонарём.

— Ты чего здесь сидишь в темноте?

— Пока ты не зашёл, лучина горела. А ты чего крадёшься?

— Я три раза позвал, — он поставил корзину на стол и посмотрел на жёрнов у неё в руке. — Этим меня собиралась бить?

— А у меня большой выбор?

Божич прикрыл дверь, задвинул деревянный засов и стряхнул снег с волос. Под левым глазом у него наливался синяк после вчерашней встречи с отцом. Разбитая губа покрылась корочкой, но при разговоре снова треснула.

— Мирослав сказал, ты ушла сюда. Велена дала хлеб и сыр. Ещё велела передать, что Офимья скоро заметит пропажу ключа.

— Пусть приходит.

— Лучше не надо. У неё с утра ухват из рук не выходит.

Он подошёл к окну и заметил раскрытый ларь.

— Что ищешь?

Снежелика развернула книгу к нему.

— Других невест.

Божич прочитал запись, медленно провёл пальцем по перечёркнутому долгу.

— Это рука старого мельника. А приписка позже.

— Вижу.

— Нет, смотри. Здесь буквы вытянуты, а «д» с петлёй. Так писали в книгах у огня лет семьдесят назад.

— И что?

— Кто-то из хранителей огня подтвердил решение. Без его знака двор не передали бы.

Снежелика нашла в конце строки маленький круг с тремя расходящимися чертами. Раньше приняла его за кляксу.

— Ты умеешь это читать?

— Меня с детства учили разбирать старые записи. Отец говорил, Хранитель обязан уметь, — парень пожал плечами.

— Очень предусмотрительно. Жаль, о прежних девушках он не помнил.

Божич не стал защищать отца. Подвинул скамью ближе к свету, снял кафтан и набросил ей на плечи. Снежелика хотела вернуть, но ткань ещё хранила тепло.

— Давай с начала, — предложил парень, закатывая рукава рубахи до локтей. — Имена выписывай отдельно. Так быстрее сверим.

Чернил на мельнице не оказалось. Божич снял колпачок фонаря, соскрёб с него копоть и растёр её в черепке с водой. Писать такой жижей было неудобно: она собиралась каплями и расползалась по волокнам. Снежелика всё же вывела на обороте старой расписки имя Рады и год, а Божич взял следующую книгу.

Поначалу они находили обычные долги. Кто-то рассчитывался мешком проса, кто-то работой на плотине, кто-то так и умирал, оставив детям пустой двор и две меры недоимки. Белые свадьбы не попадались. Снежелика уже решила, что Рада была единственной, когда Божич толкнул к ней книгу.

— Ладомила, дочь Годана. Слышала это имя?

Снежелика вспомнила ленты на деревьях и голоса под снегом. Имя отзывалось знакомо, но ничего больше в голову не шло.

В книге значилось, что после смерти Годана его дочь получила половину пасеки и луг у реки. Через год дядя оспорил наследство. Старейшины отложили решение до весны, а зимой Ладомилу назвали Белой Невестой. Следующая запись сообщала, что луг и пасека переданы дяде, поскольку «девица ушла за мороз и в людской доле более не нуждается».

— Удобно, — ноготь Снежелика вдавила под росчерком подписи.

Божич отодвинул книгу и вытер испачканные углём пальцы о край собственной рубахи.

— Может, совпало.

— Может.

Они оба понимали, что вряд ли действительно случившееся было совпадением, но двух имён было мало. Снежелика развязала следующую стопку. В ней лежали семейные договоры: приданое, разделы дворов, поручительства по долгам. Бумагу берегли, поэтому писали тесно, заполняли поля, а старые строки соскребали ножом и использовали лист снова. Приходилось разбирать каждое слово и всматриваться в росчерки от пера, в которых уже не осталось чернил.

Божич читал быстрее. Он шевелил губами, иногда возвращался к началу строки и тихо ругался на писца. Снежелика сверяла имена с мельничными книгами. К полудню на полу выросли три неровные стопки: долги, споры о земле и записи, где упоминались Белые свадьбы.

Третью девушку звали Яромила. Её мать задолжала старейшине шесть мер пшеницы после голодного года. Когда долг вырос вдвое, Яромилу увезли в лес на свадьбу с Морозным Князем. Через неделю мать получила зерно на посев, а старый долг исчез. Казалось, что семья была спасена. Но на другом листе нашлось условие: за помощь вдова уступала старейшине две полосы поля и право на лесную делянку. Через три года она жила в доме приживалкой у собственной сестры.

— Могла согласиться сама, — сказал Божич.

— Могла. Только подпись здесь не её.

Внизу стояли знаки двух мужчин. Один принадлежал старейшине, второй — Хранителю Огня.

Божич долго смотрел на него.

— Это знак моего деда.

Снежелика ожидала оправданий. Он мог сказать, что дед не знал, не понимал, исполнял обычай. Вместо этого Божич взял щепку и вписал имя Яромилы в их список.

— Пиши дальше, — поторопил он.

Они нашли девушку из семьи кожевника, которому грозила долговая яма. После Белой свадьбы его долг выкупил брат одного из старейшин, а через год забрал мастерскую. Нашли сироту, споривщую с двоюродными братьями из-за дома. Нашли дочь вдовы, чьё приданое хранилось у опекуна и после обряда осталось у него же. В одном случае голод был настоящим: в ту зиму умер каждый пятый ребёнок, а люди ели муку с корой. В другом посадские запасы оставались полны, зато семья Белой Невесты проиграла спор за мельничную плотину.

Некоторые страницы не сходились по годам. Одну девушку Снежелика сперва причислила к невестам из-за пометки «ушла белой», но Божич нашёл рядом запись о замужестве в северном селе. Ещё одна умерла от горячки до зимы, и её долг простили после похорон. Они перечеркнули оба имени.

— Сколько? — спросил Божич, когда свет из окна начал желтеть.

Снежелика пересчитала строки.

— Девятнадцать. И это только те, чьи семьи мололи здесь зерно.

— В старых книгах не хватает лет сорока.

— Их могли съесть мыши.

— Или люди.

Снежелика посмотрела на пустое место в ларе. На дне остались следы от ещё одной большой связки: выгоревший прямоугольник и обрывок истлевшей тесёмки.

— Кто мог забрать?

— Любой из посада. Родивой. Мой отец. Предыдущий мельник.

Божич поднялся размять ноги и задел плечом подвешенный мешок. Сверху посыпалась мука, осела на волосах и синяке. Снежелика засмеялась раньше, чем успела удержаться.

— Что?

— Ничего. Очень грозный Хранитель.

— Бывший.

Он попытался стряхнуть муку ладонью и только размазал по щеке. Снежелика сняла с его волос белую пыль, потом вытерла лицо краем рукава. Божич замер. Они стояли слишком близко, и ей пришлось поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Рядом с ним не хотелось стесняться. Этот жар она знала всю жизнь: от него нагревались камни у священной печи, сохли промокшие рукавицы, отступала зимняя боль в пальцах. В детстве Божич грел ей ладони, когда другие дети отказывались брать за руку, а мачеха не давала

ей руковиц. Тогда всё было проще. Она ещё не знала, что один человек способен любить и всё равно промолчать в самый нужный час.

— Больно? — Снежелика коснулась кожи возле синяка.

— Уже нет.

— Врёшь.

— Немного.

Он улыбнулся и тут же поморщился. Снежелика убрала руку, но Божич перехватил её пальцы. Держал осторожно, будто спрашивал, можно ли.

Под рубахой лежала деревянная птица. Княжеский холод от подвески никуда не исчез, однако сейчас не мешал теплу Божича. Снежелика позволила ему поднести её руку к губам. Он поцеловал костяшки, испачканные углём, и отпустил прежде, чем она испугается и сбежит.

— Нам ещё две книги смотреть, — девушка мотнула головой, радуясь, что на её щеках почти не бывает румянца.

До самого вечера они больше не касались друг друга

Последняя книга оказалась самой старой. Обложка расплылась от сырости, страницы слиплись у корешка. Божич держал их между тёплыми ладонями, а Снежелика разделяла тупым ножом. На одной странице сохранилось имя Белославы.

Снежелика застыла, не веря своим глазам.

Запись была короткой. Отец Белославы задолжал за помол и аренду мельничного луга. Кроме долга, шёл спор с посадом: семья отказывалась уступать проход к реке, которым пользовалась много лет. За месяц до Белой свадьбы старейшины постановили забрать луг, если долг не будет уплачен. После обряда пометили: «Двор оставить семье за службу. Луг и проход отдать посаду».

— Вот почему Княже знает её имя, — тихо сказала Снежелика.

— Он каждой невесты имя знать должен, — Божич скривился: каждый раз, когда речь заходила о Морозном Князе, весь он становился напряжённым и настороженным.

Он провёл ногтем вдоль края листа. Внизу обнаружилась приписка, почти стёртая от старости: «Девицу назначили по жребию из трёх домов». Имена двух других семей были соскоблены. Под ними проступали отдельные черты, но разобрать ничего не удалось.

— Жребий можно подменить, — сказал Божич.

— Можно. Едва ли хоть кто-то хотел отдать свою дочь.

Снежелика отложила нож. В голове путались девушки с лентами, земля, долги, амбары, полные зерна. Кто-то действительно отдавал дочь от отчаяния. Кто-то соглашался, потому что иначе зимой умерли бы младшие дети. Но рядом с каждым обрядом находился человек, которому доставался двор, поле, пасека или прощённый долг. Лес принимал клятву, а люди заранее делили то, что оставалось после невесты.

— Они выбирали удобных, — подытожила она, сгребая уже не нужные бумаги в кучу. — Тех, за кого некому было спорить. Или за кого спорить было невыгодно.

Божич не возразил.

— А если семья сопротивлялась, ей обещали снять долг, дать зерно, оставить дом. Невеста исчезала, и все получали своё.

— Не все.

— Она — нет.

В мельнице стало тихо. За стеной вода толкнула лёд под колесом, дерево глухо стукнуло и снова замерло.

— Это нужно показать совету.

— Совет ставил здесь печати.

— Не весь нынешний совет.

— Родивой скажет, что мы всё поняли неправильно. Твой отец — что так спасали посад.

— Тогда покажем людям.

Снежелика пристально посмотрела на него. Он говорил без прежней уверенности, но всё равно пытался дать их сопосадцам шанс. Понимал: их могут не послушать, бумаги отнять, а книги сжечь. И всё равно верил в лучшее.

— Ты пойдёшь против своего дома? — спросила она.

— Я уже пошёл.

— Из-за меня?

Божич завязал тесёмку, не сразу справился с узлом и начал заново.

— Из-за себя. Мне было больно лишиться тебя, а ещё больнее знать, что они врали всем нам.

Снежелика подвинула к нему последний кусок хлеба. Божич разломил пополам и вернул ей большую часть.

К ночи они переписали имена начисто. Девятнадцать строк легли одна под другой: год, долг, спор, кому досталось имущество. Белославу записали первой. Раду — последней, потому что она могла подтвердить, что Белая Невеста не обязательно погибала.

Божич спрятал копию под рубаху. Подлинные книги они завернули в мешковину и положили не в ларь, а в пустой короб под жерновом. Сверху Снежелика насыпала старые щепки и мучную пыль. Если кто-нибудь придёт искать, сперва полезет к бумагам под лестницей.

Когда они вышли, во дворе уже стемнело. От дома Ивара доносились голоса. Офимья, видимо, обнаружила пропажу ключа и теперь выговаривала Мирославу. Хорошо было то, что на мельницу за девушкой никто не пошёл. Видать, сама она боялась, а другим не дала. Божич предложил проводить Снежелику, но она и сама не хотела идти через двор одна.

У крыльца он остановился.

— Завтра приду раньше.

— Если отец снова не запрёт.

— В амбаре теперь нет замка.

Снежелика посмотрела на его руки. На костяшках осталась сажа, под ногтями — бумажная труха. Среди людей только он знал всё, что она нашла, видел те же имена и не просил забыть и смириться.

Она взяла его за рукав.

— Приходи.

Божич накрыл её руку своей, коротко сжал и ушёл к воротам. Снежелика дождалась, пока золотой свет в его ладони скроется за плетнём, и только потом вошла в дом.

Глава 16.

Офимья ждала её в сенях. На стене пустовал гвоздь для мельничного ключа, рядом стояла мачеха, уперев руки в бока.

— Где была?

— На мельнице.

Снежелика прошла мимо и положила узел на лавку. Подлинные книги остались под жерновом, с собой она взяла лишь несколько переписанных листов. И те следовало спрятать за пазуху, а не нести в руках. Сообразила поздно.

— Зачем?

— Проверяла старые счета.

— Какие ещё счета? Мельница стоит, зерно не везут, — Офимья заслонила проход в горницу. — После совета тебе велели из дома не выходить.

— Мне нужно было забрать бумаги отца.

— Покажи.

— Там долги и записи о помоле. Тебе они ни к чему.

Снежелика взяла узел, но мачеха ухватилась за другой конец. Тесёмка лопнула. Листы рассыпались по полу, один перевернулся исписанной стороной вверх. Офимья успела прочесть имя Белославы и крупно выведенные рядом слова: «Белая свадьба».

— Что это?

Снежелика наклонилась, собирая бумаги.

— Старые записи.

— Не ври мне. Зачем ты искала этих девок?

— Я их не искала.

Офимья наступила на один лист, не давая поднять.

— Тогда откуда имена?

— Убери ногу.

— Кто тебя надоумил? Князь твой?

Снежелика потянула лист на себя, но бумага начала рваться.

— Он меня ни на что не подговаривал.

— Значит, сама решила по чужим долгам рыться?

— Я проверяла мельничные книги. И нашла то, что там записали до моего рождения.

— Что нашла?

Снежелика перестала тянуть лист. Объяснять Офимье было бесполезно, а на шум уже пришли остальные.

— Ничего, что касается тебя. Отдай!

Офимья схватила со стола кувшин. Вода в нём стояла у печи и была ещё горячей. Велена успела ударить мачеху по руке снизу; вода плеснула на стол и попала Снежелике на кисть. Кожу сразу защипало.

— Совсем сдурела?! — Мирослав отнял кувшин. — Там кипяток!

— А если эта лесная тварь Младу за собой утянет? Или Любко сглазит? Вы дождётесь!

Ивар замер у печи и смотрел в пол. Снежелика обтёрла руку подолом.

— Отец.

Он поднял глаза.

— Ты видел.

— Видел.

— И?

Ивар помял бороду.

— Офимья перепугалась. Тебе бы тоже помолчать, не заводить её.

Снежелика собрала листы. Отец не спросил, обожглась ли она, и даже не велел мачехе отойти. Так было всегда: Офимья кричала, Ивар ждал, пока все умолкнут, а потом считал, что всё закончилось миром.

— Я перейду к Мирославу.

Брат открыл рот, но Велена ответила раньше:

— Переходи. Место найдём.

— Млада к вам больше не войдёт! — Офимья схватила девочку за плечо. — Раз лесная мертвечина вам дороже семьи, живите с ней.

— Я сама пойду! — Млада вывернулась, но мать заслонила проход.

Снежелика взяла плащ, бумаги и старую рубаху. Всё имущество поместилось в одном узле. Ивар проводил её взглядом до двери, однако с лавки не поднялся.

В избе Мирослава за печью поставили узкую лавку, бросили сверху тюфяк и старое одеяло. Велена переставила люльку Любко ближе к стене, чтобы ночью никто не задел её ногой. Мирослав принёс из сарая сундук, подбил расшатавшуюся ножку лавки, потом трижды переставил табурет от стола к двери и обратно.

— Мешаю? — спросила Снежелика.

— Нет.

— Тогда оставь табурет в покое.

Брат поставил его у стены и вышел во двор.

Наутро Офимья придвинула к двери между избами сундук. Млада стучала с другой стороны и звала Снежелику, пока мать не увела её. К обеду пришла соседка с крынкой молока, но через порог не переступила.

— Муж велел передать: Любко к нашим детям пока не пускайте, — сообщила она Мирославу. — Мало ли что от вашей.., — осеклась, замялась, — … этой… к нему перейдёт.

— А молоко тогда зачем принесла?

— Чтобы без обиды.

Мирослав захлопнул дверь перед её носом. Велена понюхала молоко, вылила свинье и долго тёрла крынку золой.

Божич обещал прийти утром и не появился. Снежелика сходила к дому Хранителя Огня, однако дверь ей не открыли. Из-за ставни донёсся голос Божичевой матери: сына дома нет, где он — не знает. У священной печи мальчишка-подручный сказал, что Божича отправили по делу к северной заставе. Мальчишка врал плохо: смотрел на общинный дом и всё время тёр нос.

Снежелика попыталась подойти туда, но у крыльца сидели двое дозорных. Один встал, едва она свернула с площади.

— Старейшины велели тебя не пускать.

— Я Божича ищу.

— Здесь его нет.

За стеной кто-то кашлянул. Дозорный схватился за копьё обеими руками.

— Иди домой по добру по здорову.

При людях лезть внутрь было бессмысленно. Она вернулась к мельнице и продолжила разбирать записи. Часть записей перешла из старого общинного дома, среди них нашёлся перечень расходов на Белую свадьбу, написанный ещё прапрадедами: мёд, соль, полотно, воск для общего огня. Ниже другой рукой приписали, сколько дворов обязаны дать по полену и по лучине. Снежелика переписала всё, хотя пока не понимала, зачем для обряда понадобилось столько сухого дерева.

На второй день к мельнице перестали везти зерно. Люди разворачивали сани у мостка и ехали к мельнику из соседнего села, хотя дорога туда занимала полдня. Кто-то ночью бросил

в их двор пучок полыни, перевязанный красной нитью. Мирослав выкинул его за плетень, но за ужином ел молча и всё поглядывал на Любко.

— Говорят, пока ты под нашей крышей, мальчик расти не будет, — наконец произнёс он.

Велена перестала кормить сына кашей.

— Кто говорит?

— Все понемногу.

— А ты поверил? — спросила Снежелика.

— Нет. Только Савиниха сегодня щупала ему лоб и спрашивала, не холодный ли. Зерно не везут. Младу к нам не пускают. Я не тебя гоню, Снежка, но так тоже нельзя.

— И куда же мне идти? Обратно в лес? — девушка будто впервые видела брата.

Мирослав провёл ладонью по лицу.

— Я пока не знаю.

Бледные губы сжались в тонкую линию, выплюнули: — Когда узнаешь, скажи.

Любко потянулся к миске, задел край и опрокинул кашу отцу на колени. Велена выругалась, подхватила ребёнка, а Мирослав принялся вытирать штаны. Разговор оборвался. Снежелика не стала больше к нему возвращаться. Брат любил её, но и жили они среди людей, не обособленно.

На третий день Снежелика снова попыталась поговорить с матерью Божича, но у ворот её встретил его отец.

— Уходи.

— Где он?

— Не твоё дело.

— А вы за моими делами не следите, своих хватает.

Хранитель шагнул к калитке. Между пальцами у него показалось пламя, и Снежелика отступила с деревянного мостка на снег.

— Ещё раз придёшь — отец твой пепел в горшке получит.

Объяснять, что отец едва ли проронит слезу, не стала. Как и спорить, ушла, пока посадские ещё не решались её трогать.

За несколько дней она переписала имена, долги, решения старейшин и знаки Хранителей Огня. Чем больше становилась стопка, тем меньше Белая свадьба походила на спасение от голода и болезней. Девушку выбирали, её родню прижимали долгом или обещанием зерна, после обряда имущество делили, а невесту объявляли мёртвой. Снежелика ещё не знала, как разорвать старую клятву, зато пообещала себе другое: нового имени в списке не будет.

Утром четвёртого дня Велена отправила её за водой. У колодца стояли три соседки. При виде Снежелики они подвинули вёдра подальше, но расходиться не стали.

— Слышала, Хранитель сына в общинном доме держит? — громко спросила Савиниха, обращаясь к женщине рядом.

— За дело держит, совсем пацана бесы обуяли!

— Завтра на заре огонь на лучины вытянут, тогда дурь из него выйдет.

Снежелика опустила ведро на снег.

— Что за лучины?

Савиниха оживилась. Молчать она, видно, и не собиралась, только и ждала новые уши. И плевать было, кому плести.

— Старый обряд. Огонь из ослушника вытянут в сухие щепы. Одну у священной печи оставят, остальные по домам разнесут. От них всю зиму печи разжигать будут.

— А Божич?

— Жив будет. Только без огня. Хранитель же лучше знает, сколько можно взять.

Женщина рядом поправила платок.

— Говорят, мороз опять давит. После Белой свадьбы огонь в печи трижды гас. Вот старейшины и решили запастись, пока есть чем.

Теперь стало ясно, зачем у общинного дома собирали связки сухого дерева. В каждом доме должна была остаться щепа с огнём Божича, а сам он — жить дальше без силы.

Снежелика оставила ведро у колодца и пошла домой.

— А вода где? — невестка высунулась из-за печи. Снежелика торопливо бросила:

— Не смогла.

Она заметалась по избе, собирая вещи, сухари и две луковицы. Велена добавила мешочек с мятой, зверобоем и сушёной рябиной, потом достала запасные онучи.

— Куда ты собралась?

— В общинный дом.

Велена покосилась на мешок.

— А потом?

— В лес.

— С ума сошла?!

— Здесь мне места нет, а там, глядишь, и до Малых Запруд доберусь, у них деревня маленькая, рабочие руки лишними не будут.

Велена закрыла дверь в сени, прижалась спиной, преграждая дорогу. Любко спал в люльке, сопел, прижав кулак к щеке.

— Мирослав тебя не отпустит!

— Поэтому ему не скажем.

— Он решит, что я помогла.

— Ты можешь забрать мешок и позвать его.

Велена сползла на влажный от снега пол. Послушала, как за стеной Офимья ругает Младу за разлитую воду, затем сунула онучи в узел. Кончик носа у неё покраснел.

— Я скажу, что спала.

— Не поверит.

— Пусть сначала найдёт тебя, потом ругается.

Ночью Снежелика дождалась смены дозора. Двое мужчин ушли греться к священной печи, один остался у передней двери. Он сел на ступеньку, завернулся в тулуп и задремал. До рассвета оставалось часа три.

Снежелика обошла общинный дом со стороны дровяного двора, где под стеной стояло корыто с золой. В задней стене было низкое оконце, через которое летом подавали поленья для растопки общинного огня. Ставню запирал деревянный штырь. Доски рассохлись, между ними легко проходило лезвие ножа. Снежелика просунула его в щель, долго нащупывала штырь. Глухо выругалась, когда обломился кончик ножа и улетел вниз в темноту, звякнув о пол. Наконец задвижка поддалась сбитым до крови пальцам.

Узкого окна хватало, чтобы высокая, тонкая как тростинка девушка пролезла даже в теплой одежде. Снежелика протиснулась внутрь и спрыгнула на поленницу. Под ногой треснула кора. Она замерла, но с переднего крыльца донёсся только кашель дозорного.

В кладовой пахло смолой. У стены лежали связки тонких берёзовых щепок. На каждую была повязана шерстяная нить — с количеством узлов, равному дому в очереди. Снежелика провела пальцами по одной нитке, сорвала её и сунула в карман.

Божича держали в соседней горнице. Дверь была заперта снаружи на засов. Снежелика подняла его обеими руками, придерживая железо, чтобы не звякнуло. Засов шёл туго из-за тяжести, всё тело заболело от напряжения.

Божич сидел у столба. Руки были заведены назад и стянуты сыромятным ремнём, продетым через железную скобу. Влажная кожа высыхала и впивалась в запястья. Возле ног стояли чаши с солью, водой и золой, а на рубахе темнели круглые прожоги.

— Снежка? — прошептал он.

— Тише ты, караул разбудишь!

Она опустилась за столбом и попыталась просунуть обломанный нож под ремень.

— Четыре дня, — зашептала Снежелика. — Я уже решила, что ты передумал приходить.

— Меня отец из дома сразу сюда привёл. Сказал, до совета посижу.

— А потом решил разобрать на лучины?

— Это Родивой предложил. Отец согласился, когда огонь в священной печи начал гаснуть.

Ремень был тугим. Лезвие оказалось тупым, пришлось пилить кожу у самой скобы.

— Они уже пробовали?

— Три раза. Сначала на одной щепе. Потом на трёх.

— Поэтому ты холодный?

— Поэтому я сейчас бесполезный.

— Встать сможешь?

— Развяжи — узнаем.

Ремень наконец лопнул. Божич вытянул руки и застонал, когда кровь вернулась в пальцы. Закрутил онемевшими запястьями

За дверью скрипнула половица.

— Эй! — крикнул дозорный из сеней. — Кто там?

Божич попытался подняться, но нога затекла и подвернулась. Он ухватился за столб, чаши у ног звякнули друг о друга.

Дозорный рванул дверь. Снежелика успела опустить засов изнутри, однако створка сразу заходила в пазах.

— Открывай!

— В кладовую, — прошептала она Божичу. — Там окно.

— Я быстро не добегу.

— Тогда ползи как можешь!

Они добрались до кладовой, опираясь друг на друга, пока дозорный бил плечом в дверь. Снежелика первой забралась на поленницу, вытолкнула узел и вылезла наружу. Божич подтянулся следом, но застрял в узком проёме.

— Выдохни, — сказала она, тянув его за руки. — И плечо поверни.

Доска содрала с рубахи две пуговицы, зато Божич вывалился в снег как раз тогда, когда внутри рухнул засов. Полные каблуки застучали по полу.

Дозорный высунулся в оконце. Снежелика схватила пригоршню золы и бросила ему в лицо. Мужчина закашлялся, отшатнулся. Божич уже поднялся и, прихрамывая, побежал к переулку.

На площади ударили в било.

К дому Мирослава они не пошли. У мельницы Снежелика забрала спрятанные под жерновом книги и разделила свёртки. Божич взял меньший, но и под его тяжестью плечо сразу опустилось.

— Куда теперь? — спросил он.

— За посад.

— Это я понял.

— В лес. Другой дороги нам всё равно не оставили.

Божич посмотрел на деревянную птицу, зажатую в её ладони.

— К Князю ведёшь меня.

— Без него мы замёрзнем, да и через лес нам самим не пройти, духи не пустят.

— И ты ему веришь?

— Не во всём. Есть предложения получше?

Спорить Божич не стал. То ли понял, что бесполезно, то ли слишком устал для этого.

По улице уже спускались огни факелов. Снежелика затянула узел и потянула Божича к замёрзшей реке. Они шли по полосе голого льда у берега, где сапоги почти не оставляли следов, затем свернули к ельнику. За спиной лаяли собаки и перекликались люди.

У первых деревьев Божич остановился, опёрся ладонью о ствол.

— Я долго не протяну.

— До рассвета надо уйти дальше. Потом спрячемся.

Снежелика достала сухарь, разломила пополам и сунула ему кусок. Божич взял, хотя жевать не стал. Оставил за щекой.

Она сжала деревянную птицу под плащом. Холод от подвески впитался в ладонь. Между елями хрустнул снег, и на белом насте проступила узкая цепочка следов, ведущая в глубину леса.

— Это он? — спросил Божич.

— Не знаю.

— Прекрасно, — кисло ответил Божич.

Снежелика поправила мешок на плече и ступила между деревьями. Парень выругался, проглотил размокший сухарь и заковылял следом.

Глава 17.

Следы шли между елями ровной цепочкой. Ни зверь, ни человек так не ступал: расстояние между отпечатками не менялось, а сами они едва продавливали наст. Божич заметил это первым, но выяснять, кому принадлежат следы, не стал. Он всё чаще переносил вес на здоровую ногу и дышал ртом. Снежелика придерживала его под локоть, когда склон становился круче.

За поваленной сосной показался засыпанный снегом настил из веток. Низкая, сложенная из потемневших брёвен, с навесом для дров и колодцем во дворе, среди бора стояла избушка. Следы подвели прямо к крыльцу и оборвались.

— Очень гостеприимно, — пробормотал Божич.

— Будешь жаловаться, останешься ночевать снаружи.

Дверь оказалась не заперта. Внутри стояли две лавки, стол, небольшая печь и широкий дощатый наст у стены. Под потолком висели связки высохших трав, давно потерявших запах. На полке Снежелика нашла огниво, глиняный горшок и мешочек ячневой крупы. Мешочек не был прогрызен, только ткань отсырела у завязки.

Божич опустился на лавку и начал стягивать сапог. Пальцы плохо слушались, поэтому Снежелика сама развязала ремни и сняла обувь. Щиколотка распухла, но стопа не вывернулась и кость нигде не выпирала.

— Похоже, не сломал, — решила она. — Посидишь, пока я натоплю.

— Я могу дров принести.

— Можешь. Потом я ещё тебя из сугроба принесу.

Он не стал спорить. Снежелика принесла из-под навеса охапку поленьев, выбрала сухие щепки и растопила печь. За водой пришлось идти к колодцу. Ворот промёрз, верёвка заскрипела, а на поверхности воды плавала тонкая корка льда. Снежелика разбила её ведром и принесла воды дважды: одно ведро поставила у печи, второе — у двери, чтобы не выходить ночью.

Когда вода в горшке закипела, она зачерпнула ковшом кипяток и бросила туда собранные Веленой травы. Кашу поставила следом, предварительно перебрав крупу на столе. Между зёрнами попались две чёрные крупинки мышиного помёта; их Снежелика выбросила вместе с горстью вокруг.

— Пей, — сказала она, подавая Божичу ковш. — Медленно.

Он понюхал отвар.

— Горький.

— Тогда быстро.

Божич сделал глоток и скривился. Снежелика уселась напротив, сняла рукавицы и стала растирать пальцы. За окном потемнело. Сначала снег стучал по ставне отдельными крупинками, потом ветер прижал его к оконцу сплошной белой массой.

— Теперь за нами не пойдут, — сказал Божич. — Даже отец в такую метель людей не погонит.

— До опушки ещё доберутся. Внутри след потеряют.

— Откуда знаешь?

Снежелика помешала кашу, чтобы не пригорела.

— Когда я пыталась уйти от терема Князя, выбирала дерево и шла прямо к нему. Обходила ствол — и снова видела крыльцо. Куда бы ни свернула, лес возвращал меня назад.

Божич перестал пить.

— Значит, и погоню может кругами водить?

— Может. Только не знаю, Князь это делал или сам лес.

— А нас сюда кто привёл?

Снежелика посмотрела на окно. За белой пеленой уже не было видно колодца.

— Утром узнаем, если тропа останется.

Каша получилась жидкой, зато горячей. Они ели по очереди из одной миски: второй в избушке не нашлось. Божич сперва ковырял ложкой крупу, потом выскреб дно и потребовал ещё. Снежелика отдала ему остатки, а сама доела сухарь, размочив в отваре.

Спать легли на дощатом насте. Под ним нашлись два свалявшихся тюфяка и старая овчина. Снежелика уложила Божича ближе к печи, под больную ногу подсунула свёрнутый плащ. Себе постелила у края. Между ними оставалось с локоть, и всё равно она долго вслушивалась в его дыхание.

Потом скреблись в ставню.

Сначала тихо, одним ногтем, затем сразу с нескольких сторон. Снежелика открыла глаза. Печь ещё теплилась, Божич лежал у стены, натянув овчину до подбородка и похрапывая. За окном выла метель.

— Пустите, — попросил женский голос. — Холодно.

Снежелика села, нашла ладонью птицу на груди. Рука сама легла на нож, оставленный у тюфяка.

— Мы замёрзли, — этот голос был другой, глуше и старше. — Ты же наша. Открой!

По ставням затарабанили кулаками. Дерево затрещало. В щель между досками просунулись белые пальцы с чёрной землёй под скрюченными ногтями.

Снежелика дёрнулась, попыталась поднять нож, но тело будто было сковано и совсем её не слушалось. Пальцы добрались до засова и распахнули ставни. В окно поползла женщина. Лицо её было распухшим, грязные волосы упали на пол.

Снежелика закричала, девушка рысью бросилась к ней, опрокинула на спину… И Снежелика распахнула глаза. В избе кроме них с Божичем никого не было.

Она лежала на краю настила, прижимая нож к груди. В избушке было темно. Ветка билась о стену под порывами ветра, Божич спал, отвернувшись к ней спиной.

— Дуры, — прошептала Снежелика неизвестно кому и опустила нож.

Горло пересохло. Она спустила ноги на пол, дошла до двери и зачерпнула ковшом воду из ведра. Та пахла тиной, но выбирать не приходилось. Снежелика выпила несколько глотков, вытерла рот рукавом и уже собиралась лечь, когда услышала своё имя.

Голос донёсся из-под пола.

— Сне-же-ли-ка.

Она замерла. Между половицами проступил красный свет. Из щели выскользнула тонкая алая нить и легла возле её босой ступни.

— Снежелика, — повторили голоса. Теперь они звали из-за двери, из печи, с чердака. — Иди сюда. Он тебя ждёт.

Божич по-прежнему спал. Снежелика окликнула его, но он не пошевелился. Она шагнула к настилу, и половицы разошлись под ногами.

Вместо избушки вокруг лежала прогалина. Из чёрной земли торчали белые руки, между проталинами ползла талая вода. Девушки поднимались одна за другой. На мокрых рубахах висели комья земли, волосы прилипли к лицам.

— Ты опоздала, — сказала Рада.

У посоха стоял Морозный Князь. Алые нити тянулись от дерева к его рукам, груди и горлу. Одна вошла под кожу у запястья, другая прорезала щёку. Он пытался оторваться от посоха, но с каждым движением нити затягивались.

— Княже!

Он поднял голову. Губы шевельнулись, однако Снежелика не услышала слов.

Она бросилась к нему. Из-под снега вырвались новые нити, обвились вокруг лодыжек и опрокинули её на колени. Снежелика рванула одну обеими руками. Тонкая пряжа разрезала ладони, кровь закапала на снег.

Князь осел у посоха.

— Нет!

Снежелика поползла к нему. Нити добрались до пояса, стянули грудь, перехлестнули горло. Она не могла вдохнуть. Красная петля вошла под кожу на шее, и Снежелика закричала.

Кто-то схватил её за руки.

— Снежка! Проснись!

Она ударила наугад, вырвалась и врезалась спиной в край настила. Прогалина исчезла. Снежелика сидела на полу охотничьей избушки и царапала предплечья, пытаясь содрать с них нити. Божич стоял перед ней на коленях.

— Перестань. Там ничего нет.

Он поймал её за запястья. Снежелика дёрнулась, не сразу узнав его.

— Отпусти!

Божич разжал пальцы и отодвинулся, насколько позволяла больная нога.

— Хорошо. Не трогаю. Посмотри вокруг. Печь горит. Ведро у двери. Метель шумит. Мы в избушке.

Снежелика провела ладонью по шее. Кожа была цела, только ногти оставили на руках красные полосы.

— Они были здесь.

— Кто?

— Девушки. Сначала стучали в окно, потом я проснулась… — Она посмотрела на ведро. Ковш лежал на крышке, хотя во сне она оставила его на полу. — Нет. Я думала, что проснулась.

Божич поднял овчину и накинул ей на плечи.

— А потом?

— Прогалина. И Князь. Нити затянулись на нём, а я не могла добраться.

У Божича напряглась челюсть, однако спорить он не стал. Поднял овчину и накинул ей на плечи.

— Князя здесь нет. Это был дурной сон.

— Он взял мой срок на себя. Что, если лес снова потребовал плату?

— Тогда утром найдём его и спросим.

— Ты говоришь так, будто сам к нему торопишься.

— Не тороплюсь. Но тебя одну не отпущу.

Снежелика хотела съязвить, однако сил не осталось. Она подтянула колени и прислонилась к краю настила. Божич сел рядом, оставив между ними ладонь свободного места.

— Отец бы и правда позволил вытянуть из тебя весь огонь? — спросила она.

— Он стоял рядом, когда пробовали на трёх лучинах.

— И ничего?

— Сказал терпеть. Хранитель обязан посаду больше, чем семье.

Снежелика вспомнила Ивара у печи: «Тебе бы тоже помолчать». Один отец смотрел, как дочь едва не облили кипятком, другой отдавал сына на растопку. Хороши оба.

— Значит, возвращаться тебе тоже некуда.

— Мать, может, пустила бы. Тайком, через заднюю дверь.

Божич усмехнулся и тут же поморщился: губа снова треснула.

— Мирослав тебя принял.

— И уже не знает, куда меня деть. Соседи перестали молоть у него зерно.

За стенами выл ветер, снег шуршал по крыше. Божич положил ладонь на доски между ними.

— Можно к тебе?

Снежелика подвинулась сама и накрыла его пальцы. Они были прохладными, а не горячими, как раньше.

Божич обнял её за плечи. Сначала коснулся губами виска, затем щеки. Возле губ остановился, и Снежелика сама потянула его за рубаху. От первого поцелуя Божич дёрнулся и тихо выругался.

Снежелика фыркнула, не отстраняясь.

— Не умеешь?

— Губу мне разбили, между прочим.

Он поцеловал её снова, медленнее. Всю жизнь Божич должен был достаться Зорице: так говорила Офимья, так считали в посаде, так привыкла думать сама Снежелика. Теперь он сидел рядом, целовал её, а никакой Зорицы между ними не было. Хотелось смеяться от одной этой мысли.

Не мешали ни остатки липкого страха после кошмара, ни привкус крови и горького отвара. Губы ласкали чужие, Божич надавил пальцем на подбородок, прося открыть рот, и Снежелика подчинилась. Было приятно и очень волнительно.

Божич касался губами её щеки, подбородка и шеи, прерываясь, когда начинала болеть губа. Провёл ладонью по спине поверх рубахи, погладил плечо, запутался пальцами в распустившейся косе. Когда рука легла ей на бок, он остановился.

— Так можно?

Хотелось отказать, потом вспомнила, что в темноте он может не увидеть.

— Можно.

Она прижалась лбом к его плечу. Его ладонь оказалась под рубахой, тронула бок. Дыхание было тяжелым и прерывистым, стало жарко, хоть руки парня и оставались прохладными.

Ладони нашли своё место на чужой спине, пальцы стискивали пропитанную потом алую рубаху. Божич нежно обнимал её, мягко трогал спину и живот. По телу расплывалось приятное тепло. Поцелуи замедлились, пока не превратились в лёгкое прикосновение к щеке. Божич и сидел-то с трудом, у Снежелики дрожали руки после сна, а за стеной ходила метель. Они лежали, укрывшись одной овчиной. Он ещё несколько раз поцеловал её в волосы и лоб, пока девушка не уснула.

Утром первым делом Снежелика отодвинулась к краю настила. Божич проснулся, потянулся к ней, но она уже поднялась и занялась печью.

— Замёрзла? — спросил он.

— Нет.

— Тогда что?

— Воду надо греть.

Снежелика взяла пустое ведро и вышла к колодцу, хотя воды у двери оставалось ещё на полгоршка. Возвращалась медленно. Ночью всё было правильно: его руки, поцелуи, радость от того, что Божич был с ней, а не с Зорицей. При дневном свете ей хотелось отодвинуться и не вспоминать об этом. Под рубахой лежала деревянная птица. Снежелика нащупала её и тут же убрала руку. Во рту было горько.

Божич больше не спрашивал. Съел остатки каши, перевязал щиколотку полосой ткани и взял меньший свёрток с книгами. Снежелика залила угли остатком воды и закрыла печную заслонку. Когда она помогла Божичу подняться, он не стал удерживать её руку.

Метель стихла. Следы вокруг избушки исчезли, двор занесло до нижнего венца. Зато от крыльца тянулась новая тропа — узкая, утоптанная, будто по ней с осени ходили.

— Вчера её не было, — сказал Божич.

— Не было.

Они пошли по ней. Снежелика ждала, что лес снова вернёт их к избушке, но через полчаса ели поредели. Ещё немного — и впереди показалось открытое небо.

Божич остановился у последнего дерева.

— Нас вывели.

— Или выгнали.

Снежелика оглянулась. Тропа уже зарастала снегом.

— Князь? — спросил Божич.

— Не знаю.

За деревьями начинался длинный заснеженный склон. Внизу, между белыми полями, стояла небольшая деревня: два десятка крыш, колодец и тонкий дым над крайней избой.

Божич поправил свёрток на плече.

— Надеюсь, там не знают про Белых Невест.

Снежелика пошла вниз первой.

Глава 18.

К деревне спустились уже к полудню. На пригорке стояли двадцать с лишним дворов, но дым шёл только из половины труб. У околицы валялись занесённые снегом сани без полозьев, возле колодца клевали просо две тощие курицы. Ни детского крика, ни собачьей свары Снежелика не услышала. Лишь у крайнего дома старик в овчинном тулупе щепал лучину и долго смотрел, как они ковыляют по дороге.

— К кому идёте? — спросил он, не выпуская ножа.

Божич покосился на Снежелику. После ночи в избушке они почти не разговаривали, а теперь требовалось быстро придумать что-то, чему поверят без лишних распросов.

— Ищем, где переночевать. Муж ногу повредил.

Только договорив, Снежелика поняла, кем назвала Божича. Он кашлянул в кулак, но возражать не стал.

— С верховья идём, — добавил Божич. — В посад за рекой.

Старик осмотрел их узлы, сапоги и княжеский плащ на плечах Снежелики.

— Наёмные?

— Писарю помогали. Теперь работу ищем.

Это объясняло книги и не требовало показывать их чужому человеку. Старик кивнул на дом через дорогу.

— К Агнешке ступайте. У неё сыновья рыбу возят, место найдётся. Только за ночлег дров наколете.

Агнешка оказалась маленькой сухой женщиной с одним ясным серым глазом. Второй затянуло белёсой плёнкой. Она с трудом открыла дверь, сперва долго возилась с крюком, потом вытянула шею и обнюхала воздух.

— Чужие?

— Переночевать бы, бабушка, — попросил Божич. — Я ногу подвернул. Заплатить нечем, но дрова наколю, как только смогу стоять.

— Будешь ты колоть. Сядешь на чурбак и замёрзнешь. А жена твоя чего умеет?

Снежелика подняла узел повыше.

— Печь растопить, кашу сварить, сети починить, если покажете.

— Заходите. Неча теплу гулять.

В горнице сильно пахло рыбой. Под потолком на веревке рядами висели сохнущие тушки. У печи сидели ещё две старухи, перебирали мелкую корюшку и складывали в деревянное корыто. Молодых в доме не было. Агнеша объяснила, что младший сын ушёл плотничать в посад, невестка служит там же у купца, а старший, Ефим, живёт между деревней и посадом. Остальные дворы жили так же: дети выросли, перебрались за реку, старики остались стеречь дома, огороды и могилы.

— Весной ещё возвращаются, — сказала одна из женщин, выдёргивая жабры у рыбы. — На сенокос. А зимой кому мы нужны.

Агнеша посадила Божича на лавку, велела снять сапог и сама ощупала щиколотку. Пальцы у неё были жёсткие, с чёрными полосами под ногтями.

— Не сломал. День полежишь — пойдёшь. Как звать-то вас?

— Я Божан, — соврал Божич после короткой паузы. — Это жена моя, Снежа.

Снежелика сжала губы. Он выбрал имена, которые не пришлось бы запоминать заново, но повторять про жену всё равно мог бы не так охотно. Старушка ничего не заметила. Подошла ближе, ухватила Снежелику за подбородок и повернула лицом к окну.

— Косы покажи.

— Зачем?

— Покажи, говорю.

Снежелика вытащила волосы из-под платка. Белые пряди рассыпались по плечам. Агнешка прищурила зрячий глаз, потом позвала одну из старух.

— Акулина, глянь. Вылитая бабка моя.

— Твоя бабка кривая была, — отозвалась Акулина.

— На ноги кривая. Лицом такая же. Косы белые, глаза ледяные, и руки зимой не грелись.

Снежелика убрала волосы под платок.

— Откуда она была?

— Отсюда. Потом ушла за реку, вышла замуж за лодочника. До старости дожила, пятерых родила. Только народ её всё равно Морозовой дочкой звал.

Божич поднял голову.

— Почему?

Агнеша отпустила Снежелику и вернулась к рыбе.

— Потому что раньше таких детей Морозом отмеченными считали. Теперь забыли. В посаде всё забывают быстрее, чем снег с крыш сходит.

Вечером старший сын принёс с реки два мешка рыбы. Ефим и сам уже был почти стариком: борода седая, спина согнута, на левой руке не хватало двух пальцев. Он не стал расспрашивать гостей, только велел Божичу утром садиться в розвальни и не наступать на больную ногу.

После ужина женщины потушили лишние лучины, оставив одну у печи. Снежелика с Божичем устроились на широкой лавке за занавеской. Между ними легли узлы с книгами. Притворяться супругами перед старухами было проще, чем оставшись вдвоём. Божич пробежался по щеке девушки кончиками пальцев в неловкой ласке и лёг лицом к стене.

Из горницы ещё долго доносились голоса. Агнешка рассказывала Акулине, что беловолосых прежде рождалось больше, особенно после ранних зим. Снежелика не выдержала и отдёрнула занавеску.

— Бабушка, а что с ними было?

Полуслепая старушка сидела у печи и пряла шерсть.

— С кем?

— С девушками, которых Морозом отмечали.

— По-разному. Кто замуж выходил, кто в монастырь уходил. А про иных сказка есть. Только тебе на ночь нельзя, спать не будешь.

— Расскажите.

Агнеша почесала висок концом веретена.

— Мужу не говори токмо, не его это дело. Сказывали, Мороз своих невест зимой кликал. Девка ещё маленькая, а уже белая вся, холодная. Слова лишнего не скажет, чужому не улыбнётся, летом в тени сидит. До поры живёт как все, а потом начинает видеть жениха.

— Какого? — Снежелика поправила занавеску.

— Мёртвого. Стоит за околицей, в белой рубахе, лицо снегом присыпано. Никто его, кроме неё, не видит. Он зовёт, она выходит. Сперва к воротам, потом за плетень, потом в поле. А в самую долгую ночь уходит совсем.

— И не возвращается? — спросила Снежелика.

— На то он и мёртвый жених. Куда с ним возвращаться?

Акулина фыркнула.

— У моей матери иначе рассказывали. Там Мороз не жених, а хозяин лесной. Девок брал за то, что люди костры без спроса жгли.

— У твоей матери все сказки про дрова, — отмахнулась Агнеша. — Отец её лесничим был.

Снежелика села на край лавки.

— А бабушка ваша видела такого жениха?

Агнешка перестала крутить веретено.

— Не говорила. Только перед свадьбой три ночи подряд уходила к реке. прадед за ней следил, потом связал ей ноги поясом и до утра держал. Через год она родила мою мать. Так что мёртвому жениху не досталась.

— А если бы ушла?

— Кто ж знает. Не вернулась бы — сказали, что замёрзла. Кому охота зимой по лесу искать?

Агнеша снова взялась за веретено. Снежелика легла, но ещё долго смотрела на тёмную ткань занавески. В Звенце белые волосы считали дурным знаком, здесь — меткой Мороза. Разница была невелика, зато бабка Агнеши прожила долгую жизнь и родила детей. Значит, не каждая отмеченная девушка становилась Белой Невестой.

Утром Ефим запряг низкие розвальни. Через реку вели по зимнику: лёд присыпали соломой, вешки отмечали полыньи. Рыбу уложили в два короба, сверху бросили рогожу. Божича посадили на мешок с сеном, Снежелика устроилась рядом, придерживая узлы ногами.

— В посаде скажете, что родня моя, — предупредил Ефим. — Про деревню лишнего не болтайте. Тамошние любят считать, сколько у нас осталось дворов и кому земля достанется.

— Часто считают? — спросила Снежелика.

— Каждый год. Пока мы живы — рано считают.

Посад за рекой оказался втрое больше Звенца. Дома теснились вдоль берега, над торгом висел рыбный запах, у пристани чинили лодки прямо на льду. Ефим отвёз короба к крытому ряду и договорился встретиться у часовни после заката.

— Песни вам зачем? — спросил он, когда Божич объяснил, что они ищут старые предания.

— Жена из писарской семьи, — ответил Божич. — Собирает, что в книгах не осталось.

Снежелика ткнула его локтем в бок, но Ефим уже полез развязывать рогожу. Она помогла вытащить короба и разложить рыбу на прилавке. За работу Ефим сунул ей два медяка.

— На хлеб. Родня роднёй, а с пустым животом много не насобираете.

Первую песню они услышали у торгового ряда. Слепой гусляр сидел на перевёрнутой бочке и пел про Князя в ледяной короне, который крал девушек из тёплых домов. В песне он ездил на белом коне, дыханием гасил печи, а невестам вырезал сердца и прятал в замёрзшем озере.

— Хранитель Огня там был? — спросила Снежелика, когда старик закончил.

— Был, — ответил гусляр. — Кто ж ещё Князя прогнал? Зажёг семь костров, вывел девок изо льда.

— А в припеве его нет.

— Припев новый. Старый длинный, народ монету не даёт.

За один медяк он пропел старый куплет. Хранитель шёл за Князем в лес, нёс в груди живой огонь и звал украденных невест по именам. Последних строк гусляр не помнил, поэтому осталось непонятно, вернулся ли Хранитель.

От гусляра отошли, когда тот затянул новую песню. За соляными рядами трещали деревянные колотушки. Между двумя санями натянули холст, перед ним сидели дети. Над ширмой спорили две куклы: зелёная в венке и белая с шерстяной косой.

— Я дочь Весны! Где ступлю, там трава взойдёт! — пропищал кукольник.

— А я дочь Мороза! Где ступлю, там вода уснёт! — ответил он низким голосом.

Мороз в деревянной короне запер белую дочь в ледяном тереме. Выручать её пришёл человек в красной рубахе, с нарисованным на груди пламенем. Он разжёг костёр, белая дева вышла и прыгнула через огонь. Помощница плеснула на доски водой, кукла исчезла. Мороз собрал воду в серебряную чашу, а Хранитель остался у погасшего костра.

После представления Снежелика подошла к кукольнику. Тот складывал кукол в ящик и привязывал белой деве оторванную руку.

— Почему Хранитель привёл её к огню? — спросила она.

— Иначе не растает, — ответил мужчина.

— А зачем ей таять?

— Весна пришла. Снегу положено.

Божич присел на край саней и вытянул больную ногу.

— Вы от кого сказку переняли?

— От деда, — ответил кукольник. — У него Хранитель дольше с Морозом спорил, потом за девицей бежал.

— Куда? — спросил Божич.

Кукольник пожал плечами.

— За ширму. Я тех слов не помню. Дети на разговорах скучают.

Старого писца Мирона нашли возле свечного сарая. Он пересчитывал воск и на просьбу Божича ответил, не поднимая головы:

— Не знаю.

— Я ещё не спросил, — заметил Божич.

— Значит, сберёг нам время.

Мирон запер ящик и пошёл к храмовому двору. Божич двинулся рядом, хотя хромал всё сильнее.

— В старой песне Хранитель идёт в лес за Белой Невестой, — сказал он.

— В песнях и щуки замуж выходят, — отрезал Мирон.

— В кукольной игре он выводит дочь Мороза к огню.

— Кукольники за медяк тебя царём покажут.

У ворот старик всё же остановился.

— Кто вы такие?

— У писаря служили, — ответил Божич. — Жена собирает старые обычаи, я записываю.

Мирон посмотрел на Снежелику.

— Писарские жёны обычно дома сидят.

— Моя плохо слушается.

Снежелика наступила Божичу на сапог.

— У мужа моего нога больная, помощь ему нужна. А кому ж ещё плечо подставлять, как не мне?

Мирон усмехнулся, вынес из сарая доски от старого сундука и велел отделить целые от гнилых. Лишь когда Божич вытащил последний ржавый гвоздь, старик заговорил:

— Мать моя из Вязовки была. Там Белую Деву прятали в амбаре, а Хранитель сидел у двери с огнём.

— От кого прятали? — спросила Снежелика.

— От жениха. Или от Мороза. Если огонь гас, девку выводили за село, а Хранитель шёл следом.

— Возвращался? — спросил Божич.

— Дети потом искали в снегу его рукавицу. Больше у Радмилы спросите, сестры моей матери. Она в Вязовке живёт и помнит лучше меня.

У ряда с сушёными корнями Снежелика купила окопник для Божичевой ноги. Травница заметила её косы и пробормотала:

— Белая сидит — Мороза сторожит. Огневик придёт — за руку уведёт.

— Огневик — это Хранитель? — спросил Божич.

— А кто же ещё? Раньше их так звали, — ответила женщина и повернулась к следующему покупателю.

Под навесом часовни Снежелика разложила записи на скамье. Божич сел рядом и вытянул больную ногу.

— Ты опять про Князя, — сказал он.

— Лесные духи называли его огневиком. Он сказал, что когда-то у него был свой огонь. А теперь в песнях совсем уж путаница!

Божич забрал у неё один лист и перечитал приговорку травницы.

— Если это один человек, почему нынешние Хранители называют его врагом и ведут к нему невест?

— Может, потому что никто уже не помнит, кем был первый.

— Или потому что тебе хочется его оправдать.

Снежелика вытащила из-под рубахи деревянную птицу. На светлом дереве проступала старая трещина.

— Не хочу. Мне от этого легче не станет.

Божич посмотрел на подвеску, затем на строки.

— Допустим, первый Хранитель и Морозный Князь — один человек. Что тогда?

— Тогда вначале Белая свадьба была другим обрядом. Потом из него убрали Хранителя, а в песнях оставили только чудовище и мёртвых невест.

На площади ударил колокол, торговцы начали закрывать ряды. Ефим уже ждал у часовни с пустыми коробами.

Снежелика сложила записи и спрятала их в узел. По дороге к розвальням она ещё раз оглянулась на посад. Где-то среди этих домов могли храниться старые книги, в которых Хранитель ещё не исчез из истории.

— Завтра найдём, кто здесь ведёт храмовые записи, — сказала она.

Божич поморщился, устраиваясь на сене.

— Завтра ты сначала дашь мне поспать.

— Поспишь, пока Ефим продаёт остатки рыбы.

— Вот и поженились.

Снежелика хотела огрызнуться, но Ефим уже тронул лошадь. Розвальни дёрнулись, и ей пришлось ухватиться за Божича, чтобы не съехать на дорогу.

У заставы Ефим свернул не к реке, а между полями.

— Вязовка в стороне, — предупредил он. — Заберу сеть и сразу назад. Радмилу ждать не стану.

В село въехали в сумерках. Радмила жила у околицы. Услышав имя Мирона, она попыталась закрыть дверь.

— Я об этом старом хорьке ничего знать не хочу!

Снежелика придержала створку.

— Он ничего не передавал. Сказал только, что вы помните одну старую игру.

Радмила заметила её волосы и впустила их в сени. Попросила обождать и скрылась за печью. Чем-то гремела, потом принесла тряпичную куклу с красной нитью на талии.

— Белая Девица была дочерью Мороза и Весны, — объяснила старуха. — Отец тянул её в зиму, мать хотела ей дать человеческую жизнь и любовь. Хранитель держал между ними свечу.

— Если свеча гасла? — спросил Божич.

— Мороз уводил девицу, — ответила Радмила. — Если разгоралась слишком сильно, забирала Весна, и таяла она. А если Хранитель удерживал ровный огонь, оставалась среди людей.

Старуха взяла короткий огарок.

— Потом Хранитель отдавал ей свой огонь: «Огонь мой возьми, имя моё сохрани. Пока зовёшь — я приду».

Снежелика сжала под рубахой деревянную птицу.

— А что становилось с ним?

— Лицо мукой белили, тулуп выворачивали, на голову надевали корону Мороза.

Божич выпрямился.

— Один человек играл Хранителя и Мороза?

— Конечно, — ответила Радмила. — Отдал огонь — сам стал холодным. Зачем другого мальчишку искать?

Снаружи позвал Ефим. Старуха убрала куклу.

— Ступайте. Остальное за столько лет уж и позабыла.

В розвальнях Божич долго молчал, натянув рогожу на колени.

— Это детская игра, — наконец сказал он.

— Я знаю, — ответила Снежелика. — Поэтому запишу её отдельно. Но Хранитель отдаёт огонь, белеет и становится Морозом. Уже третий раз они оказываются в одной истории.

Она прижала лист к крышке рыбного короба и записала слова Радмилы. Уголь ломался на ухабах, буквы выходили кривыми.

Теперь у Снежелики был вопрос, от которого Морозный Князь не сумеет отвертеться: кем он был до того, как стал управлять морозом?

Глава 19.

Наутро снег осел, дорогу к реке расчистили санями. Ефим повёз в посад последнюю рыбу, Божич устроился рядом с ним на козлах, положив больную ногу на мешок с соломой. За ночь щиколотка распухла сильнее, и Агнешка затянула её полотняной полосой, предварительно приложив толчёный окопник.

— В храмовый двор сначала, — сказала Снежелика, забираясь в розвальни. — Мирон обещал показать старые описи.

— Мирон ничего не обещал, — напомнил Божич. — Он разрешил нам сгнивший сундук разобрать.

— Значит, сегодня разрешит что-нибудь ещё.

Писарь встретил их у свечного сарая и сразу заявил, что времени нет. Божич сел у двери на перевёрнутое ведро, развернул вчерашние записи и начал читать вслух имена из описи Белых свадеб. На третьем Мирон перестал носить воск, на пятом вырвал у него лист.

— Где взяли?

— В мельничных книгах, — ответила Снежелика. — Нам нужна старая формула обряда.

Мирон долго смотрел на неё, потом велел идти за ним. В кладовой при часовне стояли сундуки с храмовыми расходами. Старик открыл самый нижний, вытащил две связки берестяных грамот и бросил их на стол.

— Это не обряды. Пожертвования, починка, кто сколько воска дал. Всё, что старше ста лет, сырость съела.

Они перебирали грамоты до полудня. В большинстве значились свечи, масло и плата плотникам. На одной Снежелика нашла строку о хлебе, соли и белом полотне для «зимнего договора». Ниже другой рукой было приписано: «нести к старому огнищу на рубеже Вязовского бора».

— Где это? — спросила она.

Мирон взял грамоту, поднёс к окну.

— За Вязовкой. Там капище было до часовни. Теперь одни камни.

— Далеко от села?

— С версту. Дорога по меже, потом к соснам. Только внутри бора не ходи.

Божич поднялся с ведра.

— Пойдём вместе.

Он наступил на больную ногу и тут же ухватился за косяк. Мирон хмыкнул.

— Ты до ворот вместе с ней не дойдёшь.

Ефим должен был до вечера продать рыбу, забрать у кожевника ремень для упряжи и купить соль. Божич вызвался помочь, а заодно разузнать, кто возит людей выше по реке, чтобы старик не оставил их в посаде без дороги назад. Он долго спорил со Снежеликой у часовни, но идти на распухшей ноге всё равно не мог.

— До камней и обратно, — сказал он. — Если тропа войдёт в лес, повернёшь.

— Поверну, если захочу.

— Снежка.

— Я не в Звенце. Ты мне не Хранитель и не муж.

Божич помолчал, потом кивнул на узел с книгами.

— Хотя бы подлинники оставь.

Она отдала ему тяжёлый свёрток, взяла только переписанное и нож. Ефим уже кричал с рыбного ряда, и Божич, ругаясь, заковылял к нему.

До Вязовки Снежелика добралась на попутных санях. Возчик высадил её у околицы и показал кнутовищем на заснеженную межу. Сначала дорога шла вдоль пустых огородов. Потом изгороди кончились, справа поднялся бор, а слева осталось белое поле с торчащими стеблями.

Старое огнище оказалось не в лесу, а на самом рубеже. Четыре каменных столба стояли полукругом, пятый лежал в снегу. Между ними чернела широкая чаша, вырубленная из цельного валуна. На дне примерзли сосновые иглы и две медные монеты. За чашей сохранился низкий навес: крыша просела, на балках висели пучки сухой травы и клочья выцветшего полотна.

Снежелика обошла столбы. На одном было вырезано солнце с восемью лучами, на соседнем — след птицы, окружённый мелкими насечками. Дальше знаки шли вперемешку: языки пламени, еловые ветви, круги, похожие на снежинки. Кто-то когда-то пытался стесать их, но лишь сбил края.

Она достала лист с переписанной строкой и сверила направление. «На рубеже» — не в человеческой земле и не в лесу. Место выбрали так, чтобы обе стороны стояли рядом, но ни одна не заходила на чужую.

Под навесом лежал обломок шестого столба, защищённый крышей от снега. Снежелика перевернула его и очистила рукавицей выбитую строку: «Хлеб — людям. Слово — лесу. Огонь — меж ними».

В бору хрустнула ветка.

Снежелика выпрямилась и сжала птицу под рубахой.

— Княже.

Никто не ответил.

— Мне нужно поговорить.

Между соснами прошёл ветер. С верхних ветвей посыпался снег, но у земли не шевельнулась ни одна иголка. Снежелика ждала, пока пальцы не начали мёрзнуть внутри рукавиц.

— Я принесла слова о Хранителе, который отдал огонь и стал Морозом, — сказала она громче. Краем глаза заметила движение, обернулась.

Слева от навеса стоял Морозный

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.